

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Том 27, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2022

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский
государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор исторических наук,
академик АН Азербайджана, (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор исторических наук
(Казахстан, Нурсултан)

С. Д. Атдаев, кандидат исторических наук
(Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук
(Киргизия, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор исторических наук
(Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор исторических наук
(Казахстан, Нурсултан)

З. С. Самашев, доктор исторических наук
(Казахстан, Нурсултан)

М. Гантуяа, Ph.D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония,
Токио)

Е. Смолари, Ph.D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философских наук
(Германия, Берлин)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук
(Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия,
Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия,
Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия,
Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук
(Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук
(Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философских наук
(Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философских наук (Россия,
Москва)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук
(Россия, Томск)

А. Г. Ситдииков, доктор исторических наук
(Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор исторических наук
(Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор исторических наук
(Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат
исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, доктор исторических наук (Россия,
Новосибирск)

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук
(Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор
культурологии (Россия, Новосибирск)

А. В. Горбатов, доктор исторических наук
(Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия,
Казань)

А. В. Поляков, доктор исторических наук (Россия,
Санкт-Петербург)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия,
Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия,
Москва)

С. В. Любичанковский, доктор исторических наук
(Россия Оренбург)

А. Д. Таиров, доктор исторических наук (Россия,
Челябинск)

Д. В. Папин, кандидат исторических наук (Россия,
Новосибирск)

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета
и зарегистрирован Комитетом РФ по печати.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–
78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом
не могут быть перепечатаны без письменного
разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край,
Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312, Алтайский
государственный университет, кафедра
регионоведения России, национальных
и государственно-конфессиональных
отношений.

© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2022

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2022 Vol. 27, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2022

The journal was Founded in 2007
The founder of the journal is Altai State University

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences
(Russia, Barnaul)

International council:

Sh. Mustafayev, doctor of historical sciences, academician of the Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku),
A. S. Zhanbosinova, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)
S. D. Atdaev, candidate of historical sciences (Turkmenistan, Ashgabat)
N. I. Osmonova, doctor of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)
Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgariy, Sofiy)
Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)
A. M. Dossymbaeva, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Nursultan)
M. Gantuya, Ph.D. (Mongolia, Ulaanbaatar)
Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)
E. Smolarts, Ph.D. (Germany, Bonn)
Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

Editorial team:

S. A. Vasyutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
N. L. Zhukovskaya, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)
A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)
T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)
O. M. Khomushku, doctor of philosophical sciences (Russia, Kyzyl)
M. M. Shakhnovich, doctor of philosophical sciences (Russia, St. Petersburg)
E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)
L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)
A. G. Sitdikov, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of historical sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

A. V. Baulo, doctor of historical sciences (Russia, Novosibirsk)
L. N. Ermolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
Yu. A. Lysenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)
L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)
G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)
A. V. Gorbatov, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)
K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)
A. K. Pogasiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)
A. V. Polaykov doctor of historical sciences (Russia, St. Petersburg)
S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)
S. V. Lyubichankovsky, doctor of historical sciences (Russia, Orenburg)
A. D. Tairov, doctor of historical sciences (Russia, Chelyabinsk)
D. V. Papin, candidate of historical sciences (Russia, Novosibirsk)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–78911. Registration date 07.08.2020 z.

Editorial office address: 656049, Altai region, Barnaul, ul. Dimitrova, 66, office 312, Altai state University, Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations.

© Altai State University Publisher, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022 Том 27, №2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

- Иванов С. С.* Сакская культура Алая (юго-западная часть Киргизии).....7
- Идэрхангай Т.-О., Серегин Н. Н.* Тюркские оградки комплекса Устийн ам (Центральная Монголия).....28
- Марсадолов Л. С.* Астростелы — указатели сакральных путей на древнем святилище Туру-Алты на Алтае.....39
- Савельева А. С.* Состав металла инвентаря из погребения подгорновского этапа тагарской культуры могильника Косоколь II в северной лесостепи (по материалам раскопок А. И. Мартынова 1985 г.)72
- Трапезов Р. О., Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Томилин М. А., Пилипенко И. В., Журавлев А. А., Пристяжнюк М. С., Демин М. А., Савко И. А., Папин Д. В.* Первые результаты палеогенетического исследования носителей андроновской (федоровской) культуры из могильников Чекановский лог-2, 1087

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Тишин В. В.* Понятие qut в памятниках древнетюркской рунической письменности: ревизия трактовок105
- Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н.* Социологическое изучение образа России в представлениях населения Западной и Центральной Монголии.....121

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- Кубаев С. Ш.* О некоторых элементах храмов Средней Азии136
- Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С.* Социальная и культурно-просветительская деятельность религиозных организаций в Западной Сибири в конце XX в. (по материалам Новосибирской области)147
- Недзельюк Т. Г.* «Полковые священники» неправославных исповеданий в Российской империи (на примере сибирского региона)166

- ДЛЯ АВТОРОВ**177

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

2022 Vol. 27, №2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Ivanov S. S.</i> Saka culture of Alai (south-western Kyrgyzstan).....	7
<i>Iderkhangai T.-O., Seregin N. N.</i> Turkic enclosures of the Ustiin am complex (Central Mongolia).....	28
<i>Marsadolov L. S.</i> Astrostels-indicators of sacred ways at ancient sanctuary Turu-Alty on Altai.....	39
<i>Savel'eva A. S.</i> Metal composition of inventory from the grave of the podgornovsky stage of the tagar culture of the Kosogol II burial ground in the northern forest-steppe (according to the materials of excavations by A. I. Martynov in 1985)	72
<i>Trapezov R. O., Pilipenko A. S., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Pilipenko I. V., Zhuravlev A. A., Priestyazhnyuk M. S., Demin M. A., Savko I. A., Papin D. V.</i> The first results of the paleogenetic investigation of andronovskaya (fedorovskaya) culture burials from site Chekanovskiy log-2, 10	87

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Tishin V. V.</i> A term cut in the monuments of old turkic runic writing revisited.....	105
<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N.</i> Sociological study of the image of Russia in the population's representations of western and central Mongolia	121

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Kubaev S. Sh.</i> About some elements of the temples of Central Asia	136
<i>Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S.</i> Social and cultural and educational activities of religious organizations in Western Siberia at the end of the XX century (based on the materials of the Novosibirsk region)	147
<i>Nedzelyuk T. G.</i> "Regimental priests" of non-orthodox confessions in the Russian empire (on the example of the Siberian region).....	166

FOR AUTHORS	177
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903'15

DOI: 10.14258/nreur (2022) 2–01

С. С. Иванов

Киргизский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек (Киргизия)

САКСКАЯ КУЛЬТУРА АЛАЯ (ЮГО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ КИРГИЗИИ)

Статья посвящена проблеме выделения особой археологической культуры саков Алая эпохи раннего железного века, занимавшей особое место среди кочевых и скотоводческих культур этого периода в Средней Азии. Основной территорией ее распространения были горные районы Алая, а также приграничные районы юго-западного Синьцзяна и восточной части Каратегина. Кроме того, значительную культурную близость имеют некоторые памятники западных районов Ферганской долины. Сакская культура Алая представлена преимущественно погребальными памятниками, основная часть которых относится к VI–III вв. до н. э. Процесс формирования этой археологической культуры был достаточно сложный, основную роль в ней сыграла мощная миграционная волна, шедшая через Тянь-Шань и Фергану на запад из Восточного Казахстана на рубеже VIII и VII вв. до н. э., а также в меньшей мере местное население, связанное своим происхождением с чувской культурой эпохи поздней бронзы. Окончательно сакская культура Алая формируется не ранее начала VI в. до н. э. Ее носители имели тесные культурные и этногенетические связи с соседним населением эйлата-но-актамской культуры Ферганы, саками Памира и ранними кочевниками Синьцзяна.

Ключевые слова: Средняя Азия, ранний железный век, сакская культура Алая, культурные взаимосвязи.

Цитирование статьи:

Иванов С. С. Сакская культура Алая (юго-западная часть Киргизии) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 7–27. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–01.

S. S. Ivanov

Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan)

SAKA CULTURE OF ALAI (SOUTH-WESTERN KYRGYZSTAN)

The article is devoted to the problem of identifying a special archaeological culture of the Saka of Alai region in the Early Iron Age. This culture had a special place among the nomadic and pastoral cultures of this period in Central Asia. It was generally occupied mountainous regions of Alai, as well as the border areas of Xinjiang and Karategin. Besides, some monuments of the western part of the Fergana valley had a significant cultural proximity. The Saka culture of Alai is represented mainly by burial sites, the main part of which belongs to the VI–III centuries BC. The process of formation of this archaeological culture was complex. The general role in this was played by a big migration wave, which came from Eastern Kazakhstan to the west direction through the territories of Tien Shan and Fergana at the turn of the VIII and VII centuries BC. The local population associated with the Chust culture of the Late Bronze Age played a lesser role in this process of its formation. Finally, the Saka culture of Alai was formed not earlier than the beginning of the VI century BC. Its population had close cultural and ethnogenetic interactions with the neighboring population of the Eilatan-Aktam culture of Fergana, the Saka tribes of the Pamirs and the ancient nomads of Xinjiang.

Keywords: Central Asia, Early Iron Age, Saka culture of Alai region, cultural interactions.

For citation:

Ivanov S. S. Saka culture of Alai (south-western Kyrgyzstan). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 2. P. 7–27. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–01.

Иванов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Киргизского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек (Киргизия). Адрес для контактов: sak@yandex.ru. Orcid ID: 0000–0002–4081–3749.

Ivanov Sergei, candidate of Historical Sciences, Assistant Professor of Kyrgyz National University named after J. Balasagyn, Bishkek (Kyrgyzstan). **Contact address:** sak@yandex.ru. Orcid ID: 0000–0002–4081–3749.

Введение

Археологические памятники I тыс. до н. э. Алайской долины (Чон-Алая, или Большого Алая) и прилегающего к ней с севера горного массива Кичи-Алая (Малого Алая) вплоть до настоящего времени изучены сравнительно слабо. Основная их часть представлена погребальными памятниками. Хотя, по-видимому, параллельно с ними существовали также небольшие оседлые поселения, которые, впрочем, были напрямую

связаны с тем же населением, что оставило и курганные могильники. На это указывает то, что А. Н. Бернштамом было обследовано поселение Кызыл-Курган, материалы которого были в целом синхронны материалам из погребений [Бернштам, 1952: 193–197].

Всего к настоящему времени на Алае изучено порядка 145 курганных захоронений¹ [Бернштам, 1952: 193–200; Заднепровский, 1960: 68–84; 1962: 155–158; Баруздин, 1962; Абетеков, 1968]. Но они, к сожалению, по ряду объективных причин получили далеко не полное отражение в научной литературе [Ташбаева, 2011: 121–136].

Это обстоятельство во многом затрудняет культурную и отчасти — точную хронологическую атрибуцию этих погребальных памятников. Исследователями в основном отмечались определенные сходства и отличия погребального обряда и материальной культуры ранних кочевников Алая и соседних Ферганской долины, Восточного Памира и Тянь-Шаня. Однако вопрос культурной дефиниции сакских памятников Алая не поднимался, хотя еще в 80-е гг. прошлого века Ю. А. Заднепровский отмечал, что можно в целом разграничить их с синхронными памятниками соседних районов [Заднепровский, 1992: 89]. К. И. Ташбаева в это же период предлагала выделить сакские погребения Алая в отдельный локальный вариант единой культурной общности ранних кочевников Кыргызстана [Ташбаева, 2011: 146, 170–171]. Но едва ли можно принять эту точку зрения, так как в культурном плане погребальные памятники саков Алая демонстрируют заметные культурные отличия от сакской культуры Притяньшанья и эйлано-актамской культуры Ферганы (см. рис. 1).

Это позволяет поставить вопрос о выделении отдельной культуры сакского (скифского) периода на территории Алая.

¹ По другим данным здесь было исследовано более 200 захоронений сакского периода [Заднепровский, 1992: 89]. Кроме того, нами учитываются результаты последних раскопок в Алайской долине в 2017–2018 гг. под руководством Т. Т. Чаргынова и О. А. Солтобаева, в ходе которых было исследовано не менее 25 курганов сакского периода.

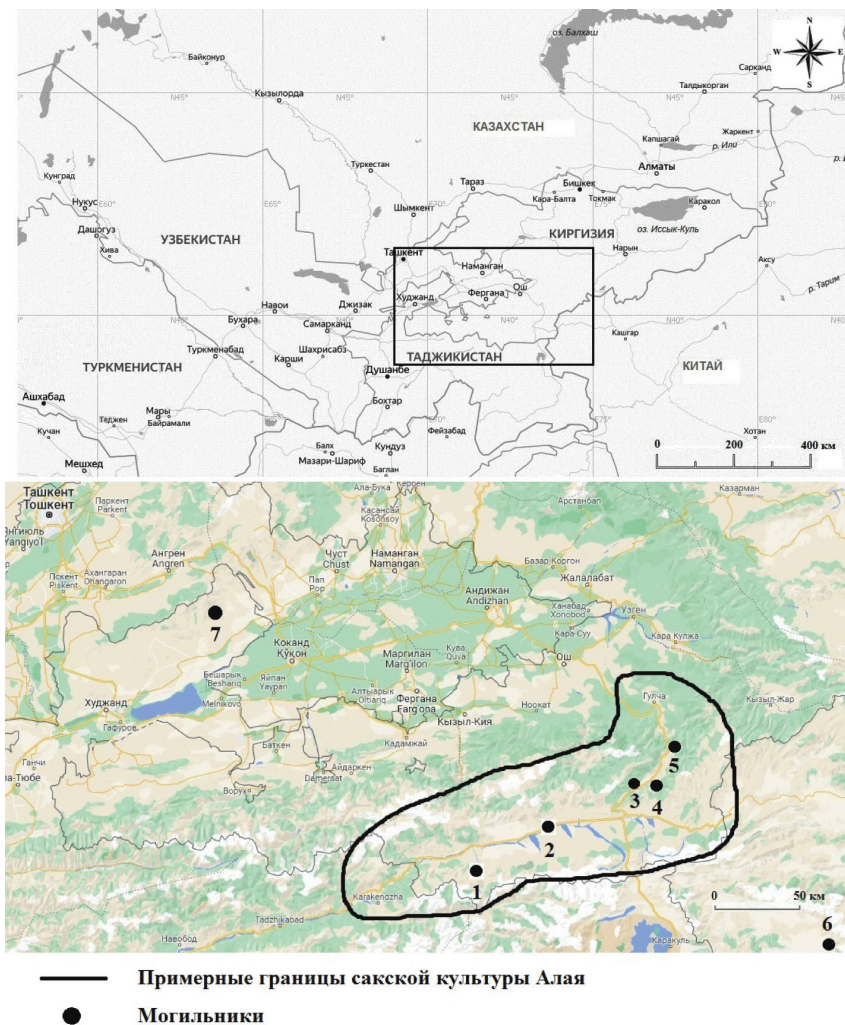

Рис. 1. Границы сакской культуры Алая и основные ее погребальные памятники — могилы:
 1 — Кара-Швак; 2 — Кургак; 3 — Чагыр; 4 — Шарт I; 5 — Чакмак; 6 — Джирзанкал; 7 — Дашти-Ашт
 Fig 1. The boundaries of Saka culture of Alai and it's general funeral sites. 1 — Kara-Shvak;
 2 — Kurgak; 3 — Chagyr; 4 — Shart I; 5 — Chakmak; 6 — Jirzankal; 7 — Dashti-Asht

Общая характеристика погребальных памятников сакской культуры Алая

Погребальные памятники рассматриваемого периода располагаются на террасах рек бессистемными группами или цепочками по линии север — юг, реже запад — восток, но практически всегда с заметными отклонениями (см. рис. 2).

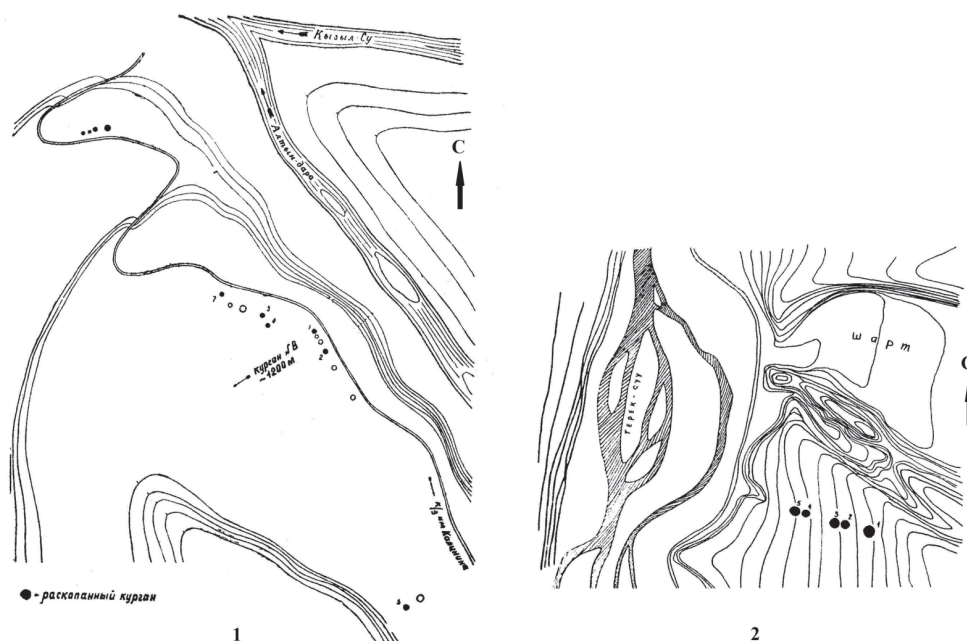

Рис. 2. Планы могильников сакской культуры Алая: 1-Шарт (по Ташбаева, 2011);
2-Кара-Швак [Заднепровский, 1960]

Fig 2. Maps of burial grounds of Saka culture of Alai. 1 – Shart (after Tashbaeva, 2011);
2 – Kara-Shvak [Zadneprovskiy, 1960]

Погребальные объекты представлены на них небольшими каменными и каменно-земляными курганами и выкладками округлой, овальной и редко — квадратной формы. Диаметр их достигает в основном 7–8 м, а высота колеблется преимущественно в пределах 0,2–0,5 м. В основании большей части из них фиксируется каменное кольцо, а на некоторых курганах в центре отмечены овальные или прямоугольные выкладки, располагавшиеся непосредственно над могильными ямами.

Захоронения в погребальных памятниках совершались:

- в грунтовых ямах, в них было совершено почти 60% всех погребений;
- каменных ящиках, на них приходится чуть более 25%;
- на уровне древней поверхности, составляют немногим более 15%.

Могильные ямы в основном имеют овальную или подпрямоугольную форму, погребения в них совершены на сравнительно небольшой глубине, редко достигающей отметки 1,2–1,4 м. Они имели разную ширину, в зависимости от количества погребенных людей. Достаточно часто по краю могильных ям имелись обкладки из одного-двух уровней камней. Остатки деревянных перекрытий фиксировались над ними редко.

Каменные ящики были в основном сложены из массивных плит или крупных камней, не всегда имели перекрытие. Преимущественно они были опущены в грунт или же незначительно заглублены, а иногда возведены на уровне древней поверхности. По размерам каменные ящики несколько просторнее, чем грунтовые могилы. Кроме того, в не-

которых случаях также отмечены ямы, обложенные камнями, которые, по-видимому, имитировали каменные ящики.

Согласно данным последних исследований захоронения на уровне дневной поверхности совершались в кольцевых склепоподобных конструкциях из камня, которые после обрушения приобретали вид каменных курганов¹. Впрочем, какая-то часть данных захоронений была, видимо, совершена под обычными курганными насыпями.

Но, несмотря на существование всех трех типов погребальной обрядности, они существовали здесь одновременно. Это подтверждается тем, что в нескольких случаях захоронения встречаются под одной курганной насыпью [Баруздин, 1962: 27; Ташбаева, 2011: 127–128].

Характерной особенностью погребальных памятников Алая в сакский период является то, что в них отмечаются как одиночные захоронения, так и коллективные. Последние были зафиксированы в немногим более 35% от общего количества исследованных курганов. Количество погребенных людей в них варьирует от двух до шести, но чаще всего — два-три человека. Причем они могли быть уложены как на одном уровне, так и ярусами. Также нередко отмечается наличие впускных захоронений.

Большая часть погребенных была захоронена в вытянутом положении на спине, иногда со слегка согнутыми ногами. В нескольких случаях были зафиксированы также скорченные захоронения, т. е. на боку с подогнутыми ногами и руками. При этом абсолютно доминирует их ориентация головой в западный сектор, иногда с заметными отклонениями от данного направления (чаще всего на юго-запад). Гораздо реже встречается ориентация умершего головой на юг и в отдельных случаях в другие секторы (см. рис. 3).

Сопроводительный инвентарь в погребениях саков Алая достаточно малочисленный и по большей части маловыразительный, представлен преимущественно керамической посудой (см. рис. 4). Гораздо реже встречаются другие категории предметов материальной культуры: предметы вооружения и воинского снаряжения (бронзовые наконечники стрел, железные кинжалы, колчанные крючки), украшения (серьги, браслеты, шпильки, кольца, бусы), зеркала, сурьматаши², бытовая утварь (ножи, оселки, прясла и др.) (см. рис. 5).

В погребениях, как индивидуальных, так и коллективных, обычно были помещены один-два керамических сосуда с заупокойной пищей. Располагались они, как правило, у изголовья покойного. Остальные предметы сопроводительного инвентаря помещались в погребения согласно их утилитарному назначению.

¹ При внимательном ознакомлении с отчетами раскопок Ю. А. Баруздина и А. К. Абетекова можно встретить упоминания об отдельных деталях строения насыпи, которые наводят на подобное заключение. Это также частично подтверждается недавними результатами археологических исследований на Алае.

² Косметические палочки из сурьмы для подведения бровей и пр.

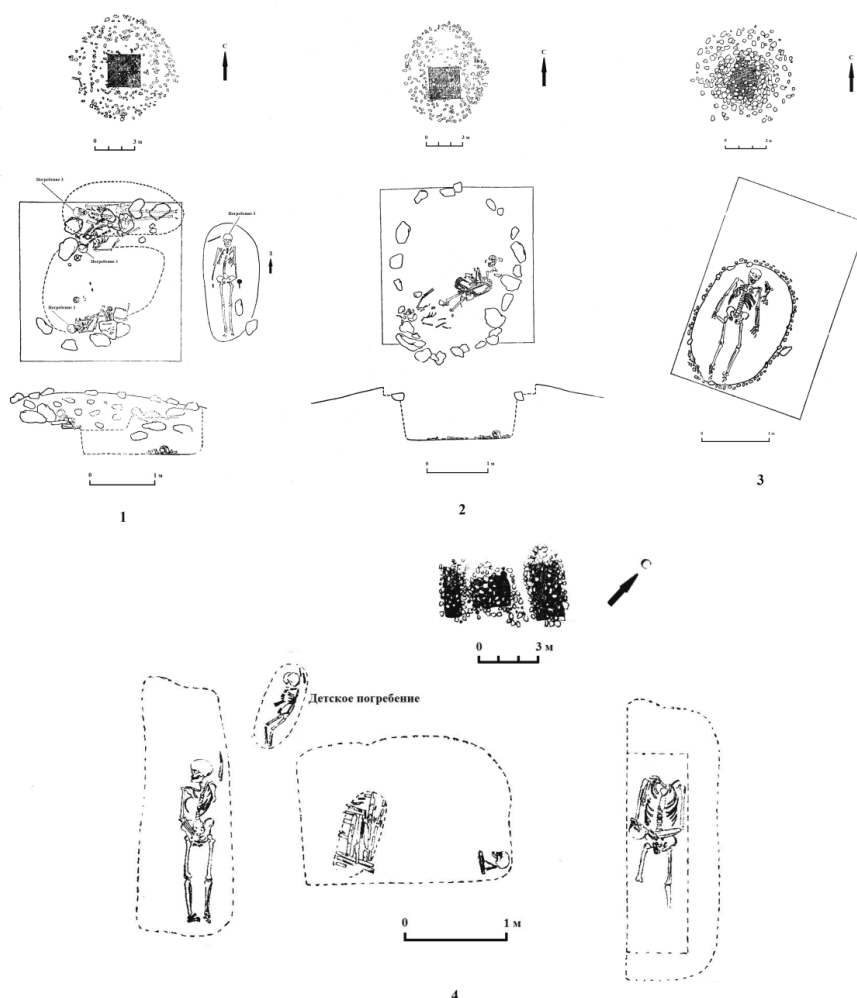

Рис. 3. Типы погребений саков Алая. Общие планы и погребения курганов:

1 – могила Кара-Швак, курган 7; 2 – могила Кара-Швак, курган 8; 3 – могила Чак, курган 20; 4 – могила Чак, курганы 28, 29, 30 [Заднепровский, 1960]

Fig 3. Types of burials of Alai Saka. The general plans and burial mounds: 1 – Kara-Shvak, burial 7; 2 – Kara-Shvak, burial 8; 3 – Chak, burial 8; 4 – Chak, burial 28, 29, 30 [Zadneprovskiy, 1960]

Хронологические границы культуры

По своим основным особенностям и сопроводительному инвентарю погребальные памятники саков Алая в целом могут быть датированы в хронологических рамках не ранее VI в. и не позднее II в. до н. э.

Однако наличие нескольких типов погребальной обрядности наводило первых исследователей на предположение о том, что захоронения не синхронны. Так, погребения в грунтовых могильных ямах датировались ими в рамках V–III вв. до н. э. [Задне-

провский, 1960: 82–84; Баруздин, 1962: 26]. Впрочем, Ю. Д. Баруздин полагал, что захоронения в каменных ящиках могут быть датированы III–I вв. до н. э., но при этом отмечал единство их погребальной обрядности с захоронениями в грунтовых могилах [Баруздин, 1962: 27]. Однако К. И. Ташбаева на основе анализа погребальных обрядов и инвентаря пришла к выводу о том, что каменные ящики хронологически синхронны грунтовым могилам и захоронениям на древней поверхности [Ташбаева, 2011: 143–145].

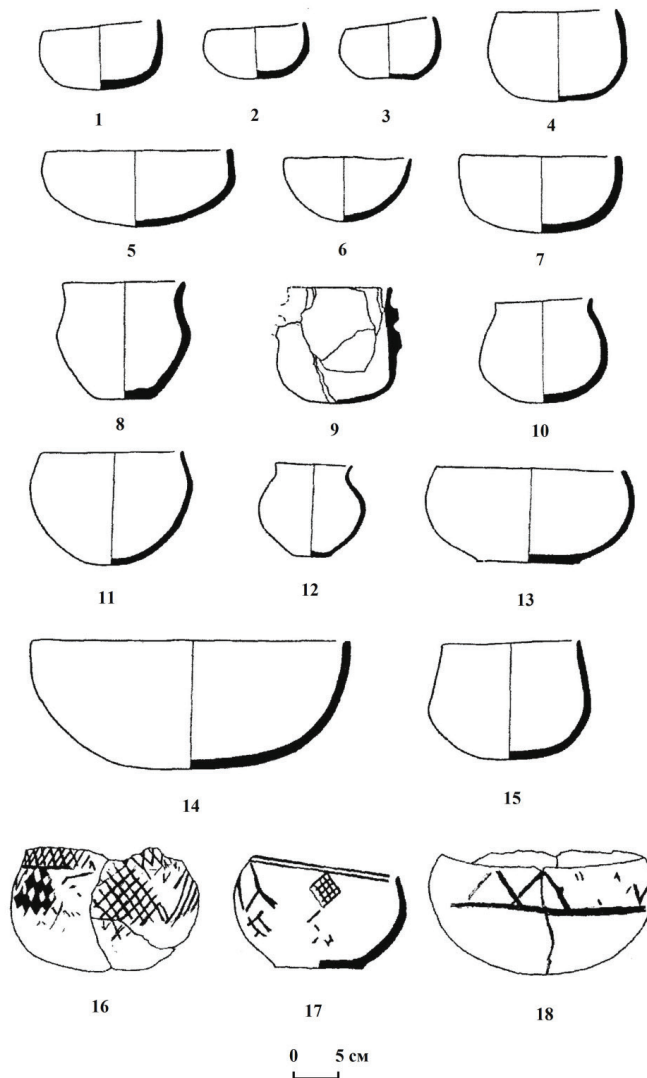

Рис. 4. Основные типы керамической посуды саков Алая:

1–15 – неорнаментированная посуда; 16–18 – расписная посуда [Ташбаева, 2011]

Fig 4. The general types of ceramic pottery of Alai Saka: 1–15 – unpainted pots;

16–18 – painted pots. [Tashbaeva, 2011]

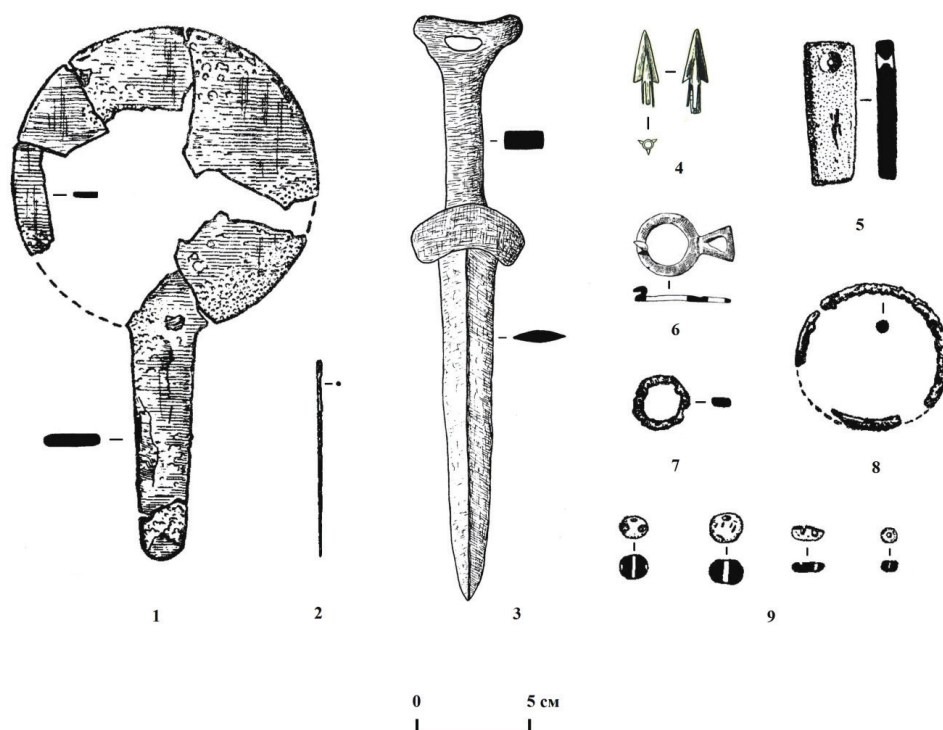

Рис. 5. Предметный комплекс сакской культуры Алая: 1 – бронзовое зеркало, могила Кара-Швак, курган 7; 2 – бронзовое шило, могила Кара-Швак, курган 7; 3 – железный кинжал, могила Чагыр, курган 3; 4 – бронзовый наконечник стрелы, могила Шарт I, курган 1; 5 – каменный оселок, могила Кара-Швак, курган 7; 6 – бронзовая пряжка со шпеньком, могила Чакмак, курган 1 (?); 7 – железное колечко, могила Кара-Швак, курган 8; 8 – железный браслет, могила Кара-Швак, курган 2; 9 – каменные бусы, могила Кара-Швак, курган 8. (1, 2, 5, 7–9 – см. [Заднепровский, 1960]; 3 – см. [Ташбаева, 2011]; 6 – см. [Бернштам, 1952])
 Fig 5. The inventory complex of Saka culture of Alai: 1 – bronze mirror, Kara-Shvak, burial 7; 2 – bronze awl, Kara-Shvak, burial 7; 3 – iron dagger, Chagyr, burial 3; 4 – bronze arrowhead, Shart I, burial 1; 5 – whetstone, Kara-Shvak, burial 7; 6 – bronze buckle with a pin, Chakmak, burial 1 (?); 7 – iron ring, Kara-Shvak, burial 8; 8 – iron bracelet, Kara-Shvak, burial 2; 9 – stone beads, Kara-Shvak, burial 8. (1, 2, 5, 7–9 – [Zadneprovskiy, 1960]; 3 – [Tashbaeva, 2011]; 6 – [Bernshtam, 1952])

Затрудняет более детальную хронологическую атрибуцию и очень ограниченный набор предметов материальной культуры, представленный преимущественно керамической посудой и отдельными находками оружия, украшений и предметов туалета, бытовой утвари.

Самая многочисленная категория сопроводительного инвентаря — керамическая посуда, представленная преимущественно лепными сосудами и заметно реже — станковыми (рис. 4). Большая ее часть покрыта характерным светлым ангобом, находящим

полные аналогии в материалах эйлатано-актамской культуры Ферганской долины VI–IV вв. до н. э. [Заднепровский, 1990: 93]. Это дает основания датировать значительную часть погребальных памятников сакской культуры Алая этим же периодом. Также эта датировка полностью подтверждается тем фактом, что небольшая часть алайской посуды орнаментирована ромбами и треугольниками, выполненными красной и фиолетовой краской (рис. 4.-16–18). Подобные мотивы декора керамики находят полные аналогии в ферганских материалах указанного периода [Ташбаева, 2011: 132–133, 136].

В то же время заметная часть керамической посуды из погребений Алая по форме, внешнему виду и технике изготовления находит достаточно близкие аналогии в памятниках сакских культур Памира и Притяньшанья V–III вв. до н. э. [Заднепровский, 1960: 80, 81, 84; Ташбаева, 2011: 136].

Другие категории сопроводительного инвентаря из сакских погребений Алая в целом подтверждают данную датировку. Так, бронзовые наконечники стрел, основная часть из которых принадлежит к специфическому зажимному типу, хронологически укладываются в VI–III вв. до н. э. [Иванов, 2007: 64–66] (рис. 5.-4). Два железных кинжала (мог. Чагыр, к. 3, Кургак, к. 4) находят аналогии среди раннесарматского клинкового оружия и могут быть датированы IV–III вв. до н. э. [Ташбаева, 2011: 133, рис. 61, 1; Кисель, Торгоев, Жумабаев, 2019: 264–265] (рис. 5.-3). Бронзовую пряжку со шпеньком из могильника Чакмак А. Н. Бернштам вполне обоснованно отнес к VI–V вв. до н. э. [Бернштам, 1952: 193, 204–205, рис. 77, 1] (рис. 5.-6). А единственное опубликованное бронзовое зеркало с боковой рукоятью из кургана 7 могильника Кара-Швак было датировано Ю. А. Заднепровским V–III вв. до н. э. [Заднепровский, 1960: 82–83, рис. 42.-2] (рис. 5.-1).

Остальные предметы сопроводительного инвентаря из погребальных памятников сакской культуры Алая также не выходят за пределы VI–III вв. до н. э.

Локальные особенности и культурные связи

Наличие различных типов погребальной обрядности — захоронения в грунтовых могильных ямах, каменных ящиках и на древней поверхности, казалось, может свидетельствовать о культурных различиях населения Алая в сакский период. Впрочем, для целого ряда кочевнических культур раннего железного века было характерно сочетание нескольких вариантов погребальной обрядности, что, вероятнее всего, было связано с изначальной многокомпонентностью их сложения. Но существенное сходство заупокойных традиций во всех типах погребений указывает на то, что мы имеем дело с единой культурой, а их наличие отражает лишь ее локальную специфику.

Действительно, в территориальном распределении некоторых типов погребальности обрядности имеются некоторые особенности. Так, захоронения в каменных ящиках более всего характерны для восточной части Алайской долины. Но при этом, как отмечалось выше, они встречаются на одних и тех же могильниках, где погребения совершены в грунтовых могильных ямах. А немногочисленные захоронения на уровне древней поверхности распространены дисперсно по всей территории, занятой культурой саков Алая [Ташбаева, 2011: 127–128].

По мнению К. И. Ташбаевой, подобное разнообразие погребальной обрядности на Алае в пределах одного хронологического периода можно объяснить тем, что данный район, особенно очень благоприятная для скотоводства высокогорная Алайская

долина (Чон-Алай), использовался в качестве общего пастбища для обитателей соседних территорий [Ташбаева, 2011: 170–171]. Но вряд ли можно объяснить этот феномен подобным образом, так как курганные захоронения, совершенные по какой-либо одной разновидности погребальной обрядности, не концентрируются в отдельных районах Алая или же на сопредельных территориях. Поэтому видеть в особенностях устройства внутримогильных конструкций принадлежность к какой-либо этнокультурной (племенной) группе в данном случае сложно.

Фактически же все три вариации погребальной обрядности очень близки друг другу при детальном рассмотрении. Так, захоронения на уровне древней поверхности или слегка заглубленных ямах в каменных склепообразных сооружениях по ряду конструктивных особенностей приближаются к захоронениям в каменных ящиках, с тем лишь различием, что в одном случае подкурганная конструкция сооружалась из плит, а в другом — камней. В свою очередь как переходный тип от каменных ящиков к обычным грунтовым ямам следует рассматривать захоронения, в которых стенки могильных ям обкладывались камнями. Это еще раз показывает их однокультурность и, вероятнее всего, общие истоки.

Все это позволяет рассматривать сакскую культуру Алая как единую культуру, а некоторые различия в погребальной обрядности и их распределении территориально являются локальной спецификой данной культуры.

Впрочем, несмотря на то, что сакские племена Алая занимали высокогорные районы, они не были изолированы от соседних племенных групп. Более того, есть все основания утверждать, что они входили в обширное племенное образование, занимавшее всю горную часть юго-востока Средней Азии, а также некоторые сопредельные районы Афганистана, Индии и Синьцзяна. Данное обширное этнополитическое объединение известно нам под именем саков-хаумаварга в древнеперсидских надписях [Иванов, 2018: 9–11]. Этим можно объяснить достаточно тесные взаимосвязи саков Алая с населением соседних районов.

По этой причине сакские захоронения Алая находят яркие культурные аналогии в прилегающей части Синьцзяна. Очень близкие по характеру погребального обряда курганные захоронения имеются в Восточном Припамирье, в частности, в могильнике Джирзанкал (Jirzankal), расположенном севернее города Ташкуртан, который относится к культуре сямбаобао, занимавшей Восточное Припамирье (юго-западная часть Синьцзяна). Здесь также отмечены коллективные погребения в грунтовых могилах, совершенные под невысокими каменно-земляными курганами, по краю которых шло каменное кольцо. Погребения содержали от двух до пяти скелетов, причем чаще всего в них фиксировалось по три костяка. Единственным их отличием от сакских погребений Алая было то, что в нескольких случаях к могилам в Джирзанкале примыкал короткий, слабо углубленный дромос.

Погребальный инвентарь находит практически полное соответствие в сакских курганах Алая. Данные радиоуглеродного анализа показали, что исследованные захоронения могильника Джирзанкал укладываются в хронологические рамки VI–III вв. до н. э. [Wu Xinhua, Tang Zihua, 2016: 37–39, fig. 35]. Интересно, что находящийся южнее, ближе к Ташкуртану эталонный могильник данной культуры — Сянбаобао (Ташкуртан),

по особенностям погребальной обрядности и сопроводительному инвентарю ближай-шие параллели находит в сакских погребальных памятниках Восточного Памира [Чэнь Гэ, 1990: 159–175; Погребова, Раевский, 1988: 176–182].

Если аналогии погребальным памятникам с коллективными захоронениями известны к востоку от Алая, то очень близкие курганы с каменными ящиками были открыты к западу от него — в сопредельной части Каратегина, вдоль реки Сурхоб¹. Единственным их отличием от алайских является то, что они содержали во всех случаях по одному погребенному. К сожалению, эти погребения были полностью разграблены и содержали только обломки лепной керамической посуды и железный нож. На основе этого они были датированы А. М. Мандельштамом последними веками до нашей эры [Мандельштам, 1960: 76–79]. Однако столь близкое сходство подобных памятников Алая и Каратегина ставит вопрос об их хронологической синхронности в обоих районах. Хотя при этом нельзя исключать, что алайские саки могли продвинуться на запад, вдоль течения Кызыл-Суу (Сурхоб) несколько позднее возникновения традиции погребения в каменных ящиках на востоке Алайской долины. Но так или иначе подобные сооружения здесь и в Каратегине, безусловно, относятся к единому культурному кругу.

Кроме того, ряд культурных особенностей, отмеченных в сакских курганах Алая, находит параллели в синхронных погребениях Восточного Памира. Это в первую очередь относится к наличию на Алае скорченных погребенных. При этом некоторые из них отмечены в коллективных захоронениях в грунтовых ямах, где остальные погребенные были уложены в вытянутом положении (мог. Кара-Швак, к. 7, Шарт I, к. 16) [Бернштам, 1952: 198–200; Заднепровский, 1960: 77, рис. 39; Ташбаева, 2011: 122–123].

Показательно, что в сакских памятниках Восточного Памира также имеется небольшое количество индивидуальных и коллективных захоронений, в которых костяки погребенных уложены в вытянутом положении, но головой на восток и юго-восток (мог. Памирская I, к. 11 и 12, Ранкуль I, к. 1–4, Тегермансу I, к. 8 и др.) [Литвинский, 1972: 21, 23, табл. 70, 72]. А также отмечены случаи, когда один из погребенных был уложен в вытянутой позиции, а остальные — в характерной для сакской культуры Восточного Памира скорченной позе (мог. Харгуш II, к. 5) [Литвинский, 1972: 24, табл. 77, II]. А в кургане 7 мог. Памирская I зафиксировано двухъярусное захоронение, в котором погребенные были уложены вытянуто на спине, хотя у нижнего слегка были согнуты ноги. При этом погребенный был ориентирован головой на восток, а нижний костяк — на запад, что было типично для погребальной обрядности Алая [Бернштам, 1952: 289, 291, рис. 124, 125].

Во всех отмеченных случаях наблюдается переплетение похоронных традиций Алая и Памира. Даже если погребенного укладывали в позу, типичную для соседнего региона, то очень часто ориентировали его головой в соответствии с местным вариантом погребальной обрядности. Поэтому на Алае захороненные в скорченной позе почти всегда обращены головами на запад, а на Памире, наоборот, погребенные в вытянутой позиции — на восток. Кроме того, в последнем районе отмечено заметное количество по-

¹ Географически представляет собой нижнее течение реки Кызыл-Суу — основной водной артерии Алайской долины.

гребений, где костяки были уложены в полускорченном положении, в чем также можно усмотреть подобное сложное взаимовлияние похоронной обрядности. При этом все отмеченные захоронения датируются V–III вв. до н. э., что указывает на длительное и устойчивое существование этнокультурных отношений между Алаем и Памиром в сакское время. Это полностью подтверждается антропологическими данными, которые констатируют устойчивые этногенетические связи между этими районами, которые, по-видимому, осуществлялись в виде постоянных брачных контактов [Гинзбург, Трофимова, 1972: 135; Ходжайов, Ходжайова, 2015: 83–84; Китов, Тур, Иванов, 2019: 132–133, 140–141, 152–153].

Помимо погребальной обрядности, между Алаем и Памиром прослеживается значительное сходство в целом ряде категорий материальной культуры — лепной керамической посуде, предметах вооружения, украшениях.

Но в то же время наличие расписной и станковой керамической посуды в ряде погребальных памятников Алая указывает на существование культурных контактов с эйлатано-актамской культурой Ферганской долины.

Существование тесных контактов с этим сопредельным районом подтверждается также раскопками крупного могильника Дашти-Ашт в юго-западной части Ферганы. В нем были отмечены типичные для Алая коллективные погребения в грунтовых могилах под небольшими каменными курганами, а также изредка в наземных каменных конструкциях. Прослеживается также значительное сходство в ряде категорий материальной культуры. Но керамическая посуда из данного могильника была преимущественно местного ферганского происхождения и лишь небольшая ее часть имела характерный кочевнический облик, находящий аналогии в том числе и на Алае [Салтовская, 1972: 48–59; 1975: 36–39, рис. 9–12; 1978: 98].

Создается впечатление, что какая-то группа скотоводческого населения, близкородственная сакам Алая, еще с рубежа VI–V вв. до н. э. занимает северо-западную, полупустынную предгорную зону Ферганы, пригодную для ведения кочевого скотоводства, в отличие от районов, занятых земледельческим населением эйлатано-актамской группы. Причем кочевники, оставившие могильник Дашти-Ашт, поддерживали с алайскими саками тесные контакты, и культурные расхождения между ними начинаются уже после установления близких этнокультурных взаимосвязей с Восточным Памиром, на что указывает наличие в Дашти-Аште характерных скорченных погребений. А учитывая, что на Алае пока что не известны сакские памятники древнее VI в. до н. э., то миграция дашти-аштцев происходит не раньше второй половины этого же столетия. На это также указывает и материал из данного могильника, который в целом укладывается в период с конца VI по III в. до н. э.

С земледельческой эйлатано-актамской культурой Ферганской долины кочевники Алая также имели тесные отношения. Так, в погребальных памятниках данной культуры отмечены захоронения на уровне древней поверхности [Горбунова, 1962: 94–97; 1969: 81]. Впрочем, здесь в заметном количестве они отмечены только в могильнике Кунгай в юго-восточной части долины, т. е. напрямую прилегающей к Алаю. Однако подобные захоронения в указанном некрополе часто совершены в так называемых «длинных» курганах, представляющих собой ряд пристроенных вплотную погребаль-

ных объектов, которые были характерны для Ферганы в VI–IV вв. до н. э. Но некоторая их часть была совершена под индивидуальными могильными сооружениями [Горбунова, 1961: 171–188].

В целом, захоронения на уровне древней поверхности в Фергане близки алайским, в том числе в том, что они часто совершались здесь также под каменными склепоподобными конструкциями, которые после обрушения приобретали вид каменной насыпи. Но все же между захоронениями рассматриваемого типа в этих двух районах прослеживается принципиальное различие. Так, в Фергане они часто совершались в «длинных» курганах, не типичных Алая. В последнем районе они, как правило, располагались под индивидуальными погребальными объектами, хотя и отмечены случаи, когда они сопутствовали грунтовым ямам или каменным ящикам [Ташбаева, 2011: 127]. Это указывает на то, что, скорее всего, первоначально истоки данного типа погребальной обрядности были общими, и лишь позднее единая традиция разделилась по локальному признаку и приобрела характерную местную специфику в каждом из двух рассматриваемых районов.

Встречены на Алае и захоронения типично ферганского происхождения. В могильнике Чак погребальные объекты 28, 29, 30, представляющие две овальные и одну округлую каменные выкладки, были расположены практически вплотную друг другу по линии север — юг [Заднепровский, 1960: 70, 72, рис. 31] (см. рис. 3.-4). Фактически они образовывали характерный для эйлатано-актамской культуры «длинный» курган [Гамбург, Горбунова, 1957: 79–82; Заднепровский, 1960: 80; Горбунова, 1961: 170; 1962: 95]. Это дает основания утверждать об ограниченном проникновении собственно древнеферганского населения на Алай.

Определенное сходство погребальных памятников Алая и Ферганы позволило Н. Г. Горбуновой высказать мнение о том, что в культурном отношении «... ферганские, или, вернее, фергано-алайские памятники образуют отдельную группу», т. е. она отнесла их к двум вариантам одной археологической культуры [Gorbunova, 1986: 54]. Но в то же время нет оснований напрямую связывать кочевническую культуру Алая с земледельческой эйлатано-актамской и объединять их в единую общность. При всем определенном сходстве погребальной обрядности этих двух культур обнаруживается существенное различие в основных ее элементах. Так, для Алая совершенно не характерны «длинные курганы», известные здесь в единичном случае. Коллективные захоронения в грунтовых ямах также совершились неодинаково: в Фергане при последующем подзахоронении костяки ранее погребенных часто сдвигались, в то время как на Алае умершие укладывались преимущественно ярусами. Все это свидетельствует о том, что сакская культура Алая и эйлатано-актамская культура Ферганы носят самостоятельный характер, хотя на заре их формирования в этом процессе приняли участие отдельные родственные группы населения.

Все приведенные данные указывают на теснейшие культурные и этнические взаимосвязи древних кочевников Алая с соседними регионами, особенно с Восточным Припамирьем и Северо-Западной Ферганой. Это выразилось в синкретизме погребальных традиций, близости материальной культуры и несомненном существовании инфильтрации населения между этими районами.

Но в то же время данные факторы заметно затрудняют установление границ распространения сакской культуры Алая. Четко выявляется только то, что Алайская долина и прилегающие с севера горные районы Кичи-Алая были ее ядром, хотя, без сомнения, к территории ее распространения можно также отнести прилегающую часть Каратегина. А наличие культурно близких курганных захоронений могильника Джирзанкал дает основания отодвинуть ее границу на юго-восток, что не является чем-то необычным, учитывая существование выхода из Алайской долины через ряд перевалов в юго-западные районы Синьцзяна. С юга сакская культура Алая граничит по отрогам Заалайского хребта с культурой саков Памира, а с севера — с земледельческими эйлатано-актамской и позднее — ранней шурабашатской культурами Ферганы.

При этом наличие очень близкого культурно кочевого населения в Северо-Западной Фергане ставит вопрос о существовании там своеобразного «островка», тесно связанного генетически с саками Алая. Фактически номады, оставившие после себя могильник Дашти-Ашт, занимают в культурном плане промежуточное положение между алайскими саками и населением эйлатано-актамской культуры Ферганы, причем с большим тяготением к первым. По-видимому, исторические их судьбы с первой группой населения разошлись достаточно рано, что при определенном уровне сохранения связей между этими двумя районами также способствовало накоплению культурных различий на локальном уровне. Поэтому выяснение причин и обстоятельств возникновения феномена дашти-аштской группы погребений — дело будущих научных изысканий.

Итак, на наш взгляд, в настоящее время есть все основания выделить особую сакскую культуру Алая, которая имеет свои яркие специфические особенности и заметно отличается от соседних кочевнических и земледельческих культур Средней Азии и Синьцзяна.

Проблема происхождения сакской культуры Алая

Процесс раннего становления данной культуры во многом туманен по причине того, что вплоть до настоящего времени практически не известны памятники, которые бы непосредственно предшествовали бы появлению на Алае ее носителей. В последние годы здесь открыто некоторое количество захоронений (могильник Боз-Баш), которые по своему облику очень близки к погребальным памятникам вахшской культуры на территории Таджикистана. А наличие на Кичи-Алае¹, а также в соседних Фергане, на Памире и в прилегающих районах Синьцзяна памятников андроновского культурного круга, то очень вероятно их наличие также в Алайской долине. Но отмеченные памятники вахшского и андроновского культурного круга и сакскую культуру разделяет более полутысячи лет, если учесть, что самые ранние курганные могильники саков здесь могут датироваться по крайней мере не ранее первой половины VI в. до н. э. Поэтому создается впечатление, что на рубеже финальной бронзы и раннего железного века территория Алая была сравнительно слабо обжита, а каких-либо памятников этого хронологического периода здесь пока что не отмечено.

¹ В данном районе отмечены отдельные погребальные памятники андроновского культурного круга, однако они не получили отражения в научной литературе.

По-видимому, горные районы Алая использовались окрестными группами населения преимущественно в качестве сезонных пастбищ, но полностью ими не обживались. В качестве наиболее вероятных обладателей этих пастбищ можно считать носителей чувстской культуры, основная территория которой располагалась в центральной и восточной частях Ферганской долины, т. е. в непосредственной близости к высокогорным пастбищам Алая. Хотя чувстская культура и была оседло-земледельческой по своему облику, но скотоводство в ее хозяйстве также играло заметную роль. Причем, согласно данным по двум крупнейшим поселениям данной культуры — Чусту и Дальверзину — мелкий рогатый скот составлял в них 43,8 и 47,7% стада соответственно. По этому, не свойственному культурам земледельческого типа, показателю чувстская культура приближается к другим скотоводческим культурам степной части Евразии эпохи поздней бронзы [Заднепровский, 1962: 77–80, табл. 5, 6]. Однако содержание столь значительного количества овец и коз в условиях Ферганской долины крайне проблематично. Поэтому данное обстоятельство недвусмысленно указывает на то, что носители чувстской культуры использовали для их содержания довольно обширные пастбища, которые могли находиться как раз в высокогорных районах Алая, к которым напрямую примыкает Фергана с северо-запада.

Поэтому непосредственным субстратным населением, которое в той или иной мере могло принять участие в формировании сакской культуры Алая, могло выступить позднее чувстское, связанное с сезонным отгонным выпасом скота в данных высокогорных районах. Поэтому, скорее всего, это были жители юго-восточной периферии Ферганской долины.

Само же сложение культуры саков Алая происходит в результате мощной миграционной волны скотоводческого населения, шедшей с северо-востока на рубеже VIII–VII вв. до н. э.¹ Пройдя территорию Тянь-Шаня, она не могла напрямую проникнуть на Алай, миновав территорию Ферганской долины. Так как отроги Ферганского хребта практически полностью изолируют Алай с северо-востока, то удобных перевалов для перехода больших масс людей там попросту нет. Поэтому, вторгнувшись в Фергану, данная миграционная волна способствует упадку чувстской культуры [Заднепровский, 1962: 171] и накладывается на местное постбронзовое население. Собственно это событие запускает процессы формирования сакской культуры Алая, как, впрочем, и соседней земледельческой эйлатано-актамской культуры Ферганы, которые, по-видимому, формировались на сходных в этнокультурном плане компонентах, но все же в различных пропорциях. В случае с будущей сакской культурой Алая там полностью владел пришлый скотоводческий элемент.

Но учитывая, что памятников сакской культуры на Алае ранее VI в. до н. э. там не отмечено, то начальный этап ее сложения был, по-видимому, связан с территорией Ферганской долины, скорее всего, непосредственно прилегающей к Алаю. Постепенно груп-

¹ По имеющимся данным предполагается, что данная масштабная миграционная волна, первоначальный импульс которой образовался, вероятнее всего, в Восточном Казахстане и сопредельных районах, достигает Притяньшанья, а уже оттуда через Ферганскую долину вдоль течения Сырдарьи достигает Восточного Приаралья и затухает. На всем движении данных групп населения возникают близкие культуры сакского облика, характеризующиеся также сходным смешанным антропологическим обликом, который при доминировании европеоидной основы обладает некоторой монголоидной примесью (подробнее см. [Китов, Тур, Иванов, 2019: 151–157]).

па носителей сакской культуры, для которых скотоводческое хозяйство продолжает играть основную роль, смещается в соседние высокогорные районы и вступает вскоре в тесные этнокультурные контакты с сакским населением Памира и, возможно, прилегающего юго-западного района Синьцзяна.

На то, что в сложении будущего сакского населения Алая принимала участие часть позднебронзового населения Ферганской долины, связанная своим происхождением с чувстской культурой, указывает ряд культурных особенностей, сохранившихся в погребальной обрядности. В частности, уже в могильниках Вуадиль и Дахана отмечены каменные ящики и грунтовые могилы, стенки которых обложены плоскими камнями [Гамбург, Горбунова, 1956: 86–90; Литвинский, 1960: 47–49]. Поэтому данная особенность, отмеченная в погребальных памятниках как Алая, так и соседней Ферганы в раннем железном веке, по-видимому, сохраняется в них как реликт эпохи поздней бронзы и имеет, скорее всего, местное происхождение. Но все основные особенности похоронного обряда сакская культура Алая все же сохранила от пришлого скотоводческого населения (как и эйлатано-актамская культура Ферганы, но в меньшей мере). Поэтому ее погребальные памятники находят столь много параллелей в I тыс. до н. э. на Тянь-Шане, в Семиречье и Южном Казахстане, где в этот момент существовала родственная сакская культура Притяньшанья [Иванов, 2018а: 11–12], в формировании которой решающую роль также сыграла миграционная волна с северо-востока, притом в еще большей мере, нежели на Алае.

Заключение

Таким образом, формирование сакской культуры Алая происходило преимущественно на основе продвинувшихся на территорию Ферганы групп скотоводческого населения, которые наложились на местное субстратное население, связанное своим происхождением с чувстской культурой. В результате этого, по-видимому, в юго-восточной части этой долины на данной основе оформляется новая этнокультурная группа скотоводческого населения, которая к началу VI в. до н. э. смещается в высокогорные районы Алая, что в итоге приводит к окончательной «кристаллизации» культурной специфики локальной сакской культуры. Вскоре ее носители устанавливают тесные этнокультурные взаимосвязи с соседним сакским населением Памира и прилегающей части Синьцзяна. Это привносит некоторые новые черты в антропологический облик саков Алая, но в то же время их культура переживает стабилизацию и затем не претерпевает существенных изменений вплоть до прекращения своего существования к II в. до н. э.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абетеков А. К. Полевой отчет Алайского археологического отряда за 1967–1968 гг. // Архив отчетов Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР (б. н.). Фрунзе, 1969. 101 с.

Баруздин Ю. Д. Археологические исследования в Алайской долине в 1961 г. // Архив отчетов Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР (б. н.). Фрунзе, 1962. 31 с.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая (Материалы и исследования по археологии СССР. № 26). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 345 с.

Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 63. 1956. С. 85–93.

Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 69. 1957. С. 78–90.

Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. М. : Наука, 1972. 370 с.

Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 3. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 171–194.

Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 5. Л. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 91–122.

Горбунова Н. Г. Суфанский могильник // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 11. Л. : Сов. художник, 1969. С. 72–91.

Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.). Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1960. 176 с.

Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 118). М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. 328 с.

Заднепровский Ю. А. Погребальные памятники зйлатанской культуры Ферганы // Краткие сообщения Института археологии. 1990. № 199. С. 87–95.

Заднепровский Ю. А. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. С. 87–95.

Иванов С. С. К вопросу о зажимных бронзовых наконечниках стрел // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 2. Бишкек : Илим, 2007. С. 64–70.

Иванов С. С. К основным этапам этнополитической истории саков-хаумаварга // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 8: История. С. 9–19.

Иванов С. С. Культура саков Притяньшанья: современное состояние и важнейшие проблемы исследования // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Т. 7. М., 2018а. С. 11–23.

Кисель В. А., Торгоев А. И., Жумабаев А. Т. Воинские погребения сакского времени в Чон-Алае // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Т. I: Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). СПб. : ИИМК РАН, 2019. С. 264–265.

Китов Е. П., Тур С. С., Иванов С. С. Палеоантропология сакских культур Притяньшанья (VIII — первая половина II в. до н. э.). Алматы : Хикари, 2019. 300 с.

Литвинский Б. А. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 80. 1960. С. 47–52.

Литвинский Б. А. Древние кочевники «крыши мира». М. : Наука. 1972. 270 с.

Мандельштам А. М. К археологии Каратегина // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. 80. 1960. С. 76–79.

Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М. : Наука, 1988. С. 156–189.

Салтовская Е. Д. О раскопках могильника VI–IV вв. до н. э. в Северо-Западной Фергане // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 11. Душанбе, 1972. С. 48–60.

Салтовская Е. Д. Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках» // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 3. Л. : Наука, 1975. С. 36–39.

Салтовская Е. Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 154. 1978. С. 95–99.

Ташбаева К. И. Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая. Бишкек : Илим, 2011. 274 с.

Ходжайов Т. К., Ходжайова Г. К. К проблеме формирования антропологического состава киргизов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. №3 (30). С. 82–91.

Чэнь Гэ. Бамиэр гаюань гуму (Древние могилы Памирского высокогорья) // Новые материалы по археологии Синьцзяна (1979–1989). Урумчи : Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1990. С. 159–175. (на кит. яз.).

Gorbunova N. G. The Culture of Ancient Ferghana VI century BC–VI century AD. BAR International Series. № 281. Oxford, 1986. 365 p. (in English).

Wu Xinhua, Tang Zihua. Jirzankal cemetery covered with rows of black-and-white stones: key excavations and primary research // Eurasian Studies. Vol. IV. 2016. P. 5–82 (in English).

REFERENCES

Abetkov A. K. *Polevoi otchet Alaiskogo arkheologicheskogo otriada za 1967–1968 gg.* [Field report of Alai archaeological detachment in 1967–1969]. The archive of reports of Institute of history, archaeology and ethnology named after B. Dzhamgerchinov of National Academy of science (no number). Frunze, 1969, 101 s. (in Russian).

Baruzdin Yu. D. *Arkheologicheskie issledovaniia v Alaiskoi doline v 1961 g.* [Archaeological investigations in Alai valley in 1961]. (no number). The archive of reports of Institute of history, archaeology and ethnology named after B. Dzhamgerchinov of National Academy of science. Frunze, 1962, 31 s. (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian' — Shania i Pamiro-Alaia* (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, № 26) [The historical and archeological essays of Central Tien Shan and Pamir-Alai (Materials and investigations on the archaeology of USSR, № 26)]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1952, 345 s. (in Russian).

Gamburg B. Z., Gorbunova N. G. *Mogil'nik epokhi bronzy v Ferganskoi doline* [Burial ground of Bronze Age in Fergana valley]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of Institute of history of material culture]. Vyp. 63, 1956. S. 85–93 (in Russian).

Gamburg B. Z., Gorbunova N. G. *Ak-Tamskii mogil'nik* [Ak-Tam burial ground]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of Institute of history of material culture]. Issue 69, 1957. P. 78–90. (in Russian).

Ginzburg V. V., Trofimova T. A. *Paleoantropologiia Srednei Azii* [Paleoanthropology of Central Asia]. Moscow: Nauka, 1972/ 370 s. (in Russian).

Gorbunova N. G. *Kungaiskii mogil'nik* [Kungai burial ground]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological digest of the State Hermitage]. Issue 3, Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1961 (in Russian). 171–194 (in Russian).

Gorbunova N. G. Kul'tura Fergany v epokhu rannego zheleza [Culture of Fergana in Early Iron Age]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological digest of the State Hermitage]. Issue 5. Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1962. S. 91–122 (in Russian).

Gorbunova N. G. Sufanskii mogil'nik [Sufan burial ground]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological digest of the State Hermitage]. Issue 11. Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1969. S. 72–91.

Zadneprovskii Iu. A. *Arkheologicheskie pamiatniki iuzhnykh raionov Oshskoi oblasti (seredina I tysiacheletia do n. e. — seredina I tysiacheletia n. e.)* [Archaeological monuments of the south part of Osh province (middle of I milleniom BC — middle of I millennium AD)]. Frunze: AN KirgSSR Publ., 1960. 176 s. (in Russian).

Zadneprovskii Iu. A. *Drevnezemledel'cheskaia kul'tura Fergany*. (Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR, № 118) [The ancient agricultural culture of Fergana (Materials and investigations on the archaeology of USSR, № 118)]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1962, 328 s. (in Russian).

Zadneprovskii Iu. A. Pogrebal'nye pamiatniki eilatanskoj kul'tury Fergany [The funeral monuments of Eilatans culture of Fergana]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief reports of Institute of Archaeology]. 1990, № 199. S. 87–95 (in Russian).

Zadneprovskii Iu. A. Rannie kochevniki Ketmen' — Tiube, Fergany i Alaia [The ancient nomads of Ketmen-Tyube, Fergana and Alai]. *Stepnaia polosna aziatskoj chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia* [Steppe belt of Asian part of USSR in Scythian-Sarmatian epoch]. Moscow: Nauka, 1992. S. 87–95 (in Russian).

Ivanov S. S. K voprosu o zazhimnykh bronzovykh nakonechnikakh strel [On a question of clipped bronze arrowheads]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and investigations on archeology of Kyrgyzstan]. Issue 2. Bishkek: Ilim, 2007. S. 64–70 (in Russian).

Ivanov S. S. K osnovnym etapam etnopoliticheskoj istorii sakov-khaumavarga [On the general stages of ethno-political history of Saka Haomavarga] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University]. Serii Istorii, filologii. 2018. T. 17. № 8: Istorii. S. 9–19 (in Russian).

Ivanov S. S. Kul'tura sakov Pritian'shan'ia: sovremennoe sostoianie i vazhneishe problemy issledovaniia [Saka culture of Tien Shan region: current state and general problem of study]. *Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury* [Scripta antiqua. Questions of ancient history, philology, art and material culture]. Vol. 7. Moscow, 2018a. S. 11–23 (in Russian).

Kisel' V. A., Torgoev A. I., Zhumabaev A. T. Voinskie pogrebeniia saksogo vremeni v Chon-Alae [Warriors burials of Saka period in Chong Alai mountains]. *Drevnosti Vostochnoi Evropy, Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri v kontekste sviazi i vzaimodeistvii v evraziiskom kul'turnom prostranstve (novye dannye i kontseptsii)*. T. I. *Drevniaia Tsentral'naia Aziia v kontekste evraziiskogo kul'turnogo prostranstva (novye dannye i kontseptsii)* [The antiquities of Eastern Europe, Central Asia and South Siberia in the context of interactions in Eurasian cultural space (new data and conceptions). Vol. I. Ancient Central Asia in the context of Eurasian cultural space (new data and conceptions)]. Saint Petersburg: IIMK RAN, 2019. S. 264–265 (in Russian).

Kitov E. P., Tur S. S., Ivanov S. S. *Paleoantropologiya saksikh kul'tur Pritian'shan'ia* (VIII — pervaya polovina II v. do n. e.) [Paleoanthropology of Saka cultures of Tien Shan region (VII — early half of II centuries BC)]. Almaty: Khikari, 2019, 300 s. (in Russian).

Litvinskii B. A. Dakhaninskii mogil'nik epokhi bronzy v Zapadnoi Fergane [Dakhana burial ground of Bronze Age in Western Fergana]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of Institute of history of material culture]. Issue 80, 1960. S. 47–52 (in Russian).

Litvinskii B. A. *Drevnie kochevniki "kryshi mira"* [Ancient nomads of the "Roof of the World"]. Moscow: Nauka, 1972, 270 s. (in Russian).

Mandel'shtam A. M. K arkheologii Karategina [On the archaeology of Karategin]. *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief reports of Institute of history of material culture Issue 80, 1960. S. 76–79 (in Russian).

Pogrebova M. N., Raevskii D. S. Rannii zheleznyi vek [Early Iron Age]. *Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e. Ocherki istorii* [Eastern Turkestan in Antiquity and early Middle Ages. Essays of history]. Moscow: Nauka, 1988. S. 156–189 (in Russian).

Saltovskaia E. D. O raskopkakh mogil'nika VI–IV vv. do n. e. v Severo-Zapadnoi Fergane [On the excavations of burial ground of VI–IV centuries BC in North-Western Fergana]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. Issue 11, Dushanbe, 1972. S. 48–60 (in Russian).

Saltovskaia E. D. Nekotorye novye materialy o «ferganskikh kochevnikakh [Some new materials about Fergana nomads]. *Uspekhi sredneaziatskoi arkheologii* [The success of archaeology of Central Asia]. Issue 3. Leningrad: Nauka, 1975. S. 36–39. (in Russian).

Saltovskaia E. D. O pogrebeniiakh rannikh skotovodov v Severo-Zapadnoi Fergane [On the burials of ancient herders in North-Western Fergana]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief reports of Institute of Archaeology]. Issue 154, 1978. S. 95–99 (in Russian).

Tashbaeva K. I. *Kul'tura rannikh kochevnikov Tian' — Shania i Alaia* [The culture of ancient nomads of Tien Shan and Alai]. Bishkek: Ilim, 2011, 274 s. (in Russian).

Khodzhaiov T. K., Khodzhaiova G. K. K probleme formirovaniia antropologicheskogo sostava kirgizov [On the problem of formation of anthropological composition of Kyrgyz people]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. 2015, № 3 (30). S. 82–91 (in Russian).

Chen Ge. Bamier gaoiuan gumu [The ancient burials of Pamir highland]. *The new materials on the Xinjiang archaeology (1979–1989)*. Urumchi: Sin'tszian zhen'min» chuban'she, 1990. S. 159–175 (in Chinese).

Gorbunova N. G. The Culture of Ancient Ferghana VI century BC–VI century AD. BAR International Series. № 281. Oxford, 1986/ 365 p.

Wu Xinhua, Tang Zihua. Jirzankal cemetery covered with rows of black-and-white stones: key excavations and primary research. *Eurasian Studies*. Vol. IV. 2016. P. 5–82.

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021.

Принята к публикации 10.03.2022.

Дата публикации 30.06.2022.

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2022)2-02

Т.-О. Идэрхангай

*Улан-Баторский университет, Улан-Батор (Монголия)***Н. Н. Серегин**

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ТЮРКСКИЕ ОГРАДКИ КОМПЛЕКСА УСТИЙН АМ (ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛИЯ)

Статья посвящена публикации материалов раскопок пяти оградок, обнаруженных в составе археологического комплекса Устийн ам. Данный памятник, расположенный в Архангайском аймаке Монголии, был частично исследован археологической экспедицией Улан-Баторского университета в 2012 г. Изученные объекты представляют собой подквадратные конструкции, стенки которых сооружены из вертикально установленных плит, а внутренняя площадь заполнена камнями разных размеров. Анализ полученных материалов с учетом накопленного опыта культурно-хронологической интерпретации тюркских «поминальных» комплексов позволил установить, что раскопанные объекты памятника Устийн ам сооружены в разное время. По совокупности признаков (основа в виде многоплитового ящика, стела без следов обработки и др.) самой ранней является оградка № 1, относящаяся к эпохе Первого каганата. Объекты № 5–6 и 9–10, различающиеся по ряду характеристик, возведены в период Второго Восточно-Тюркского каганата или в более позднее время. Возможности уточнения датировки оградок связаны с дальнейшими раскопками данного памятника, а также других «поминальных» комплексов Монголии.

Ключевые слова: Монголия, тюрки, оградки, раннее Средневековье, раскопки, хронология, интерпретация.

Цитирование статьи:

Идэрхангай Т.-О., Серегин Н. Н. Тюркские оградки комплекса Устийн ам (Центральная Монголия) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 28–38. DOI: 10.14258/nreur(2022)2-02.

T.-O. Iderkhangai

Ulaanbaatar University, Ulaanbaatar (Mongolia)

N. N. Seregin

Altai State University, Barnaul (Russia)

TURKIC ENCLOSURES OF THE USTIIN AM COMPLEX (CENTRAL MONGOLIA)

The article presents materials of five enclosures found in the Ustiin am archaeological complex. This site, located in the Arkhangay aimag of Mongolia, was partially explored by the archaeological expedition of Ulaanbaatar University in 2012. The studied objects are sub-square structures, the walls of which are built of vertically installed slabs, and the inner area is filled with stones of various sizes. An analysis of the materials obtained, taking into account the accumulated experience of the cultural and chronological interpretation of the Turkic memorial complexes, made it possible to establish that the excavated objects of the Ustiyn am site were built at different periods. According to the combination of features (base in the form of a multi-slab box, a stele without traces of processing, etc.), the earliest is enclosure № 1, dating back to the era of the First Khaganate. Objects № 5–6 and 9–10, which differ in a number of characteristics, were erected during the Second Eastern Turkic Khaganate or at a later time. The possibility of specifying the date of the enclosures is connected with further excavations of this site, as well as other memorial complexes in Mongolia.

Keywords: Mongolia, Turks, enclosures, early Middle Ages, excavations, chronology, interpretation.

For citation:

Iderkhangai T.-O., Seregin N. N. Turkic enclosures of the Ustiin am complex (Central Mongolia). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 2. P. 28–38. DOI: 10.14258/nneur(2022)2–02.

Идэрхангай Тумур-Очир, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Улан-Баторского университета; Улан-Батор (Монголия). **Адрес для контактов:** iderkhangai2007@yahoo.com

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета; Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** nikolay-seregin@mail.ru.

Iderkhangai Tumor-Ochir, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Archeology, Ulaanbaatar University; Ulaanbaatar (Mongolia). **Contact address:** iderkhangai2007@yahoo.com.

Seregin Nikolay Nikolaevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Archeology, Ethnography and Museology of Altai State University; Barnaul city (Russia). **Contact address:** nikolay-seregin@mail.ru.

Введение

Одной из ключевых проблем археологии раннесредневековых тюрок Центральной Азии остается низкая степень изученности комплексов Монголии, где происходили ключевые процессы истории кочевых империй. На обозначенной территории сконцентрирован огромный массив различных памятников, наиболее распространенными из которых являются «поминальные» объекты — оградки с изваяниями, балбалами и другими сооружениями. По ряду причин на протяжении длительного времени изучение таких комплексов ограничивалось фиксацией их внешних характеристик и не предполагало проведения раскопок, позволяющих получить полноценную информацию о конструктивных особенностях и времени возведения [Баяр, 1997; Бямбадорж, Амартувшин, 1998; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999]. Вместе с тем в последние десятилетия в результате работ экспедиций из различных научных центров осуществлены исследования тюркских оградок в ряде пунктов, продемонстрировавшие значительные перспективы таких работ [Горбунов, Тишкин, Эрдэнэбаатар, 2007; Цэвендорж и др., 2008; Мунхбаяр, 2010; Идэрхангай, 2014; Кубарев, 2015; Төрбат и др., 2016; Тишкин, Горбунов, Серегин, 2017; Идэрхангай и др., 2019]. Несмотря на важность уже полученных данных, объем сформированного корпуса источников все еще незначителен. В связи с этим актуальны оперативное введение в научный оборот результатов раскопок и их интерпретация в контексте современных представлений об археологии раннесредневековых тюрок. Настоящая статья посвящена публикации оградок, исследованных на комплексе Устийн ам в Центральной Монголии.

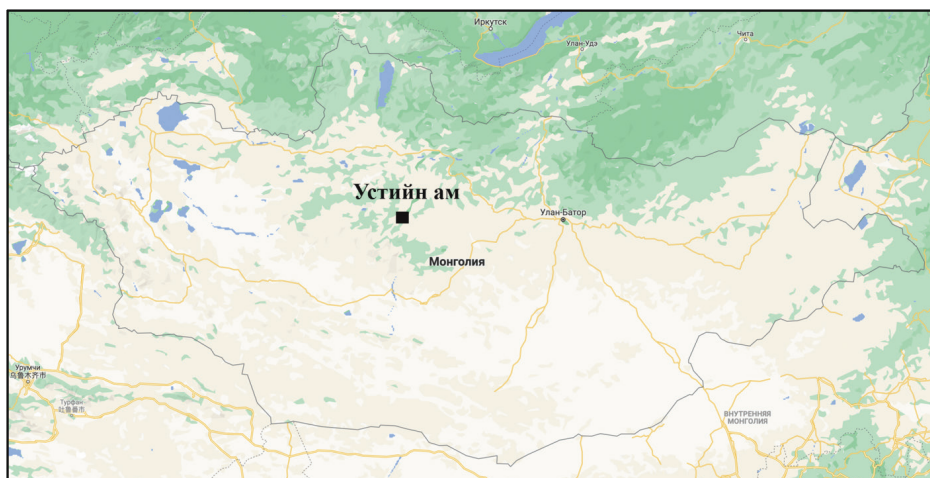

Рис. 1. Расположение археологического комплекса Устийн ам

Fig. 1. Location of the archaeological complex Ustiyin am

Характеристика результатов раскопок

Археологический комплекс Устийн ам расположен на левом берегу р. Бугат, в 70 км к юго-востоку от центра сомона Ундур-Улаан Архангайского аймака Монголии (рис. 1).

Данный памятник впервые зафиксирован в ходе разведочных работ, проведенных одним из авторов статьи в 2011 г. В ходе этих исследований на площади комплекса зафиксированы 10 подквадратных оградок, с восточной стороны некоторых из них были установлены стелы или балбалы (рис. 2). Раскопки пяти таких сооружений осуществлены экспедицией Улан-Баторского университета под руководством Т.-О. Идэрхангая в 2012 г. (рис. 3).

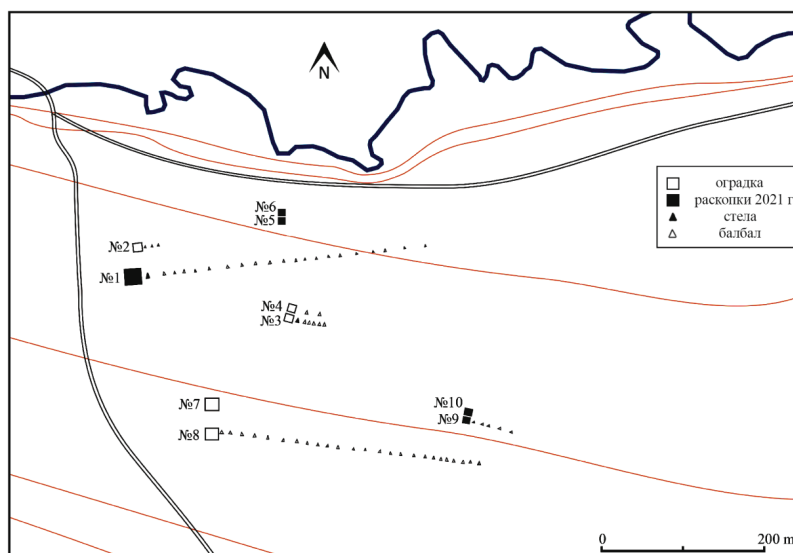

Рис. 2. План памятника Устийн ам
Fig. 2. Plan of the monument Ustiyin am

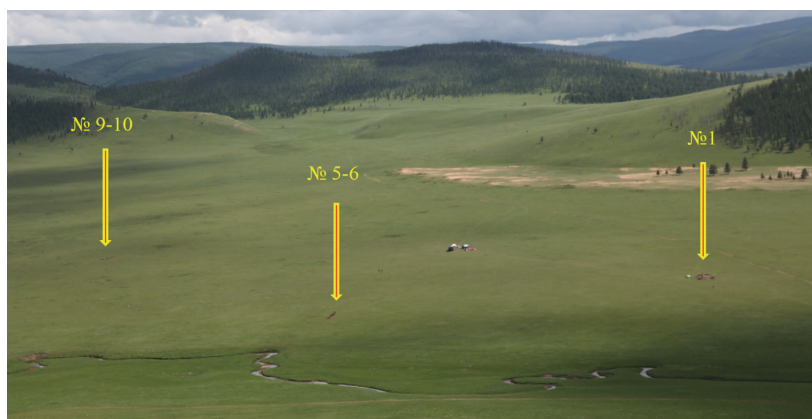

Рис. 3. Общий вид на исследованные объекты комплекса Устийн ам
Fig. 3. General view of the studied objects of the Ustiyin am

Оградка № 1. Представляет собой самое крупное сооружение комплекса Устийн ам и маркирует западную границу памятника. До раскопок объект фиксировался в виде бесформенной, сильно задернованной одиночной насыпи размером 8,2x7,3 м и высотой до 0,8 м. Расчистка конструкции позволила выявить подквадратное сооружение, периметр которого был оформлен в виде небольших вертикально установленных плит. Внутренняя площадь объекта была плотно заполнена забутовкой из камней разных размеров. Параметры основы оградки составили 7,3x6,6 м. Судя по наиболее полно сохранившимся северной и южной частям, каждая из стенок сооружения была возведена из 16 плит (рис. 4).

У восточной стенки оградки зафиксирована стела без видимых следов обработки, размером 0,48x0,44 м и высотой 0,95 м, врытая в ямку глубиной до 0,6 м. К востоку от объекта, с небольшим отклонением к северу, установлен ряд балбалов, протянувшийся на 348 м.

После выборки и зачистки внутренней площади оградки в центре объекта выявлена небольшая ямка глубиной до 0,3 м. На уровне древнего горизонта она была перекрыта плоской плитой. Какие-либо другие конструкции и находки не обнаружены.

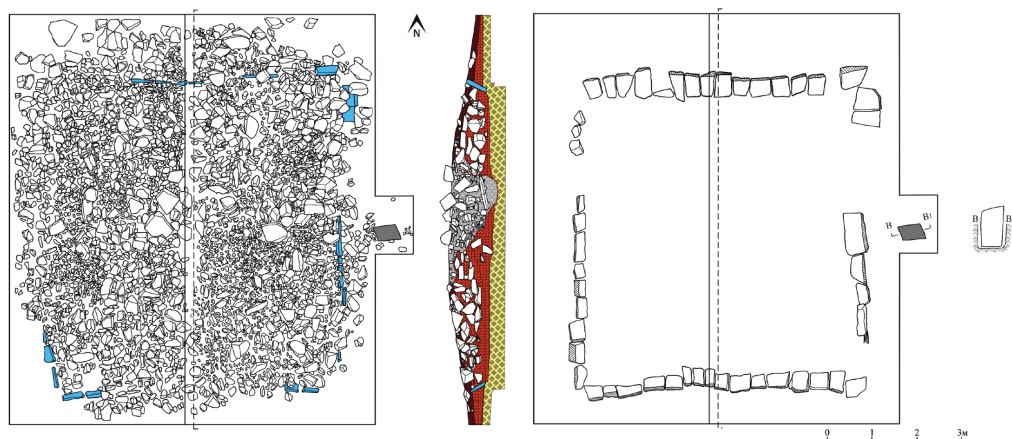

Рис. 4. План и разрез оградки № 1 комплекса Устийн ам

Fig. 4. Plan and section of fence No. 1 of the Ustiin am

Возведенные рядом оградки № 5–6 локализованы к северо-востоку от объекта № 1. Они представляют собой рядом стоящие конструкции подквадратной формы, устроенные по линии юг — север, без каких-либо дополнительных сооружений. Объекты ориентированы стенками по сторонам света (рис. 5).

Оградка № 5. Возведена из четырех поставленных на ребро каменных плит. Внутренняя площадь объекта была заполнена забутовкой из камней различных размеров. Параметры оградки — 0,98x0,82 м. У западной стенки сооружения лежал крупный камень, который, возможно, представлял собой поваленную стелу. В центральной части оградки фиксировалось углубление до 0,3 м. Каких-либо других конструкций и находок не обнаружено.

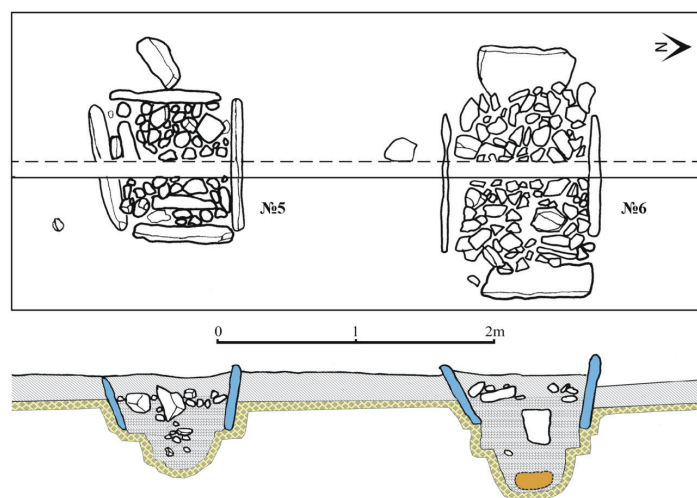

Рис. 5. План и разрез оградок № 5–6 комплекса Устийн ам
 Fig 5. Plan and section of enclosures No. 5–6 of the Ustiin am

Оградка № 6 находилась в 1,4 м к северу от объекта № 5. Сооружена из четырех поставленных на ребро каменных плит, две из которых (западная и восточная) были повалены. Внутренняя площадь объекта была заполнена забутовкой из средних и мелких камней. Размеры оградки — 1,2х1,0 м. В центральной части объекта выявлено углубление, в верхней части которого находился крупный камень, а в нижней зафиксированы останки органики. Каких-либо других конструкций и находок не обнаружено.

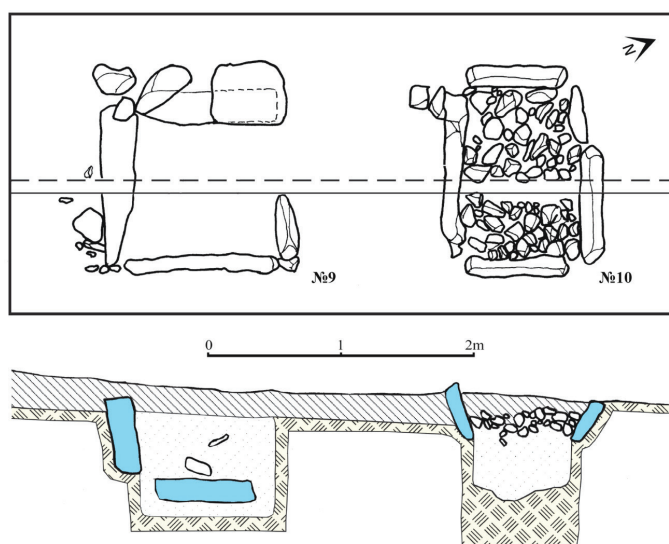

Рис. 6. План и разрез оградок № 9–10 комплекса Устийн ам
 Fig. 6. Plan and section of enclosures No. 9–10 of the Ustiin am

Оградки № 9–10 представляли собой сооруженные рядом конструкции подквадратной формы, маркировавшие восточную границу памятника Устийн ам. Объекты возведены по линии юг — юго-запад — север — северо-восток (рис. 6).

Оградка № 9. Сооружена из четырех поставленных на ребро каменных плит. Судя по всему, один из элементов конструкции в северной стенке объекта отсутствовал. Внутренняя площадь оградки была практически полностью пустой, за исключением отдельных небольших камней. Размеры сооружения — 1,43х1,36 м. От юго-восточной стенки оградки отходил ряд из пяти балбалов, протянувшийся на 56 м. В ходе выборки внутренней площади объекта на глубине 0,5 м обнаружена крупная плита. Каких-либо других конструкций и находок не зафиксировано.

Оградка № 10 находилась в 1,05 м на север — северо-восток от объекта № 9. Возведена из пяти поставленных на ребро каменных плит. Внутренняя площадь объекта была заполнена забутовкой из средних и мелких камней. Размеры оградки — 1,57х1,13 м. За юго-восточной стенкой сооружения обнаружен зуб лошади. Каких-либо конструкций и находок в ходе раскопок внутренней площади оградки не выявлено.

Анализ и интерпретация материалов

Материалы раскопок оградок памятника Устийн ам демонстрируют различные характеристики традиций «поминальной» обрядности раннесредневековых тюрок. Такие объекты представляют собой наиболее распространенную группу сооружений, возводимых кочевниками данной общности в разных частях Центральной Азии на протяжении второй половины I тыс. н. э. К настоящему времени в результате раскопок довольно значительной серии подобных комплексов накоплены сведения об особенностях их конструкций, позволяющие уточнить датировку публикуемых оградок несмотря на отсутствие каких-либо находок [Грач, 1961; Кубарев, 1984; Серегин, Шелепова, 2015].

Анализ материалов, полученных в ходе раскопок памятника Устийн ам, позволяет выделить две группы сооружений. Первая представлена одиночной оградкой № 1, а вторая — рядом стоящими объектами № 5–6 и 9–10. Выявленные особенности планировки не являются хронологически показательными — обе группы оградок, судя по имеющимся материалам, возводились на протяжении всей второй половины I тыс. н. э. Более существенно то, что раскопанные комплексы отличаются размерами, конструктивными характеристиками, а также ориентировкой стенок.

Ключевым показателем конструкции одиночной оградки № 1 является то, что ее стенки сооружены из большого количества плит. По мнению В.Е. Войтова [1996: 70], данная традиция характерна для ранних объектов, относящихся к эпохе Первого каганата. Схожая конструкция выявлена в ходе раскопок памятника Ян-Гобо на Алтае [Кубарев, 1984, табл. XXXIX], вероятно, также датирующегося в рамках данного периода. Общими характеристиками отмеченных комплексов являются также выдающиеся размеры (в случае с оградкой № 1 Устийн ам они заметно меньше, но все же превышают средние параметры подобных конструкций) и длинный ряд балбалов. Косвенным признаком, свидетельствующим о ранней датировке оградки № 1, выступает отсутствие реалистичного изваяния, хотя у восточной стенки была установлена стела без каких-либо следов обработки.

Для оградок № 5–6 и 9–10 характерна совершенно другая конструкция — стенки этих объектов возведены чаще всего из одной, реже из двух плит. Четырехплитовые ящики традиционно рассматриваются как признак «поминальных» комплексов, сооруженных не ранее второй половины VII — первой половины VIII в. н.э. [Войтов, 1996: 61], что отражает одно из направлений трансформации традиций обрядовой практики раннесредневековых тюрков. На то, что оградки № 5–6 и 9–10 возведены позже объекта № 1, указывают также отличная общая ориентировка объектов, а также другое направление вереницы балбалов, хорошо фиксируемых на общем плане раскопанных сооружений.

В целом, имеются основания для предположения о том, что наиболее ранним по хронологии из раскопанных объектов комплекса Устийн ам является оградка № 1. Предварительно она может быть датирована в рамках эпохи Первого каганата (вторая половина VI — первая половина VII в. н.э.). Вероятно, к этому же времени относится не исследованная оградка № 2, для которой отмечена идентичная планировка и ориентировка балбалов. Объекты № 5–6 и 9–10, судя по имеющимся данным, отражают следующий этап существования тюркского «поминального» комплекса Устийн ам и датируются второй половиной VII — первой половиной VIII в. н.э. или даже более поздним периодом.

Заключение

Раскопки небольшой серии оградок археологического памятника Устийн ам подтверждают перспективность целенаправленных исследований подобных объектов в разных частях Монголии. Несмотря на отсутствие датирующих находок, имеющийся опыт хронологической атрибуции «поминальных» комплексов тюрков Центральной Азии позволил обозначить возможности установления времени сооружения изученных сооружений.

Предварительно установлено, что памятник Устийн ам был сформирован не единовременно, а представлял собой место сооружения «поминальных» объектов тюрками на протяжении нескольких хронологических периодов. Начальный этап освоения данной местности кочевниками в эпоху Первого каганата связан с возведением оградки № 1, отличительными признаками которой являются конструкция в виде многоплитового ящика, довольно значительные размеры, стела без следов обработки и большое количество балбалов. Объекты № 5–6 и 9–10, судя по ряду характеристик (стенки из одной, реже двух плит, небольшие размеры, ориентировка сооружений) устроены уже в период Второго Восточно-Тюркского каганата или в более позднее время.

Таким образом, результаты раскопок комплекса Устийн ам демонстрируют процессы трансформаций традиций «поминальной» обрядности раннесредневековых кочевников на протяжении второй половины I тыс. н. э. Исследованные объекты имеют многочисленные аналогии в материалах других памятников тюрков, изученных на территории Алтае-Саянского региона и Монголии. Возможности уточнения времени возведения объектов комплекса Устийн ам связаны с раскопками оставшихся оградок данного памятника, которые, возможно, содержат датирующие находки или органические материалы для осуществления радиоуглеродного анализа, а также с продолжением комплексных археологических исследований тюркских «поминальных» объектов в этой части Монголии.

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Министерства культуры, образования, науки и спорта Монголии в рамках научного проекта № 19–59–44013.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баяр Д. Монголын төв нутаг дахь Түрэгийн хүн чулуу. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 1997. 148 т. (на монг. яз.).

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хүн чулуун хушуу. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 1999. 166 т. (на монг. яз.).

Бямбадорж Т., Амартувшин Ч. Увс аймгийн нутаг дахь түрэгийн үеийн зарим хүн чулууд // *Studia Archaeologica*. 1998. Tomus XVIII. Fasc. 10. Т. 179–187 (на монг. яз.).

Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Эрдэнэбаатар Д. Тюркские оградки в Западной Монголии (по материалам раскопок на памятнике Улан худаг-I) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. Вып. 3. С. 62–68.

Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 94 с.

Идэрхангай Т. — О. Результаты раскопок тюркских оградок в местности Дунд Оорцог (Центральная Монголия) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2014. № 4/2 (84). С. 121–127.

Идэрхангай Т., Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серегин Н. Н., Өнөрбаяр Б., Цэнд Д., Батчимэг Б., Эрдэнэпүрэв П. Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологийн шинжилгээ» хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Алтай сумын нутагт ажилласан малтлага судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи — 2018: Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхэтгэл. Улаанбаатар: Бемби сан, 2019. Т. 231–236 (на монг. яз.).

Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.

Кубарев Г. В. Мемориальный комплекс древнетюркского аристократа из Хар-Ямаатын-Гола (Монгольский Алтай) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: Археология и этнография. С. 136–150.

Мунхбаяр Ч. Ховд аймгийн нутаг дахь Түрэгийн тахилын байгууламжийн турэл, ангилал // Нуудэлчдийн ув судлал. 2010. Том X. Fasc. 8. Т. 108–127 (на монг. яз.).

Серегин Н. Н., Шелепова Е. В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н. э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул: Азбука, 2015. 168 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В., Серегин Н. Н. Тюркские оградки археологического памятника Баян Булаг-II в Монгольском Алтае: результаты исследований и комплексного анализа // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 136–144.

Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернад В. «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи — 2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 172–176 (на монг. яз.).

Цэвэндорж Д., Кубарев В. Д., Лхундэв Г., Кубарев Г. В., Баярхуу Н. Хар Ямаатын Түрэгийн үеийн дурсгалуудын малтлагын үр дүн // Археологийн судлал. 2008. Т. XXVI. Т. 262–273 (на монг. яз.).

REFERENCE

Baiar D. *Mongolyn төв nutag dakh' Tyregiin khyn chuluu* [Turkic stone in central Mongolia]. Ulaanbaatar: Academy of Historical Sciences, 1997, 148 p. (in Mongolian).

Baiar D., Erdenebaatar D. *Mongol Altain khyn chuluun khushuu* [Stone statues of Mongolian Altai]. Ulaanbaatar: Academy of Historical Sciences, 1999, 166 p. (in Mongolian).

Biambadorzh T., Amartuvshin Ch. *Uvs aimgiin nutag dakh' turegiin ueiin zarim khun chuluud* [Stone statues of the Turkic period in Uvs aimag]. *Studia Archaeologica*. 1998, vol. XVIII, iss. 10, pp. 179–187 (in Mongolian).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Erdenebaatar D. *Tiurkskie ogradki v Zapadnoi Mongolii (po materialam raskopok na pamiatnike Ulan khudag-I)* [Turkic enclosures in Western Mongolia (based on excavations at the Ulan Khudag-I site)]. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniï* [Theory and practice of archaeological research]. Barnaul: Altai State University Publ., 2007, iss. 3. S. 62–68 (in Russian).

Grach A. D. *Drevnetiurkskie izvaianiia Tuvy* [Ancient Turkic statues of Tuva]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1961, 94 s. (in Russian).

Iderkhangai T.-O. *Rezultaty raskopok tiurkskikh ogradok v mestnosti Dund Oortsog (Tsentral'naia Mongoliia)* [Results of excavations of Turkic enclosures in the Dund Oortsog area (Central Mongolia)]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriia. Politologiia* [News of the Altai State University. History. Political science]. 2014, no. 4/2 (84). S. 121–127 (in Russian).

Iderkhangai T., Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Seregin N. N., Өнөрбайар Б., Тsend Д., Batchimeg Б., Erdeneпыrev P. *Mongol-Orosyn khamtarsan "Tөв Aziin arkheologiin шинzhilgee-2" kheeriin шинzhilgeenii ангиin Baian-Өlgii aimgiin Altai сумын nutagt azhillasan малтлага судалгааны азхлын үр дүнgees* [From the results of the excavation work carried out by the Mongolian-Russian joint field research group "Central Asian Archaeological Research" in Altai somon of Bayan-Ulgii aimag]. *Mongolyn arkheologi — 2018: Erdem шинzhilgeenii khurlyn emkhetgel* [Mongolian Archeology 2018: Proceedings of the Scientific Conference]. Ulaanbaatar: Bembi san, 2019. P. 231–236 (in Mongolian).

Kubarev G. V. *Memorial'nyi kompleks drevnetiurkskogo aristokrata iz Khar-Iamaatyn-Gola (Mongol'skii Altai)* [Memorial complex of the ancient Turkic aristocrat from Khar-Yamaatyn-Gol (Mongolian Altai)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istoriia, filologiia* [Bulletin of the Novosibirsk State University. History, philology]. 2015, vol. 14, iss. 7. S. 136–150 (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnetiurkskie izvaianiia Altaia* [Ancient Turkic statues of Altai]. Novosibirsk: Nauka, 1984, 230 s. (in Russian).

Munkhбайар Ч. *Khovd aimgiin nutag dakh' Turegiin takhilyn baiguulamzhiin turel, angilal* [Types and classification of Tureg sacrificial structures in Khovd aimag]. *Nuudelchdiin uv sudlal* [Nomadic ethnography]. 2010, vol. X, iss. 8. P. 108–127 (in Mongolian).

Seregin N. N., Shelepova E. V. *Tiurkskie ritual'nye kompleksy Altaia (2-ia polovina I tys. n. e.): sistematizatsiia, analiz, interpretatsiia* [Turkic ritual complexes of Altai (2nd half of the 1st millennium AD): systematization, analysis, interpretation]. Barnaul: Azbuka, 2015, 168 s. (in Russian).

Tishkin A. A., Gorbunov V. V., Seregin N. N. *Tiurkskie ogradki arkheologicheskogo pamiatnika Baian Bulag-II v Mongol'skom Altae: rezul'taty issledovaniia i kompleksnogo analiza* [Turkic enclosures of the Bayan Bulag-II archaeological site in the Mongolian Altai: results of research and complex analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2017, no. 424. S. 136–144. (in Russian).

Tsevendorzh D., Kubarev V. D., Lkhundev G., Kubarev G. V., Baiarkhuu N. *Khar Iamaatyn Tyregiin yeiin dursgaluudyn maltlagyn yr dyn* [Results of excavation of Turkic objects in Khar Iamaatyn]. *Arkheologiin sudlal* [Archaeological research]. 2008, vol. XXVI, P. 262–273 (in Mongolian).

Torbat Ts., Baiarkhyu N., Lepets S., Bernard V. «*Mongol Altain tyryu ba tyukhen yeiin orshin suugchdyn tsogts sudalгаа' toshin kheeriuin shinzhilgeenii tovch yr dyn* [Brief results of field research of the project “Comprehensive study of early and historical inhabitants of Mongol Altai”]. *Mongolyn arkheologi — 2015* [Mongolian archaeology — 2015]. Ulaanbaatar: Academy of Historical Sciences, 2016. P. 172–176 (in Mongolian).

Voitov V. E. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovo-pominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv.* [The ancient Turkic pantheon and the model of the universe in the cult-commemorative monuments of Mongolia in the 6th — 8th centuries]. Moscow: GMV Publ., 1996, 152 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 21.01.2022.

Принята к публикации 30.05.2022.

Дата публикации 30.06.2022.

УДК 902.03

DOI: 10.14258/nreur(2022)2–03

Л. С. Марсадолов*Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (Россия)*

АСТРОСТЕЛЫ — УКАЗАТЕЛИ САКРАЛЬНЫХ ПУТЕЙ НА ДРЕВНЕМ СВАТИЛИЩЕ ТУРУ-АЛТЫ НА АЛТАЕ

Подробно анализируются материалы древнего святилища Туру-Алты на Алтае. В урочище Туру-Алты расположены разнообразные курганы, вертикально стоящие стелы в оградках, выкладки, обо на вершине горы, петроглифы и другие объекты. Саяно-Алтайской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа на этом памятнике впервые были прослежены сакральные пути для подъема к главному алтарю на вершине горы и для спуска двумя-тремя другими путями вниз к подножью горы. Различные по типам пункты свидетельствуют о большой сумме планиграфических, метрологических и астрономических знаний, вложенных в разметку и сооружение объектов на святилище Туру-Алты. Образ оленя учёные часто связывают с символом Солнца, постоянного возрождения на востоке и с ежегодным приростом отростка рога у оленя. С эпохи бронзы до этнографического времени функционировало святилище в Туру-Алты, вероятно, иногда с перерывами на длительные периоды. Даты этого памятника могут быть определены по наскальным рисункам, стелам в оградках и конструкции курганов.

Идея сакрального «Пути» была широко распространена на территории Евразии в первой половине I тыс. до н. э. В Китае эта идея оформилась в глубокое философско-религиозное учение — даосизм в середине I тыс. до н. э., а в Центральной Азии постепенно привело к культу Неба — к тенгрианству.

Ключевые слова: Алтай, Туру-Алты, Монголия, святилище, алтарь, курган, выкладка, стела, астроархеология, петроглифы, олень.

Цитирование статьи:

Марсадолов Л. С. Астростелы — указатели сакральных путей на древнем святилище Туру-Алты на Алтае // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 39–71. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–03.

L. S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg (Russia)

ASTROSTELS-INDICATORS OF SACRED WAYS AT ANCIENT SANCTUARY TURU-ALTY ON ALTAI

The article analyzes in detail the materials of the ancient sanctuary of Turu-Alty in Altai. In the Turu-Alty tract there are various burial mounds, vertically standing steles in enclosures, displays, on the top of the mountain, petroglyphs and other objects. The Sayano-Altai archaeological expedition of the State Hermitage Museum, for the first time, sacred paths were traced at this monument for ascending to the main altar at the top of the mountain and for descending 2–3 other ways down to the foot of the mountain. Points of various types indicate a large amount of planigraphic, metrological and astronomical Knowledge invested in the marking and construction of objects at the Turu-Alty sanctuary. Scientists often associate the image of a deer with the symbol of the Sun, constant rebirth in the East and with the annual growth of the deer antler. From the Bronze Age to the ethnographic time, a sanctuary functioned in Turu-Alty, probably sometimes intermittently for long periods. The dates of this monument can be determined from rock paintings, steles in enclosures and the construction of barrows. The idea of the sacred “Way” was widespread in Eurasia in the 1st half of the 1st millennium BC. In China, this idea took shape in a deep philosophical and religious teaching — Taoism in the middle of the 1st millennium BC, and in Central Asia it gradually led to the cult of Sky — to Tengianism.

Keywords: Altai, Turu-Alty, Mongolia, sanctuary, altar, barrow, display, stele, astroarcheology, petroglyphs, deer.

For citation:

Marsadolov L. S. Astrostels-indicators of sacred ways at ancient sanctuary Turu-Alty on Altai. Nations and religions of Eurasia. 2022. Т. 27, № 2. P. 39–71. DOI: 10.14258/nneur(2022)2–03.

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** marsadolov@hermitage.ru.

Marsadolov Leonid Sergeevich, doctor of Cultural Studies, Leading Researcher at the Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of The State Hermitage Museum, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** marsadolov@hermitage.ru.

Введение

Сакральные аспекты мировоззренческих представлений всегда были важны для древних кочевников Горного Алтая, поэтому археологи уделили много внимания этой проблематике [Грязнов, 1950; Руденко, 1953; Кубарев, 1979; Шер, 1980; Жречество, 1996; Марсадолов, 2000, 2007, 2021; Святителища, 2000; Шульга, 2000; Тишкин, Горбунов, 2005; Дашковский, 2007, 2011; Молодин, Ефремова, 2010; Шелепова, 2009]. На разных по своим функциям святителищах проводились как сложные обряды, так и обучение сакральным знаниям. Детальное изучение святителищ помогает понять и объяснить отдельные жизненно важные аспекты, которые не нашли отражение в погребальной обрядности кочевников.

Почти на всех святителищах Саяно-Алтая, находящихся на горах, разметку и размещение сакрально значимых пунктов производили не за один год, а для более глубокого осознания связей с окружающей природной средой, постоянно дополняли всё новыми объектами. В наиболее важных точках и на пересечениях разметочных линий воздвигали стелу, изваяние или сооружали выкладку, керексур, курган и другие объекты.

Общие сведения о святителище в Туру-Алты

Святителище Туру-Алты расположено на правом берегу реки Бар-Бургазы, в межгорном урочище Туру-Алты, в 15 км к северо-западу от Юстыдского комплекса [Кубарев, 1979; Кубарев, Якобсон, Масумото, 1993; Якобсон, 1993; Марсадолов, 1996, 2007, 2021]. Координаты этого святителища: широта (С) — 49°50,5'; долгота (В) — 89°7,9'; высота над уровнем моря — 2080 м. Азимут астрономический равен азимуту магнитному минус 6,2°.

Первые исследования на святителище Туру-Алты (Юго-Восточный Алтай) были проведены в середине 1970-х гг. В. Д. Кубаревым, к работам которого позднее присоединились Э. Якобсон, Т. Масумото, Я. А. Шер, А. П. Франкфор и другие археологи. Во время новых исследований Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа (далее СААЭ ГЭ) под руководством Л. С. Марсадолова в 1995 и 2003 гг. были поставлены задачи выявления связей курганов, выкладок, стел, наскальных изображений между собой, с окружающим ландшафтом и значимыми астрономическими направлениями. В 2006–2008 гг. экспедиция Кемеровского университета копировала петроглифы в Туру-Алты [Мартынов и др., 2019]. С целью получения цифровой модели комплекса в 2014–2015 гг. на этом святителище работала экспедиция Горно-Алтайского и Гентского (Бельгия) университетов.

У подножия горы и на горных склонах в урочище Туру-Алты СААЭ ГЭ было зафиксировано большое число разнородных объектов (табл. 1; рис. 1: 1): стелы (С), оградки (О); курганы с квадратной оградой и округлой насыпью в центре (КООН), курганы с квадратной насыпью (КН), курганы с округлой насыпью из плоских камней или из валунов (ОН), каменные ящики (КЯ). Наиболее разнообразны по форме каменные оградки из вертикально вкопанных плит или горизонтально уложенных камней.

В разных частях урочища Туру-Алты расположены три группы курганов (рис. 1.-1). Первая группа находится на невысоком горном увале в западной части урочища, она ориентирована по линии север — юг и включает в себя пять объектов: четыре округ-

лых кургана диаметром по 9–11 м, высотой — до 0,8 м (№ 25–28); а также один более крупный округлый курган в прямоугольной ограде (№ 29).

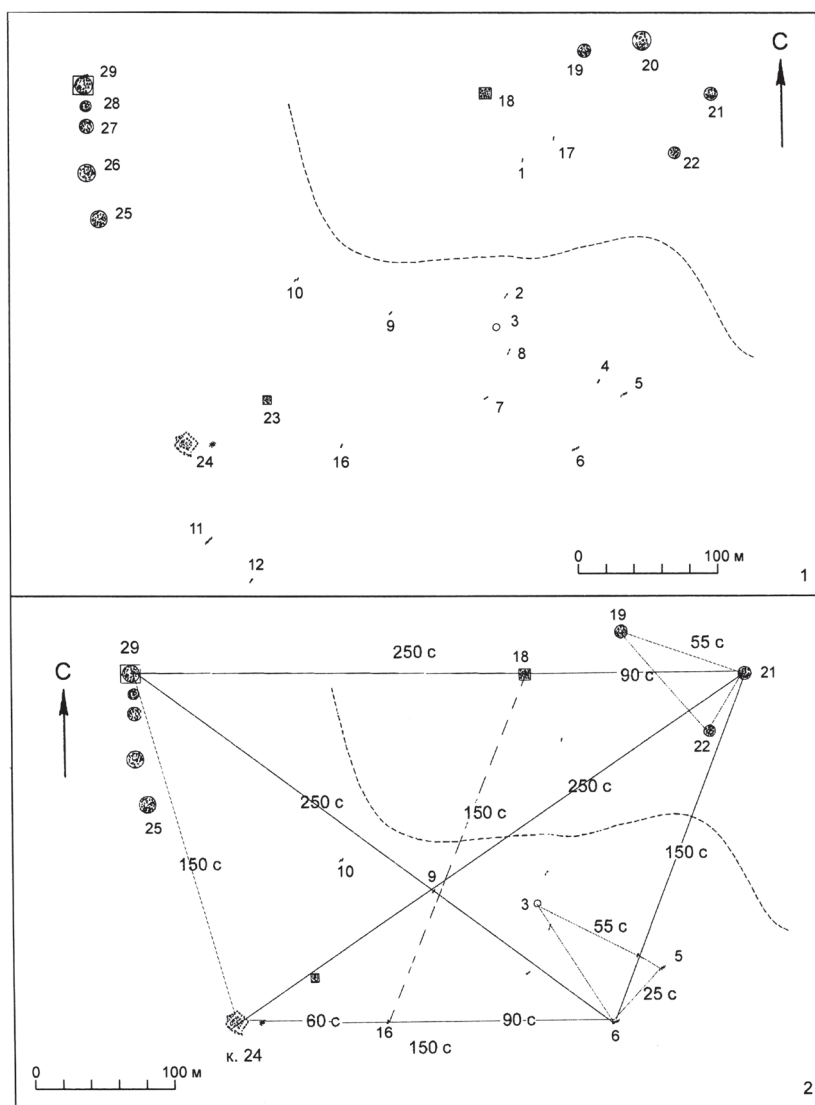

Рис. 1. Туру-Алты, Юго-Восточный Алтай: 1 – общий план расположения объектов в урочище; 2 – предполагаемые основные линии разметки, соединяющие не менее трёх объектов (указано расстояние между объектами в прямых саженьях/кулашах по 1,8 м, а также номера задействованных пунктов)

Fig. 1. Turu-Alty, South-East Altai: 1 – general plan for the location of objects in the tract; 2 – the proposed main marking lines connecting at least three objects (the distance between objects is indicated in straight sazhen / kulash 1.8 m each, as well as the numbers of the points involved)

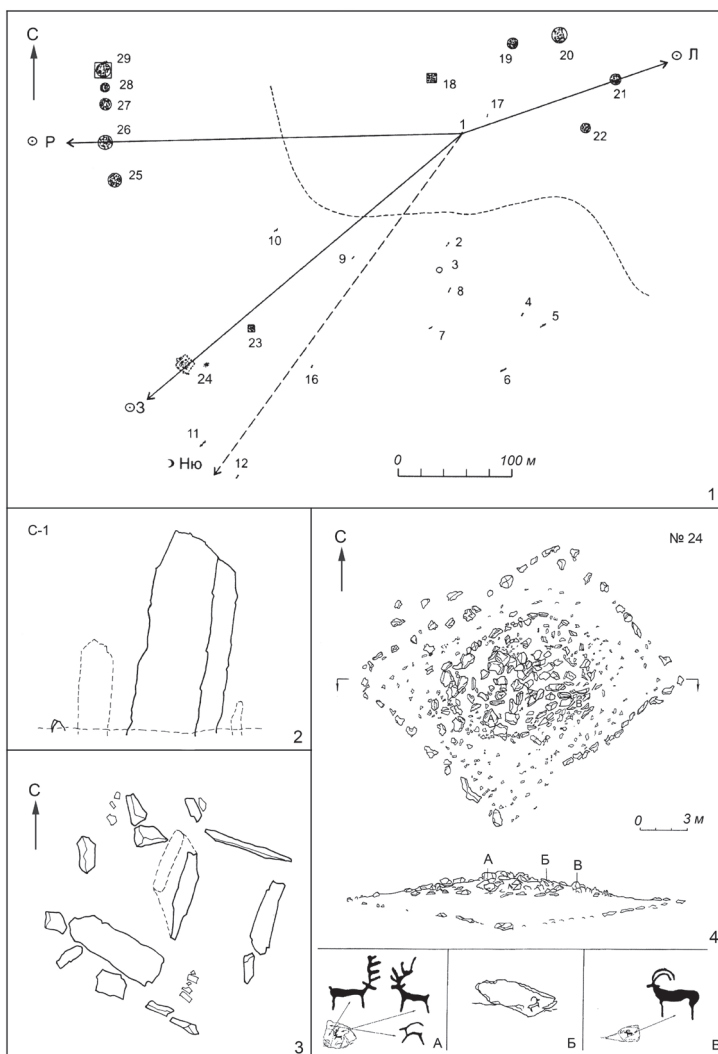

Рис. 2. Святилище Туру-Алты: 1 – общий план комплекса объектов с наложенными значимыми астрономическими направлениями от стелы № 1. Условные обозначения: Л – восход солнца в день летнего солнцестояния (через выкладку № 21); P – заход солнца в дни равноденствий (через курган № 26); 3 – заход солнца в день зимнего солнцестояния (через курган № 24)]; 2–3 – вид стелы № 1 (2) и план выкладки вокруг неё (3); 4 – план кургана № 24 и петроглифы на камнях в насыпи этого кургана (A-B)

Fig. 2. Sanctuary of Turu-Alta: 1 – general plan of the complex of objects with superimposed significant astronomical directions from stele No. 1. Symbols: L – sunrise on the day of the summer solstice (through calculation No. 21); P – entry the sun on the days of the equinoxes (through mound No. 26); 3 – sunset on the day of the winter solstice (through mound No. 24)]; 2–3 – view of stele No. 1 (2) and layout plan around it (3); 4 – plan of mound No. 24 and petroglyphs on stones in the mound of this mound (A-B)

Вторая группа расположена в юго-западном углу урочища и состоит из небольшого квадратного кургана (№ 23) и округлого кургана с подпрямоугольной оградой (№ 24). Третья группа курганов, находящаяся на южном склоне горы, в северо-восточной части урочища, состоит не менее чем из пяти курганов округлой и прямоугольной формы, размерами от 7 до 11 м, высотой до 0,9 м (№ 18–22). В центре кургана № 19 прослеживается прямоугольный ящик из вертикальных плит.

Центральная подовальная насыпь кургана № 24 имеет размеры 9 x 12 м, а стороны внешней подпрямоугольной ограды равны 13 и 16 м. Ограда не боковыми сторонами, а углами ориентирована по сторонам света (рис. 2.-4). К западному углу кургана примыкают две или три выкладки из камней. На камнях центральной насыпи кургана отмечены наскальные изображения в виде фигур стоящих горных козлов и оленей (рис. 2.-4-А-В). Изображения животных выбиты на разных плоскостях камней и обращены головами влево. Вероятно, рисунки относятся к разным хронологическим периодам. Не исключено, что фигурки оленей с высоко поднятыми вверх рогами, короткой мордой, небольшим ухом, вытянутым туловищем, с двумя прямыми ногами относятся к IX–VIII вв. до н. э. (рис. 2.-4-А). Рисунок козла с двумя высоко поднятыми вверх «древовидными» рогами, удлинённым туловом с подтянутым животом, с хорошо проработанными прямыми ногами, вероятно, датируется VIII–VII вв. до н. э. (рис. 2.-4-В). Небольшое по размерам изображение козла с довольно схематичным туловом, двумя ногами, с очень длинным рогом, расположенным вдоль спины, напоминает древнетюркскую тамгу (рис. 2.-4-А, низ).

В святилище Туру-Алты зафиксировано 29 стел, в большинстве случаев стоящих в подпрямоугольных оградках из небольших каменных плит (табл.). Число вертикальных стел внутри оградок в Туру-Алты варьирует от 1 до 4 (оградок с четырьмя стелами — 3 шт.; оградки с двумя стелами — 4 шт., оградки с одной стелой — 9 шт.). Большинство стел обломано в верхней части. Сохранившиеся стелы имели высоту 1,9–2,13 или 0,95 м, близкую к прямой или косой саженим или их половинам, т. е. размерам, использованным при разметке между объектами на этом и на других святилищах [Марсадалов, 2003, 2007].

«Акустические эффекты» на святилищах

В 1992 г. в урочище Туру-Алты на Юго-Восточном Алтае В. Д. Кубаревым, Э. Якобсоном, Т. Масумото [1993: 64] был отмечен «акустический» эффект. Во время работы СААЭ ГЭ в 1995 г. в урочище Семисарт на Центральном Алтае, на нижнем пункте наблюдений, расположенном на северном склоне горы, автор вдруг услышал голоса участников экспедиции, зарисовывающих объекты на вершине западной горы. Хотя по прямой между этими участками более 200 м, можно было легко переговариваться и подавать сигналы голосом. В Семисарте был зафиксирован близкий «акустический эффект», как и ранее в Туру-Алты. Урочища Семисарт и Туру-Алты объединяют не только близкие топографические условия (небольшие пространства с трёх сторон, кроме южной, окружённые горами), но и сакральные аспекты (наличие разнородных культовых объектов — курганов-храмов, выкладок, стел, разметочных камней, наскальных рисунков и т. д.).

Эти святилища функционировали в близкое время, но в разных районах Алтая. Если в Туру-Алты ранее не было точно установлено, для каких именно целей могли использоваться акустические возможности местности, то в Семисарте голосом или условными знаками «астронаблюдатели» могли предупреждать друг друга о моменте восхода или захода солнца в астрономически важные дни, когда, например, фиксация места первого или последнего солнечного луча над горизонтом решается в течение нескольких мгновений или секунд [Марсадолов, 2001]. Вероятно, и на святилище Туру-Алты звуковые команды могли использоваться для подобных целей, как во время ритуальных действий, так и при сложной предварительной планиграфической и астрономической разметки разных типов объектов. Большое количество разнообразных объектов в Туру-Алты и Семисарте позволяет судить о наличии близких систем, связанных с наблюдательными астропунктами и курганами.

С трёх сторон замкнутое пространство, окружённое горными склонами, являлось своеобразным «амфитеатром» для обрядовой и познавательной деятельности древних жрецов и кочевников Алтая, их соседей из близких и удалённых регионов.

Основные объекты на святилище Туру-Алты, Юго-Восточный Алтай The main objects at the sanctuary of Turu-Alta, South-Eastern Altai

Номер п/п, этап пути	Номер объекта на плане	Тип объекта	Размеры оградки СЮ-ЗВ	Кол-во стел	Максимальная высота стел/ы	Ориентировка	Функциональное назначение объекта	Сохранность
1	11	С — О*	3,6 × 1,15	4	0,95	20°	Ю-З Врата (Вход)	
2	12	С — О	1,4×0,8	1	0,95	25°		
3	24	КООН	18,5 × 20,5	-	-	-	Начало **Р — заход	
4	16	С	—	1	1,5		Линия — Р	Обломана
5	6	С — О	5 × 1,2	4	2	55°	Р — восход	Обломана
6	5	С — О	3,3×1	4	1,5	50°	Врата Р — восход	Рис.
7	4	С — О	1,5×1,4	1	1,5	30°		Целяя
8	7	С — О	1,5×1	1	1,3	68°	Линия — Р	Обломана
9	23	КН		-	-	-	Р — заход	
10	8	С — О	1,7×0,7	2	1,45	25°	Врата, Р — восход	Рис. 4: 2
11	3	выкла-дка						
12	9	С — О	1,4×1,2	1	1,55	30°	Р — заход	
13	10	С		2	2,13	60°	Р — заход	Обломаны
14	2	С — О	1×0,85	2	1,1	50°	Р — восход	Обломаны
15	1	С — О	2×1,5	2	1,9	8°	Остановка перед Алтарём	1 обломана
16	17	С	—	1	1,7			Обломана
17	Путь к Алтарной части скального выступа с рисунками оленей и охоты + обряды							

Оградки с 4-мя стелами — 3 шт.; оградки с 2-мя стелами — 4 шт., оградки с 1-й стелой — 9 шт.

Номер на плане	Тип объекта*	Размеры СЮ-ЗВ (в м)	Высота (в м)	Наличие каменного ящика	Особенности
18	КН	8 x 7	0,50	-	
19	ОН+КЯ	9 x 9	0,40	+	
20	ОН	10,5 x 9,7	0,70	-	
21	ОН	10 x 10	0,90	-	северный объект на СВ
22	ОН	8 x 7	0,60	-	
23	КН	6,2 x 6,5	0,20	-	
24	КООН (рис. 52: 4)	18,5 x 20,5	1,00	-	южный объект на ЮЗ, равноденствие — С-16-6
24А	КЯ	1,5 x 2,5	0,40	+	
25	ОН	11 x 11,5	0,70	-	
26	ОН	10 x 10	0,80	-	равноденствие — С-1
27	ОН	10 x 10	0,6	-	луна низкая, сев. — С-8
28	ОН	8,5 x 8,5	0,6	-	
29	КООН	16 x 15,5	1,2	-	северный объект на СЗ

Сокращения: * С — стела, О — оградка; КООН — с квадратной оградой и округлой насыпью в центре, КН — с квадратной насыпью, ОН — округлый, с насыпью из плоских камней или из валунов, КЯ — каменный ящик; ** Р — линия равноденствия солнца.

Планиграфия и метрология объектов

Большое число взаимосвязанных объектов в Туру-Алты позволяет судить о наличии общей планиграфической системы. Как и на реке Юстыд, в Туру-Алты обычно три-четыре объекта взаимосвязаны между собой по принципу равностороннего и равнобедренного треугольников, параллелограмма и трапеции. Размеры одной или двух разных сторон треугольника обычно служили основой для дальнейшей разметки (рис. 1.-2). В ходе исследований СААЭ ГЭ в Туру-Алты были выявлены нижеследующие примеры связей между объектами (рис. 1-5):

1. Большой курган округлой формы на склоне горы (символ Неба) + четыре вертикальные стелы в подпрямоугольной оградке у подножия горы + небольшой квадратный курган в долине (Земля). Возможно, стелы служили своеобразным связующим «звеном» между «высоким Небом», что соответствовало верхней части стелы, и «низкой Землей», ассоциируемой с нижней частью стелы, вкопанной в землю и окруженной подпрямоугольной оградкой.

2. Три взаимосвязанных между собой кургана (круглый + квадратный + круглый в квадратной оградке) и т. д.

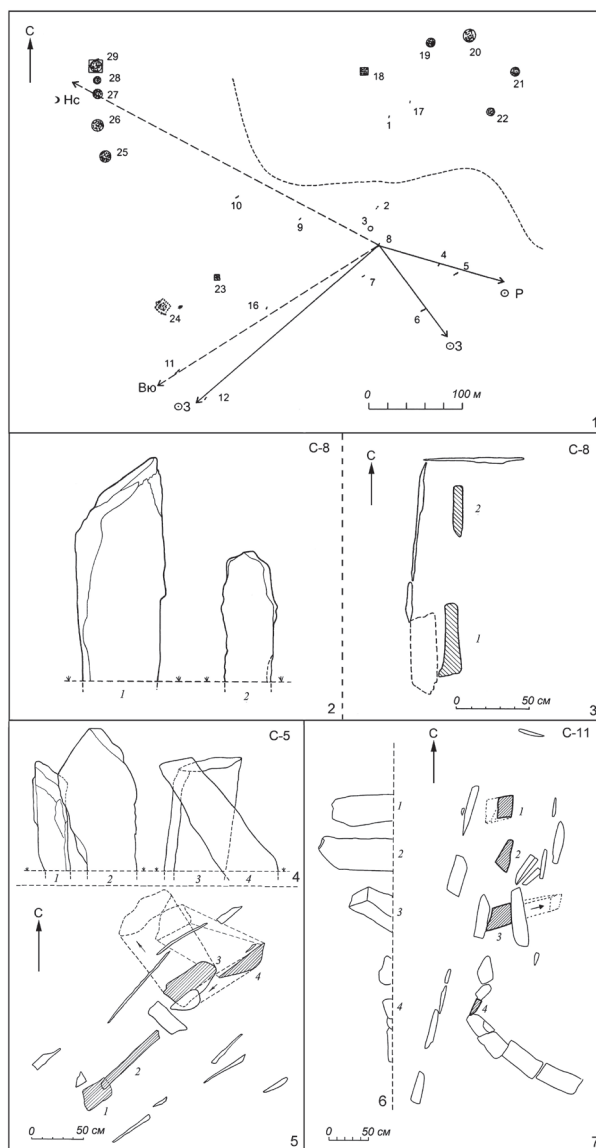

Рис. 3. Святилище Туру-Алты: 1 – план комплекса объектов с наложенными значимыми астрономическими направлениями от стелы № 8. Условные обозначения: P – восход солнца в дни равноденствий (через 4 стелы № 5); 3 – восход солнца в день зимнего солнцестояния (через стелу № 6); Hc – заход низкой северной луны (через курган № 27); Bю – заход высокой южной луны (через 4 стелы № 11); заход солнца в день зимнего солнцестояния (через стелу № 12)]; 2–3 – вид на две стелы № 8 (2) и план окружающей оградки (3); 4–5 – вид на 4 стелы № 5 (4) и план окружающей оградки (5); 6–7 – вид сбоку на 4 стелы № 11 (6) и план оградки с выкладкой «полулунной» формы (7). Следует отметить, что стелы № 11 и «полулунная» выкладка находятся на линии захода высокой южной луны (Bю)

Fig. 3. Turu-Altı sanctuary: 1 – plan of a complex of objects with superimposed significant astronomical directions from stele No. 8. Symbols: R – sunrise on the days of the equinoxes (through 4 steles No. 5); 3 – sunrise on the day of the winter solstice (through stele No. 6); Hs – the setting of the low northern moon (through mound No. 27); Vu – sunset of the high southern moon (through 4 steles No. 11); sunset on the day of the winter solstice (through stele No. 12)]; 2–3 – view of 2 stelae No. 8 (2) and plan of the surrounding enclosure (3); 4–5 – view of 4 steles No. 5 (4) and plan of the surrounding enclosure (5); 6–7 – side view of 4 stelae No. 11 (6) and the plan of the enclosure with the layout of the «half moon» shape (7); it should be noted that stelae No. 11 and the «half-moon» layout are on the line of setting of the high southern moon (Vu)

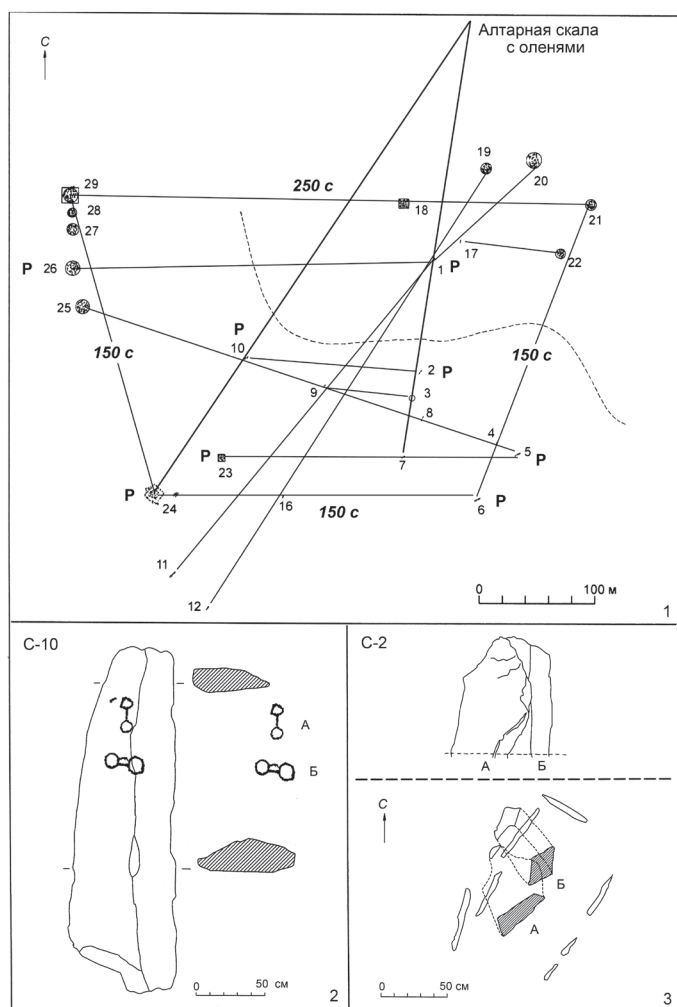

Рис. 4. Святилище Туру-Алты: 1 – план комплекса объектов с линиями, проходящими через ряд объектов и по линиям, ориентированным на «Алтарную» скалу с рисунками оленей (№ 7–3–2–1 – Алтарь, 24–10 – Алтарь, 5–19 – Алтарь), а также наложенными значимыми

астронаправлениями на восход и заход солнца в дни равноденствий – Р (через стелы: № 1–26, 2–10, 3–9, 5–7–23, 6–16–24 и др.); 2 – стела № 10 с выбитыми знаками (А и Б); 3 – вид на 2 стоящие стелы № 2 (А и Б) и план окружающей оградки

Fig. 4. Turu-Altay sanctuary: 1 – plan of a complex of objects with lines passing through a number of objects and along lines oriented to the «Altar» rock with drawings of deer (No. 7–3–2–1 – Altar, 24–10 – Altar, 5–19 – Altar), as well as superimposed significant astrodirections on sunrise and sunset on the days of the equinoxes – Р (through the stelae: Nos. 1–26, 2–10, 3–9, 5–7–23, 6–16–24, etc.); 2 – stela No. 10 with embossed signs (A and B); 3 – view of 2 standing stelae No. 2 (A and B) and plan of the surrounding enclosure

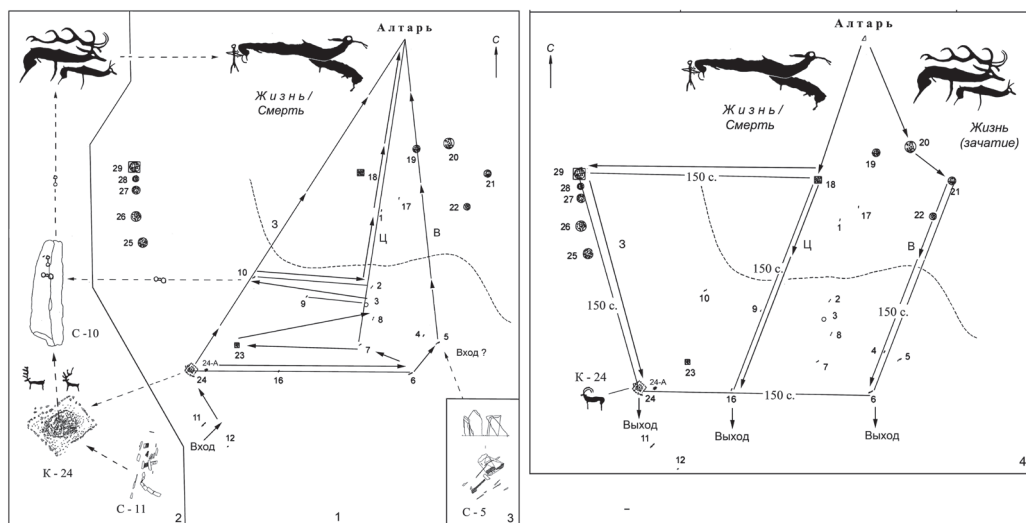

Рис. 5. Святылище Туру-Алты: 1 и 4 – планы-реконструкции путей входа (1) и выхода (4) при осмотре ритуального комплекса и «Алтарной» скалы с рисунками оленей по ориентированным линиям, проходящим через ряд объектов (Ц – центральный путь к Алтарю и обратно, В – восточный и З – западный пути); 2 – прорисовки объектов по линиям 11–24–10 – Алтарь; 3 – стелы объекта № 5. По материалам экспедиции Л. С. Марсадолова

Fig. 5. Sanctuary of Turu-Altay: 1 and 4 – plans-reconstruction of the entrance (1) and exit (4) when examining the ritual complex and the «Altar» rock with drawings of deer along oriented lines passing through a number of objects (C – the central path to the Altar and back, E – eastern and W – western paths); 2 – drawing objects along lines 11–24–10 – Altar; 3 – stelae of object No. 5. According to the materials of the expedition L. S. Marsadolov

При разметке расстояний между объектами использовался модуль, равный 1,8 м — одной прямой сажени. Выявлены нижеследующие числовые закономерности при разметке: 250–200–175–160–150–130–120–100–80–50–40–33–25–20–10 и менее саженей. Для больших расстояний чаще использовались размеры, кратные 100, 50 или 25 саженям, а для малых — от 5 до 20 саженей. Ряд объектов размечен под прямым углом, со сторо-

нами в 200 или 100 саженей. Многие объекты сооружены с использованием принципа равнобедренного треугольника со сторонами по 100, 130 и 150 саженей (рис. 1.-2 и 4.-1).

Например, по принципу трапеции построена фигура с одним основанием и двумя диагоналями по 250 саженей, а также с двумя боковыми сторонами и другим основанием по 150 саженей (рис. 1.-2 и 4.-1). В каждом из четырех углов трапеции находятся разные объекты: круглый курган № 21, круглый курган с квадратной оградой № 29, квадратный курган № 24 и стела № 6. На месте пересечения диагоналей была установлена стела № 9. Использование части «старых» и «новых» объектов позволяло получить дополнительные фигуры. Через стелу № 9 была проведена прямая, параллельная линии расположения № 6 и 21 (рис. 1.-2 и 5.-4). Таким образом, построен параллелограмм со сторонами 90 и 150 саженей (рис. 1.-2), а также получена малая трапеция, углы которой составляют старые и новые объекты (№ 16, 18, 24, 29).

Не менее 4–5 линий размещения стел, находящихся у подножия горы, «веерообразно» сходились в одной точке — у одной из самых больших стел № 1 на невысоком горном склоне (рис. 4–5). Центральная линия из стел указывала на вершину горы, где находился своеобразный «Алтарь» — большая гладкая вертикальная каменная плоскость с изображениями устремлённых в небо огромных оленей «раннескифского» облика (рис. 6) [Кубарев, 1979; Марсаолов, 2003, 2007; Мартынов и др., 2019].

Каменные стелы и астрономия на святилище Туру-Алты

Точки восходов и заходов солнца и луны в астрономически значимые дни на этом святилище неоднократно фиксировались в древности, что нашло своё отражение в сложной системе разметки объектов (рис. 1–5). Из центра ряда объектов были зарисованы круговые панорамы для последующих палеоастрономических расчетов, детально фиксировались каменные выкладки, стелы и петроглифы [Марсаолов, 2003, 2007].

В Туру-Алты, как и на Юстыде, наиболее значимыми астрономическими направлениями были точки восходов и заходов солнца в дни равноденствий и солнцестояний (рис. 2–4). Из предварительных выводов следует отметить, что если от расположенной выше остальных каменной стелы № 1 прослеживаются два направления на заход и одно направление на восход солнца, то от стелы № 8, наоборот, наибольшее число основных направлений связано с восходом солнца, а не с его заходом (рис. 2.-1 и 3.-1). В дни, близкие к весеннему и осеннему равноденствию, при наблюдении от стелы № 1 солнце всходило и заходило в точки схода высоких северных склонов горы и низких далёких отрогов южных гор, что свидетельствует о специальном выборе места для стелы № 1 на горном склоне.

Интересно отметить, что совсем иная картина прослеживается от стелы № 8 (рис. 3.-1), расположенной в центре урочища, значительно ниже стелы № 1. При наблюдении от стелы № 8 в дни равноденствия солнце всходило над вершиной ближайшей восточной горы, а заходило за далёкими небольшими горами на западе, в точке схождения нескольких горных склонов. Точка восхода солнца в дни летнего солнцестояния, наблюдаемая от стелы № 1, близка к точке восхода солнца в дни равноденствия от стелы № 8, а точка захода солнца в дни летнего солнцестояния от стелы № 8 близка к точке захода солнца в дни равноденствия от стелы № 1, что также свидетельствует о специальном выборе места и для стелы № 8.

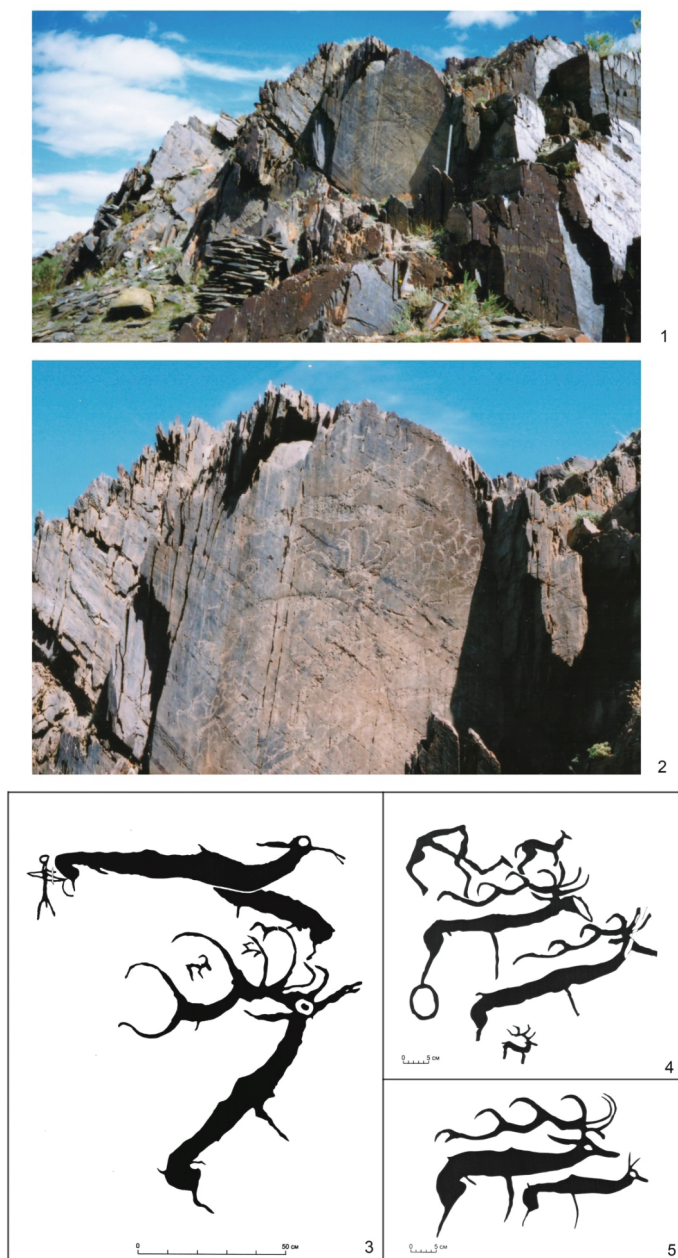

Рис. 6. Туру-Алты: 1–2 – фотографии «Алтарной» скалы на вершине горы;
3–5 – прорисовки наскальных изображений на «Алтарной» скале.

По материалам экспедиции Л. С. Марсадолова

Fig. 6. Turu-Alty: 1–2 – photographs of the «Altar» rock on the top of the mountain;
3–5 – drawings of petroglyphs on the «Altar» rock. According to the materials of the expedition
L. S. Marsadolov

Линия от каменной стелы № 1, уходящая вниз по склону горы между стелами № 11 и 12, указывает на заход низкой южной луны (рис. 2.-1). Линия от стелы № 8, проходящая через стелу № 11, расположенную на относительно ровном горном склоне, наоборот, указывает на заход высокой южной луны (рис. 3.-1). Вероятно, не случайно на центральных камнях «Б и В» кургана № 24 выбиты изображения козлов (рис. 2.-4).

При наблюдении от стелы № 1 уходящая вниз на юго-запад линия через курган № 24 (рис. 2.-1) связана с заходом солнца в день зимнего солнцестояния и, соответственно, с созвездием Козерога. Такая же планиграфическая закономерность при расположении образа козла/Козерога на юго-западной стороне прослежена как на усть-бухтарминском зеркале на Западном Алтае [Марсаолов, 1999], так и на келермесском зеркале на Кубани.

На астролинии, соответствующей дням весеннего и осеннего равноденствия солнца, проходящей через стелы № 6–16 и курган № 24, на камне «А» выбиты изображения двух оленей (рис. 2.-4-А). Вероятно, появление небольших оленей на этом камне не случайно, так как линия от кургана № 24, через стелу № 10 (со знаками равноденствия восток — запад и направлением север — юг) указывает на «Алтарную» скалу с крупными рисунками оленей (рис. 5.-1-2). Особо стоит выделить значимые астронаправления по линиям восхода и захода солнца в дни равноденствий (Р) — через стелы № 1–26, 2–10, 3–9, 5–7–23, 6–16–24 и др. (рис. 4.-1).

Длинные стороны каменных оградок и скос на верхней части стел указывали на дальнейшее направление сакрального пути — к Алтарю на вершине горы (рис. 2-4).

Направление сакральных путей в Туру-Алты

«Вход» для участников обрядов от подножья горы до «Алтаря» с оленями на вершине на святилище Туру-Алты мог осуществляться по 4-м основным путям, образующим устремлённый вверх, к Небу «треугольник» (рис. 4.-1 и 5.-1): 1) *центральным* (Ц-1) — через объекты № 12–16–1 — «Алтарь» или 2) *центральным, «зигзагообразным»* (Ц-2) — через объекты № 7–23–8–3–10–2–1 — «Алтарь», а также двумя дополнительными направлениями: 3) *восточным* (В), на восход солнца — через № 5–19 — «Алтарь» или 4) *западным* длинным путём (З), на заход солнца — через № 11–24–10 — «Алтарь». При этом центральный «зигзагообразный» путь был самым насыщенным разными по виду объектами.

В связи с ограниченной площадкой на вершине горы (размерами 8 x 19 м) и постоянно прибывающими новыми участниками во время обрядовых действий, «выход» вниз от «Алтаря», вероятно, мог проводиться тремя другими основными путями (рис. 5.-4): *центральным* (Ц), коротким — через объекты № № 18–9–16, а также двумя дополнительными направлениями по горным склонам, вдоль курганов-керексуров: *восточным* (В) — через № 20–21–22–4–6 или *западным* длинным путём (З) — через № 18–29–28–27–26–25–24. Основные пути к «выходу» на склоне горы образуют фигуру в виде большой «трапеции» (рис. 5.-4), со сторонами по 150 сажень = ок. 270 м (1 с. = 1, 8 м).

Следует отметить, что для организованного осмотра этого святилища из находящихся там разных типов объектов были «созданы специальные направляющие линии», ориентированные, как для «входа» и подъема вверх к «Алтарной» скальной площадке, так и для «выхода»/спуска от «Алтаря» вниз с горы (рис. 5), чтобы не было пе-

ресекающихся потоков и были места сбора и проведения обрядов при большом числе участников.

Нашли своё объяснение и два знака в виде двух кругов, соединенных посередине одной или двумя линиями на стеле № 10 (рис. 4.-2) [Марсадалов, 2007: рис. 65]. Верхний вертикально расположенный знак с одной линией указывал на направление север — юг, на вершину горы с оленями, а нижний знак с 2-мя горизонтальными линиями — на направление восток — запад, между стелами 10 и 2, по линии весеннего и осеннего равноденствия солнца (рис. 5.-2).

Близкие по форме и семантическому значению знаки известны на Вратах в Салбыке, на плитах Большого Салбыкского кургана (БСК) в Хакасии и в Семисарте на Алтае. В БСК точка захода солнца в дни равноденствий на стеле № 46 западной стены ограды была помечена выбитым специальным знаком ==, близким к современному знаку «равно» [Марсадалов, 2021]. У этого знака верхняя линия длиннее нижней, что, вероятно, также не случайно, ибо верхняя черта могла свидетельствовать о том, что солнце будет подниматься вверх к северу, будет расти продолжительность дня, а короткая нижняя линия — солнце будет опускаться всё ниже к югу, а продолжительность дня будет уменьшаться.

Две вертикальные плиты Врат в Салбыкской долине напоминают на местности и на плане не только камни входа БСК, но и знак «равно» состоящий из двух линий (==), высеченный на стеле № 46 западной стены ограды БСК, находящейся в точке захода солнца в дни равноденствия, а также положение и ориентацию двух человек около дромоса-входа в погребальную камеру кургана. Близкий вариант обозначения линии равноденствия отмечен ранее и в кургане № 4 в Семисарте — одна большая лунка в точке восхода солнца и две малые лунки в месте захода солнца [Марсадалов, 2001]. Не исключено, что такие объекты, как Салбыкские Врата, использовались в древности не только как чётко обозначенное место для инструментальных астрономических наблюдений, но также для встречи восхода Солнца и Нового года в день весеннего равноденствия.

Сложность расположения различных пунктов на святилище Туру-Алты на Юго-Восточном Алтае свидетельствует о большой сумме планиграфических, метрологических и астрономических знаний, вложенных в разметку и сооружение разных типов объектов.

Алтарный комплекс на вершине горы

Центральная линия из стел была ориентирована на вершину горы (рис. 5.-1), где находился своеобразный «Алтарь» — большая гладкая вертикальная каменная скальная плита с изображениями устремленных в небо огромных оленей раннескифского облика [Кубарев, 1979: 31–33, 109–113; Марсадалов, 2007]. На этой плите, размером 2 x 2 м, выбито около 100 изображений, в основном копытных животных — оленей, козлов, коней, верблюдов, а также лучников со стрелами (см. рис. 6).

Центральным образом на скальном выступе является крупное изображение оленя с большими ветвистыми рогами, вытянутой вперед тонкой мордой, длинным ухом, остроугольной холкой, длинным туловищем с подтянутым животом, двумя тонкими ногами (рис. 6.-3). Выше него в близкой стилистической манере выбита фигура оленя

без рогов, с короткими ногами. Вокруг них изображено еще около десяти оленей, значительно меньших по размерам, близких по стилю к «оленным» камням Центральной Азии IX–VIII вв. до н. э. На этой плите много рисунков, относящихся и к другим хронологическим периодам.

Размер изобразительного образа, вероятно, задавался заранее. Так, например, длина каждого из трех самых больших оленей на этой каменной плоскости, от кончика носа до хвоста, равна 90 см, или половине одной прямой сажени в 180 см (рис. 6.-3). Такой размер служил своеобразным модулем для разметки не только маленьких, но и крупных объектов, в том числе курганов, стел, а также расстояний между ними (рис. 1.-2 и 4.-1).

Вероятно, эта скала с изображениями оленей на южной грани камня, с обращенными на восток головами, на восход солнца, расположенная в самой высокой точке урочища Туру-Алты, являлась центром ритуального комплекса. Каменные стелы, установленные далеко от подножия горы, постепенно из нижней точки подводили участников ритуалов к высшей точке с изображениями животных на вершине горы. Рядом с «Алтарной» скалой на вершине горы находятся этнографические и современные выкладки, вертикальные накладки из плиток и обо (рис. 6.-1).

Образ оленя в древности часто ассоциировался с Солнцем, поэтому нахождение самых больших фигур оленей в верхней части горы Туру-Алты, на южной плоскости Алтая, позволяет предполагать связь этого святилища с Небом и Солнцем. Следует отметить, что ежедневно полуденное солнце достигает своей высшей точки в южной части небосвода, птицы прилетают с юга, и этот аспект также подчеркнут образами устремленных вверх крупных оленей, с вытянутой вперед передней частью головы, напоминающей клюв птицы.

Рядом с «алтарной» плитой имеются другие камни меньших размеров, на одном из которых выбит крупный рисунок стоящего копытного животного без рогов, а также одновременные сцены охоты на оленей — всадника и лучника с собакой (рис. 7.-1–3).

Культовые объекты, близкие по семантике к Туру-Алты

В 1997 г. Саяно-Алтайской экспедицией Гос. Эрмитажа на Западном Алтае около поселка Майемер (ранее называвшимся Майэмир и давшим название археологической культуре), на местонахождении Майемер-2 были изучены новые петроглифы. Наскальные рисунки встречаются у подножья горы и затем с небольшими интервалами отмечены до вершины горы. У подножия южного склона горы, на небольшом скальном выходе, выбиты два изображения животных с загнутыми вперед рогами.

На высоте около 100 м от подножия горы на небольшом камне изображен олень с подквадратным туловом и высоко поднятым вверх «древовидным» рогом с 8 *отростками* [Марсадолов, Самашев, 2000: рис. 33: 3]. Недалеко от него находятся еще два рисунка — козла и оленя, с головами, обращенными в разные стороны (рис. 8.-4). Оба эти рисунка выполнены в раннескифском стиле — с выделенными холкой и копытцами на ногах. Олень имеет высоко поднятый вверх рог, с отходящими вправо и влево 9 *отростками*.

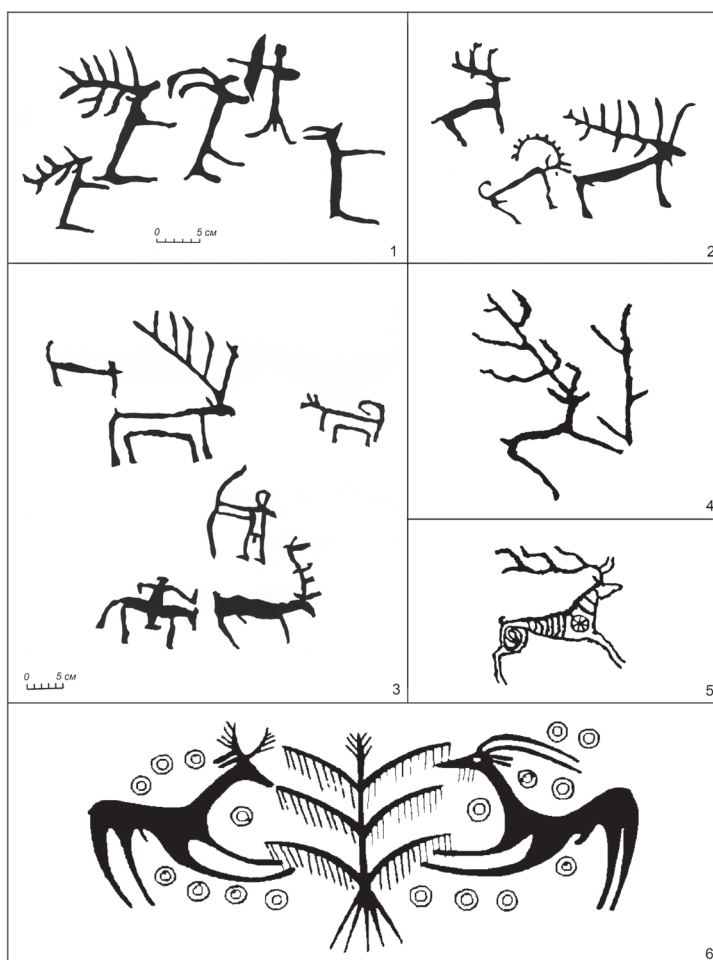

Рис. 7. Прорисовки композиций и отдельных изображений с образами оленей, козлов, сцен охоты, копытных животных с «древовидными рогами», стоящий у «древа» и их аналогии из разных регионов Евразии: 1–3 – Туру-Алты, Юго-Западный Алтай (петроглифы на «алтарной плоскости» на вершине горы и рядом с ними); 4 – Туру-Алты-2 (Барбургазы, петроглиф); 5 – Оглахты, Хакасия (петроглиф); 6 – Гордион, Турция (рисунок на сосуде).

По материалам экспедиций Л. С. Марсадолова (1–4) и О. С. Советовой (5)

Fig. 7. Drawings of compositions and individual images with images of deer, goats, hunting scenes, ungulates with «tree-like horns», standing at the «tree» and their analogies from different regions of Eurasia: 1–3 – Turu-Alty, South-West Altai (petroglyphs on the «altar plane» on the top of the mountain and next to them); 4 – Turu-Alty-2 (Barburgazy, petroglyph); 5 – Oglakhty, Khakassia (petroglyph); 6 – Gordion, Turkey (drawing on the vessel). Based on the materials of the expeditions of L. S. Marsadolov (1–4) and O. S. Soviet (5)

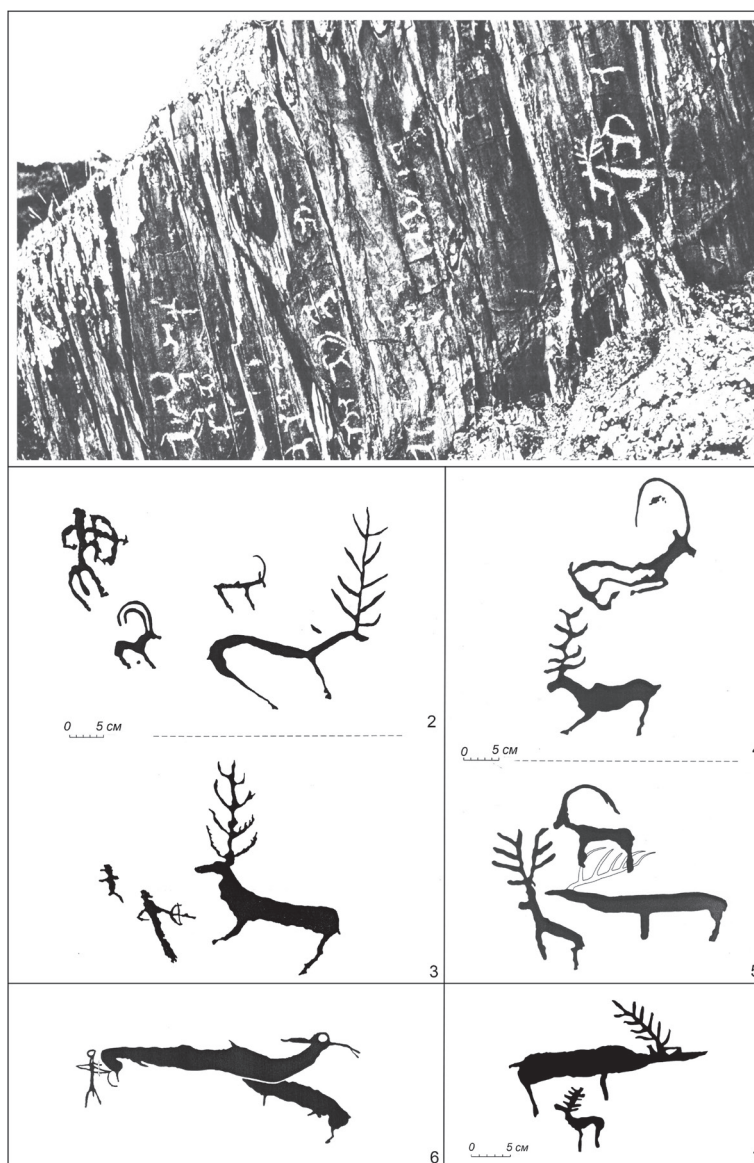

Рис. 8. Наскальные рисунки из местонахождений Майэмер-2/Майэмир, Западный Алтай (1–5; 1 – скальная плоскость с петроглифами) и Туру-Алты, Ю-В Алтай (6–7); 2–3, 6 – сцены охоты на оленя и козла; 2–5, 7 – олени с «древовидными» рогами.

По материалам экспедиций Л. С. Марсадолова

Fig. 8. Rock paintings from Mayemer-2/Maiemir, Western Altai (1–5; 1 – rocky plane with petroglyphs) and Turu-Alty, SE Altai (6–7); 2–3, 6 – scenes of deer and goat hunting; 2–5, 7 – deer with «tree-like» horns. Based on the materials of the expeditions of L. S. Marsadolov

На расположенном выше скальном выходе изображён олень с высоким «древовидным» рогом, с 10 отходящими отростками, тонкими длинными шеей и туловом, тонкими ногами с выделенными копытцами (рис. 8.-2). Немного выше этого оленя выбито маленькое схематичное изображение козла. На соседней плоскости этого же скального выхода изображён стоящий человек, держащий в руках натянутый лук со стрелой (рис. 8.-2). Такое же изображение лучника, стреляющего в оленя с красивым «древовидным» рогом, с 9 отростками (рис. 8.-3), но более крупное по размерам и тщательно выбитое, было найдено и на соседней горе. Следует отметить, что по мере подъёма на гору у выбитых оленей постепенно увеличивается число отростков на рогах — от 8 до 10.

Наскальные изображения животных на склоне горы последовательно от одного к другому подводят к главному культовому месту на северном склоне вершины горы — к центральной части скалы с «большой композицией» из нескольких десятков разновременных рисунков (рис. 8.-1). Вероятно, большие размеры гладкой скальной плоскости и удобный путь подхода к ней способствовали выбору места для нанесения изображений. Длина скальной плоскости с рисунками — 3,7 м, а высота — также 3,7 м = 2 x 2 прямых сажень/кулаша по 1,85 м. В наиболее высокой части плоскости выбито изображение оленя с длинным туловом, вытянутой почти прямой шеей, заостренной мордой, толстыми короткими ногами (рис. 8.-5).

К голове оленя присоединены рога с 5 длинными *отростками*, выполненные в другой технике — тонкой процарапанной контурной линией. Это один из самых больших по размерам и самых ранних по времени рисунков на скале. Рядом с ним в другом стиле изображены стоящие олень с «древовидными» рогами с 9 *отростками* и горный козел с длинным рогом (рис. 8.-5). Эта композиция стилистически близка к петроглифам из Туру-Алты, особенно рисунки оленей с длинным массивным туловом и двумя короткими ногами (рис. 8.-7). Наличие близких по стилю изображений оленей и сцен охоты, вероятно, свидетельствует о культурных контактах двух удалённых районов Западного и Юго-Восточного Алтая или о передвижении артели мастеров по камню. Рассмотренные нами рисунки животных на петроглифах из Майэмира и Туру-Алты выбивались в разное время, разными мастерами, в разных стилистических манерах, но всё же хронологически и семантически они близки между собой, и дата большинства из них не выходит за пределы первой половины I тыс. до н. э.

Образы оленя с «древовидным» рогом или оленя, стоящего перед «древом», были широко распространены на территории Евразии в X–VII вв. до н. э. При приближении к святилищу Туру-Алты на скальных выходах с восточной стороны, на расстоянии до 0,5 км, расположено несколько групп петроглифов, в основном выбитых в раннескифское время [Кубарев, Якобсон, Масумото, 1993; Марсадалов, 2007], а также довольно редко встречаемое изображение стоящего у дерева оленя с «древовидным» рогом (рис. 7.-4). Композиция на сосуде из Гордиона в Анатолии (Турция) (см. рис. 7.-6), с изображением оленя и козла, стоящих перед «древом», и солярными символами вокруг животных («круг с точкой»), помогает осознать сложность отдельных образов. Вероятно, козёл связан с зимним периодом, а олень с «древовидным» рогом — с весенним и летним, что также подтверждается при анализе круговой композиции на бронзовом зеркале из Бухтармы [Марсадалов, 1999]. Как и в Туру-Алты, голова оленя на сосуде

из Гордина направлена на восток (рис. 6.-3-5 и 7.-4, 6). Образы оленя и других животных с солярными знаками на тулове (рис. 7.-5) [Советова, 2005], также имели широкие границы бытования на евразийском пространстве [Техов, 2001].

Сакральные образы «Пути-Дороги» у древних кочевников

В эпоху поздней бронзы и в раннескифское время на территории Центральной Азии в наскальном творчестве были широко распространены сюжеты, отражающие образ «Пути/Дороги» [Волков, 1967; Окладников, Ларичев, 1967; Окладников, Запорожская, 1970; Новгородова, 1989: 250–253; Дэвлет, 2000: 76–83; Марсадалов, 2000, 2001]. Большинство изображений, вероятно, относятся не к бытовым сценам, а имеют сакральный характер (рис. 9).

На святилище в Семисарте на Алтае, в кургане № 1 (вторая половина VIII — первая половина VII в. до н. э.), погребённый человек был ориентирован «лицом» в зазор между двумя плитами ящика — на «путь», выложенный крупными плитами (рис. 9.-2) и далее — на вершину остроконечной горы на севере, у подножья которой находились два стационарных пункта для астрономических наблюдений, а ещё выше — «алтарь» с рисунками животных, в том числе и оленя [Марсадалов, 2001].

Этот «Путь» погребённого человека и коня, незаменимого спутника кочевников в повседневной, сакральной и загробной жизни, идущий от кургана № 1 к горе с «алтарём» и стационарными пунктами для астрономических наблюдений, ориентирован с юга на север, в область незаходящих звёзд — в Вечность. Под двумя плитами этой дорожки, в 6,8 м от центра кургана № 1, были расчищены остатки кострища (зольное пятно — 0,4 x 0,6 м, толщиной до 0,15 м), а в 16 м к западу от центра кургана № 1 находится «цепочка» из трёх обломанных вертикальных плит-стел, ориентированных на ту же самую вершину остроконечной горы на севере.

При исследовании курганов и культовых мест в Семисарте были найдены многочисленные костные остатки домашних животных — коней, крупного рогатого скота (коров, яков), овец, коз, собак, а также диких копытных животных — благородного оленя, косули, сибирского козерога, сайги, кабана и хищников — медведя, лисицы-корсака и др. Близкий видовой состав животных отмечен и на петроглифах с образом «Дороги» (рис. 9).

В Семисарте материализована зафиксированная в петроглифах идея сакрального «Пути» с одинаковым набором компонентов — человек + конь + оградка (или ящик, заполненный камнями) + разные животные и т. д. Эта сакральная идея и традиция нашли продолжение в пазырыкской культуре Алтая, где в одной погребальной яме были захоронены человек в южной стороне и конь в северной части.

В изобразительных сценах с образом «Пути» следует выделять три крупных блока, соответствующих «жизни», «смерти» и «жизни после смерти», которые нашли отражение в изображениях выше или ниже «Пути». Человек, конь, колесница с конями, собака, оградка, птица, путь/дорога, солярные и лунарные символы являются основными элементами общей композиционной системы на петроглифах с «путями» (рис. 9).

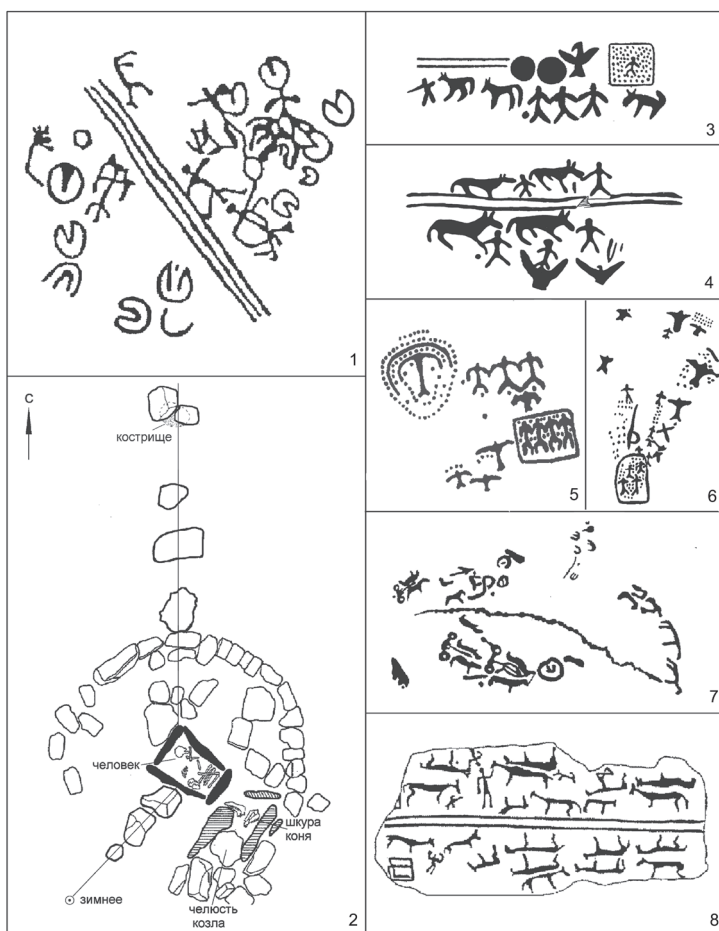

Рис. 9. Образы сакрального «Пути» на археологических памятниках Центральной Азии: 1 – курган № 1 и дорожка из крупных каменных плит по линии С-Ю в Семисарте, Центральный Алтай; 2 – каменный ящик-очаг и «дорожки» С-Ю и З-В на культовом месте в Семисарте. Петроглифы из разных регионов: 3 – Дуд-хулган, Монголия; 4 – Гачуурт, Монголия; 5 – долина реки Тэс, Монголия; 6 – Внутренняя Монголия; 7 – надгробная плита из Шивертын-ам. По материалам Л. С. Марсадолова (1, 2), Э. А. Новгородовой (3, 7), В. В. Волкова (4), А. П. Окладникова (5) и Гай Шаньлина (6)

Fig. 9. Images of the sacred "Way" on the archaeological sites of Central Asia: 1 – mound No. 1 and a path of large stone slabs along the N-S line in Semisart, Central Altai; 2 – a stone hearth box and «paths' N-S and W-E at a cult site in Semisart. Petroglyphs from different regions: 3 – Dud-khulgan, Mongolia; 4 – Gachuurt, Mongolia; 5 – Tes river valley, Mongolia; 6 – Inner Mongolia; 7 – tombstone from Shivertyn-am. Based on the materials of L. S. Marsadolov (1, 2), E. A. Novgorodova (3, 7), V. V. Volkova (4), A. P. Okladnikova (5) and Guy Shanlina (6)

Частичные «модели жизни и смерти» древних кочевников изображены на ряде композиций петроглифов из Монголии. В верхней части одной из таких сцен находятся рисунки пути, большого и малого кругов-дисков (солнца и луны?), рядом птица с поднятыми вверх крыльями и «оградка» с человеком в центре (рис. 9.-3). Ниже дороги изображён человек, ведущий двух коней, три стоящие человеческие фигуры и собака [Новгородова, 1989: 250–253]. На другой композиции в верхней и нижней частях, разделённых дорогой, один человек ведет за собой жеребца, а другой — кобылу (рис. 9.-4) [Волков, 1967: 144, рис. 11].

На петроглифах из Внутренней Монголии в сюжете с «дорогой» наряду с постоянными образами человека и коня часто встречаются знаки в виде копыта животного (рис. 9.-6). Здесь часть коня как бы заменяет целый образ, но не исключено, что это только внешняя видимость, а глубинная сущность этого явления гораздо сложнее [Окладников, Ларичев, 1967: 179–198; Дэвлет, 2000: 78–79]. На ряде петроглифов ниже «дороги» показана птица, на крыльях которой стоит человек. Около или внутри подпрямоугольных, подквадратных и овальных оградок часто изображали фигуры людей, взявшихся за руки (рис. 9.-5).

В 1988 г. в Монголии, в местности Дэлийн уул, В. В. Волков раскопал оградку размерами 3 x 4,5 м, сооружённую из каменных плит, с высокими угловыми камнями (рис. 10.-1). Могила была ограблена, но на дне были найдены мелкие кости человека, а около восточной стенки — череп лошади. В 10 м к востоку от этой могилы была обнаружена «сторожевая стела» или схематично оформленный «оленный» камень длиной 1,1 м, самый южный в Монголии [Волков, 2002: 101–102, табл. 125]. В верхней части на узкой грани этой стелы выбита серьга, ниже — пояс, а на широкой грани, на уровне пояса — большая фигура в виде треугольника (рис. 10.-11), обращенного вершиной вниз, к земле, что в целом, вероятно, указывает на погребальную функцию находящейся рядом плиточной оградки (рис. 10.-1).

К сожалению, В. В. Волков [2002] в тексте и на таблице не указал направление для ориентации стен оградки, но обычно археологи, согласно принятым у них правилам, стараются свои объекты на планах ориентировать на север. Число вертикальных плит у этой оградки разное: 2 на западе, 3 на восточной, 6 на юге и 7 на севере. На крайней восточной плите изображён стоящий олень с большими ветвистыми рогами, вероятно, связанный с востоком — восходом Солнца, Возрождением к Жизни (рис. 10.-5).

На соседней плите выбиты две более крупные по размерам безрогие самки оленей (?) и четыре птицы, имеющие разные размеры, — две больших и две мелких. Это птицы с крупным туловом, длинной шеей и короткими ногами, напоминающими лебедей. Пары птиц разделяет линия, к которой с одной стороны прикреплены пять «зародышей или яиц?». На оборотной внутренней стороне этой плиты с двумя оленухами расположена самая большая и сложная по числу образов композиция рисунков (рис. 10.-4 и 12). Вероятно, на этих рисунках последовательно изображен ряд сцен — смерть человека и горе по этому поводу (рис. 10.-18), прощание с умершим (рис. 10.-17), его проводы/поминки (рис. 10.-16); сложный переход/трансформация (рис. 10.-15), встреча в ином мире (рис. 10.-14) и «жизнь после смерти» (рис. 10.-13).

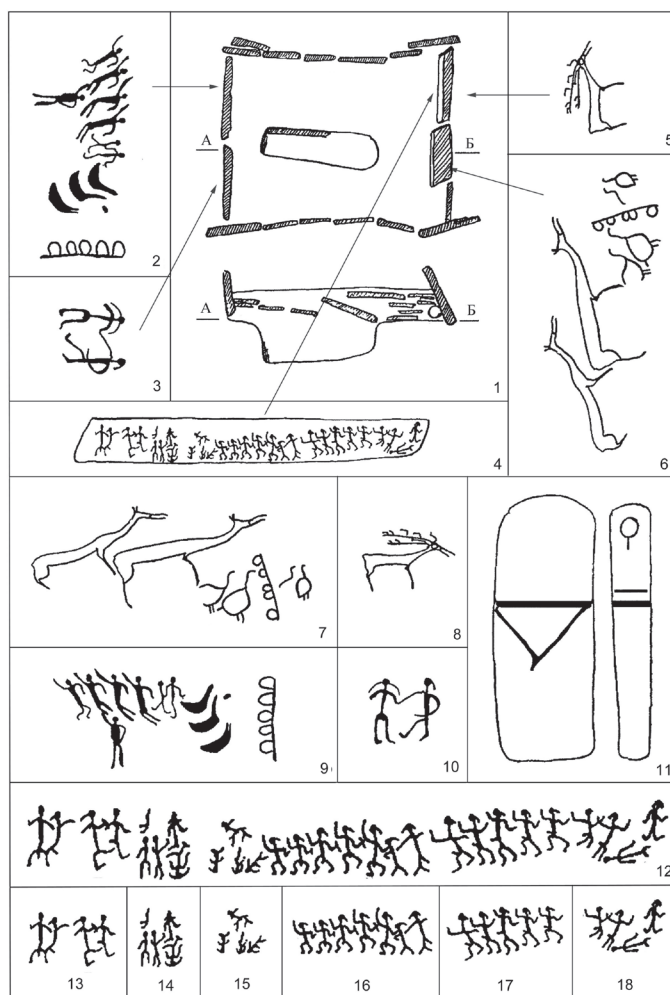

Рис. 10. Монголия, Среднегобийский аймаг, местность Дэлийн уул: 1 – план и разрез плиточной могилы; 2–10, 12 – рисунки, выбитые на стенках плит; 11 – «оленный» камень, найденный в 10 м к востоку от этой могилы; 13–18 – семантика сцен (фрагменты общей композиции): 18 – смерть человека (горе); 17 – прощание; 16 – проводы/поминки; 15 – переход/ трансформации; 14 – встреча в ином мире; 13 – «жизнь после смерти».

По материалам В. В. Волкова (1–11), составлено Л. С. Марсадоловым (12–18)
 Fig. 10. Mongolia, Middle Gobi aimag, Deliin uul area: 1 – plan and section of a slab grave; 2–10, 12 – drawings embossed on the walls of the plates; 11 – «deer» stone, found 10 m east of this grave; 13–18 – semantics of scenes (fragments of the general composition): 18 – death of a person (grief); 17 – farewell; 16 – seeing off / commemoration; 15 – transition / transformations; 14 – meeting in another world; 13 – «life after death.» Based on the materials of V. V. Volkov (1–11), compiled by L. S. Marsadolov (12–18)

На внешних сторонах плит западной (?) стенки оградки были выбиты петроглифы со сценами-продолжениями разных моментов процесса перехода «души от иной жизни к новому рождению» (?) (рис. 10.-2–10). Вероятно, сцены были расположены в последовательности с севера на юг, из небесной Вечности и холода на севере к земной жизни на тёплом юге. От радостного обитания и «полёта душ» на севере, через «одноногого проводника душ умерших», через трех птиц (уток или лебедей?) и «кладку из пяти яиц-зародышей» до держащихся за руки женщины с косами и мужчины на юго-западе (рис. 10. 9–10).

Изобразительные сцены на петроглифах (конец II — начало I тыс. до н. э.) и стенках плиточной могилы из Дэлийн уул (VIII–VII вв. до н. э.) в Монголии близки не только между собой, но и находят материальное продолжение в погребальных и поминальных памятниках VIII–V вв. до н. э. на Алтае. Образ оленя учёные часто связывают с символом Солнца, постоянного возрождения на востоке. Изображения оленей действительно расположены на восточной стороне в ряде важных объектов: на каменной оградке из Монголии (рис. 10.-5); на плитах восточного входа в курган Барсучий лог в Хакасии, где на северной стенке образ оленя передан с подогнутыми ногами, а на южной стенке олень выбит с прямыми ногами [Ковалева, 2013: 97–98]; в кургане Пазырык-1 на Алтае самый лучший конь № 10 в маске оленя находился в северной половине ямы и был ориентирован головой на восток [Грязнов, 1950: рис. 3 и 16] и т. д.

Известно, что в одной кладке лебеди в среднем откладывают пять яиц и по очереди их насиживают в течение 40 дней. Поэтому образ лебедя можно связать как с Новой Жизнью, так и с погребальным обрядом и поминками на 40-й день, когда душа погребённого уходит на небо, а затем с новым возрождением к жизни через «яйца птиц» (Дэлийн уул в Монголии) или «семени человека» (Большой Салбыкский курган в Хакасии и Пазырыке на Алтае).

Символ-образ лебедя объединяет три природные стихии — Небо (воздух), Воду и Землю, поэтому лебедь является сакральной птицей Жизни и Смерти. В мифологии разных народов мира яйцо Белого Лебедя из хаоса рождает новую Вселенную и Жизнь. Черный Лебедь борется с Белым и олицетворяет Землю, Воду, Смерть, странствие Души в иных мирах. Вероятно, не случайно на восточной стенке плиточной могилы из Дэлийн уула контуром, что могло ассоциироваться с «белым цветом» и Жизнью, выбиты небольшие фигурки двух птенцов, пяти «яиц и две крупные фигуры лебедей (рис. 10.-6–7), а на западной стенке, ассоциируемой со смертью, полётом души, сплошной выбивкой («черным цветом») показаны три фигурки птиц с длинной шеей (рис. 10.-2, 9).

Лебеди из войлока, с белым туловом, черным клювом и черными кончиками перьев крыльев, найденные в погребальной камере кургана Пазырык-5 на Алтае [Руденко, 1953], также символизируют процесс перехода от Жизни к Смерти и к Новому Возрождению.

Идея «Пути», широко распространённая на территории Евразии в первой половине I тыс. до н. э., к середине этого тысячелетия в Китае оформилась в глубокое философско-религиозное учение о Дао — Пути, которое учит о космических истоках Дао: «Человек зависит от Земли, Земля — от Неба, Небо — от Дао, а Дао — от себя самого».

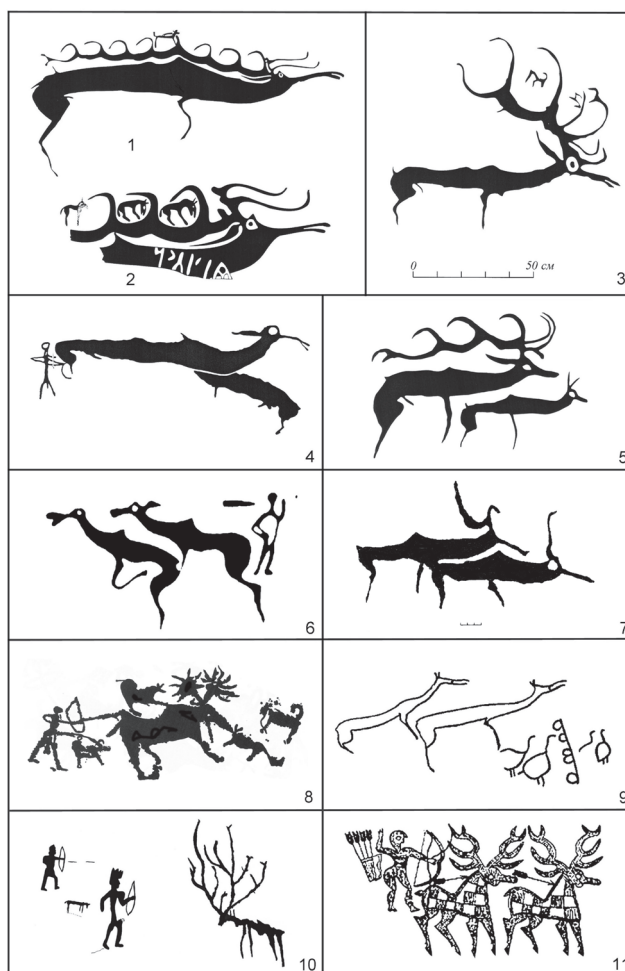

Рис. 11. Стилистически и семантически близкие изобразительные образы из разных регионов Евразии (частично отражающие «следы» передвижения артелей мастеров): 1–3 – изображение оленей со «вписанными» в их рога малыыми фигурками животных (1 – Монголия, Шивээт-Хайран; 2 – Тува, Самагалтай; 3 – Алтай, Туру-Алты); 4, 6; 8–11 – изображения оленей и сцен охоты на оленя (4–5 – Туру-Алты, Юго-Восточный Алтай; 6 – Монголия, «оленный» камень; 7 – Майемер, Юго-Западный Алтай; 8 – Бага-Ойгур V, Монгольский Алтай, 9 – Дэлийн уул, Монголия, каменная оградка; 10 – Семисарт, Алтай; 11 – Тлийский могильник, погр. 350 (Закавказье). По материалам В. Д. Кубарева (1, 8), Л. С. Марсадолова (2–5, 10); В. В. Волкова (6, 9); З. С. Самашева (7); Б. В. Техова (11), составлено Л. С. Марсадоловым

Fig. 11. Stylistically and semantically similar pictorial images from different regions of Eurasia (partially reflecting the «traces» of the movement of artels of masters): 1–3 – the image of deer with small figures of animals «inscribed» in their horns (1 – Mongolia, Shiveet-Khairan; 2 – Tuva, Samagaltai; 3 – Altai, Turu-Alty); 4, 6; 8–11 – images of deer and deer hunting scenes

(4–5 – *Turu-Altai, southeast Altai*; 6 – *Mongolia, «deer» stone*; 7 – *Mayemer, southwest Altai*; 8 – *Baga-Oygur V, Mongolian Altai*, 9 – *Deliin uul, Mongolia, stone enclosure*; 10 – *Semisart, Altai*; 11 – *Tliysky burial ground, burial 350 (Transcaucasia) Based on the materials of V. D. Kubarev (1, 8), L. S. Marsadolov (2–5, 10); V. V. Volkova (6, 9); Z. S. Samasheva (7); B. V. Tekhova (11), compiled by L. S. Marsadolov*

Заключение

Святылище в Туру-Алты функционировало, вероятно, с перерывами длительный период — с эпохи бронзы до этнографического времени. На святилищах в Туру-Алты, Семисарте, Адыр-Кане, Майэмире и других на наиболее значимой скальной «алтарной» плоскости расположены сакральные композиции, связанные с образами оленей или «охотой» на оленя, отражающие культы Солнца и Неба, не только промысловой, но и Небесной Охоты легендарных героев (рис. 5–8, 11). Суммируя данные о древних святилищах Саяно-Алтая, можно отметить, что они имели общие и специфические черты. Одно дело открытие нового сакрально значимого для союза племён ритуального центра, а другое — небольшие племенные или родовые культовые места. Объекты закладывались в специально выбранных точках и в определённое время. Этот процесс требовал больших духовно-научных знаний, материальных ресурсов и затрат. Исследования в Саяно-Алтае показали, что существовали свои каноны и правила поиска, разметки и сооружения будущего культового памятника, которые определяли специально подготовленные люди, возможно, жрецы или геоманты, знавшие основы сакрально-планировочного «искусства», своеобразного саяно-алтайского варианта «фэн-шуй». В горных ландшафтах сначала выбирали подходящую долину или урочище, затем определяли ритуально важный центр комплекса, а позднее и места для основных объектов.

На обширных просторах Центральной Азии в раннескифское время одновременно сосуществовало несколько мастеров или «артелей», которые придерживались определенных стилистических направлений [Марсадолов, 2004]. Отдельные мастера соблюдали определенные стилистические каноны, которые со временем стали пользоваться большой популярностью в горных и степных регионах. Об этом свидетельствуют разные по стилю «оленные» камни и наскальные рисунки, находящиеся на одном культовом центре (Юстыд на Алтае; Саглы, Аржан в Туве; разные пункты в Монголии и др.) или в сложном погребальном комплексе типа кургана Аржан-1. Мастера могли выбирать стилистически близкие изображения как на каменных изваяниях, так и на скальных плоскостях (рис. 11) [Марсадолов, 2007; Марсадолов, Самашев, 2000; Волков, 2002; Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005]. Со временем будут более точно определены маршруты разных жрецов, мастеров и «артелей», переходивших в зависимости от заказов из одного пункта в другой, придерживавшихся определенных сакральных и стилистических традиций, своеобразных «школ и направлений», функционировавших в течение длительного времени.

Вертикальные каменные стелы (рис. 12) и «оленные» камни [Кубарев, 1979; Грязнов, 1980; Савинов, 1994; Волков, 2002], установленные в горизонтальных подпрямоугольных или круглых оградках, служили своеобразными сакральными посредниками между Небом и Землей [Марсадолов, 2001, 2007].

Рис. 12. Святилище Туру-Алты: 1 – общий вид урочища с южной стороны (на переднем плане 4 стелы оградки № 5); 2 – стела и оградка № 1; 3 – две стелы и оградка № 8.

Фотографии Л. С. Марсадолова

Fig. 12. Sanctuary of Turu-Alty: 1 – general view of the tract from the south side (in the foreground there are 4 steles of enclosure No. 5); 2 – stele and enclosure No. 1; 3 – 2 steles and enclosure No. 8. Photographs by L. S. Marsadolov

Малые и большие ритуальные центры и святилища были в древности связаны между собой и образовывали «цепочки» сакральных объектов, растянутые на десятки, сотни и тысячи километров, составляя своеобразную древнюю «культурно-геодезическую сетку». В целом святилища, погребальные памятники и культовые места были одними из главных частей общей сакральной «модели мира», культурной, политической и этнической истории древних народов Евразии II–I тыс. до н. э. Именно на таких объектах кочевники по мере возможности старались воспроизвести её основные элементы [Марсадалов, 2000, 2007, 2021; Дашковский, 2011]. Безусловно, древних святилищ на Саяно-Алтае было значительно больше, чем перечислено выше, и они были разными по своей сакральности, временной, региональной и социальной значимости.

Следует отметить, что в первой половине I тыс. до н. э. у народов Центральной Азии формируется культ Неба и светил, позднее названный «Тенгри», а идея «Пути» от земной жизни на Небо вошла составной частью в тенгрианство. Отражение этого культа было выявлено как на ряде межгорных святилищ Алтая (Туру-Алты, Семисарт, Адыр-Кан, Майэмир и др.), где на значимой скальной «алтарной» плоскости расположены сакральные композиции, связанные с образами оленей или «охотой» на устремлённого к небу оленя. На святилищах, находящихся на открытых степных долинах (Аржан-1, Саглы, Юстыд), сакральные представления о Небе нашли наиболее яркое отражение не только на знаменитых курганах-храмах, но и на многочисленных «оленных» камнях Евразии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967. 148 с.

Волков В. В. Оленные камни Монголии. М. : Научный мир, 2002. 248 с.

Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л. : Гос. Эрмитаж, 1950. 90 с.

Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 61 с.

Дашковский П. К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. 2007. № 4. С. 46–52.

Дашковский П. К. Мироззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования): монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.

Дэвлет М. А. Образ пути-дороги в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии // Исторический ежегодник. Специальный выпуск. Омск, 2000. С. 76–81.

Жречество и шаманизм в скифскую эпоху : материалы Международной конференции. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. 202 с.

Ковалева О. В. Рисунки на плитах и стелах кургана Барсучий лог // Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан, 2013. № 1 (5). С. 91–111.

Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.

Кубарев В. Д., Якобсон Э., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaica. Novosibirsk, 1993. Issue 2. С. 63–73.

Кубарев В. Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск : Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. 640 с.

Марсадолов Л. С. Исследования Саяно-Алтайской экспедиции в Горном Алтае // Отчетная археологическая сессия: тезисы докладов / Государственный Эрмитаж. СПб., 1996. С. 5–7.

Марсадолов Л. С. Художественные образы и идеи на Великом степном пути Евразии в IX–VII вв. до н. э. // Международная конференция по первобытному искусству. 3–8 августа 1998 г. Кемерово, 1999. Т. 1. С. 152–163.

Марсадолов Л. С. Археологические памятники IX–III вв. до н. э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры) : дис... д-ра культурологии. СПб., 2000. 56 с.

Марсадолов Л. С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 4. СПб. : Копи Р, 2001. 65 с.

Марсадолов Л. С. Ритуальный центр в урочище Туру-Алты на Алтае // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 1. С. 293–299.

Марсадолов Л. С. Артели мастеров по камню как одни из основных хранителей и носителей стилистических традиций в Центральной Азии (к постановке проблемы) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции : материалы тематической научной конференции. СПб., 2004. С. 283–289.

Марсадолов Л. С. Отчёт об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 5. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2007. 278 с.

Марсадолов Л. С. Материальные следы сакральной идеи «Жизнь — Смерть — Возрождение» в Большом Салбыкском кургане // Материалы Международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия (23–25 сентября 2021 г.). Абакан, 2021. С. 8–16.

Марсадолов Л. С., Самашев З. С. Изучение археологических памятников Западного Алтая // Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. 3. СПб. : Копи Р, 2000. 32 с. + 42 рис.

Мартынов А. И., Сивина К. Н., Мещерский Р. Д. Гора Туру-Алты в Горном Алтае и проблема идентификации древних святилищ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (3). С. 626–634.

Молодин В. И., Ефремова Н. С. Грот Куйлю — культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2010. 264 с.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М. : Главная редакция восточной литературы, 1989. 384 с.

Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л. : Наука, 1970. Ч. 2. 264 с.

Окладников А. П., Ларичев В. Е. Археологические исследования в Монголии в 1964–1966 гг. // Известия СО АН СССР. № 6. Серия: Общественные науки. Новосибирск, 1967. Вып. 2. С. 80–91.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М. ; Л. : АН СССР, 1953. 403 с.

Савинов Д. Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во СПб ГУ, 1994. 209 с.

Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: материалы тематической научной конференции. СПб. : Изд-во СПб ГУ, 2000. 236 с.

Советова О. С. Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. 140 с.

Техов Б. В. Кобанско-тилийское графическое искусство. Владикавказ ; Цхинвал : Изд-во Владикавказского научного центра, 2001. 316 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. 200 с.

Шелепова Е. В. Ритуальные памятники кочевников Алтая поздней древности и раннего средневековья : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. 24 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.

Шульга П. И. Погребально-поминальный комплекс скифского времени на р. Сентелек // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики : материалы тематической научной конференции. СПб., 2000. С. 215–218.

Якобсон Э. Исследования в Чуйской степи // Охрана и изучение культурного наследия Алтая: тезисы научно-практической конференции. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 26–29.

REFERENCES

Dashkovskiy P. K. Sakralizashiya pravitelej kochevy`kh obshchestv Yuzhnoj Sibiri i Tsentral`noj Azii v drevnosti i srednevekov`e [The sacralization of the rulers of nomadic societies of Southern Siberia and Central Asia in Antiquity and the Middle Ages]. *Izvestiya AGU. Seriya istoriya* [Izvestiya Altajskogo universiteta. Series History]. Barnaul, 2007. N 4. S. 46–52 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Mirovozzrenie kochevnikov Sayano-Altaya i sopredel`nykh territorij pozdnej drevnosti i rannego srednevekov`ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya): monografiya* [Worldview of the nomads of the Sayan-Altai and adjacent territories of late antiquity and the early Middle Ages (Russian historiography and modern research): monograph]. Barnaul: Izdatel'stvo Altayskogo universiteta, 2011, 244 s. (in Russian).

Devlet M. A. Obraz puti-dorogi v naskal'nom iskusstve Sibiri i Tsentral'noj Azii [The image of the way-road in the rock art of Siberia and Central Asia]. *Istoricheskij ezhegodnik. Spetsial'nyj vypusk* [Historical Yearbook. Special issue]. Omsk, 2000. S. 76–81 (in Russian).

Grjaznov M. P. *Pervyj Pazyrykskij kurgan* [The First Pazyryk barrow]. Leningrad: Gos. Ermitazh, 1950. 90 s. (in Russian).

Gryaznov M. P. *Arzhan. Tsarskij kurgan ranneskifskogo vremeni* [Arzhan. Royal's barrow of early Scythian time]. Leningrad: Nauka, 1980, 61 s. (in Russian).

Kovaleva O. V. Risunki na plitakh i stelakh kurgana Barsuchij log [Drawings on the slabs and steles of the Badger Log mound]. *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja* [Scientific Review of Sayano-Altai]. Abakan, 2013. N 1 (5). S. 91–111 (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni)* [Ancient statues of Altai (Deer stones)]. Novosibirsk: Nauka, 1979. 120 s. (in Russian).

Kubarev V. D., Yakobson E., Masumoto T. *Issledovaniya v predgor'jakh Sajljugema* [Research in the foothills of Sailugem]. Altaica. Novosibirsk, 1993. N 2. S. 63–73 (in Russian).

Kubarev V. D., Tseveendorzh D, Yakobson E. *Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oygura (Mongol'skiy Altaj)* [Petroglyphs of Tsagaan-Salaa and Baga-Oygur (Mongolian Altai)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAE SO RAN, 2005. 640 s.

Marsadolov L. S. Issledovaniya Sajano-Altajskoj ekspeditsii v Gornom Altae [Research of the Sayan-Altai expedition in Gorny Altai]. *Otchetnaja arkheologicheskaja sessija. Maj 1996 goda. Tezisy dokladov. Gosudarstvennyj Ermitazh* [Reporting archaeological session. May 1996. Abstracts of reports. The State Hermitage Museum]. Sankt-Peterburg, 1996. S. 5–7 (in Russian).

Marsadolov L. S. Khudozhestvennye obrazy i idei na Velikom stepnom puti Evrazii v 9–7 vv. do n. e. [Artistic images and ideas on the Great Steppe Way of Eurasia in the 9–7 centuries BC]. *Mezhdunarodnaya konferentsiya po pervobytnomu iskusstvu. 3–8 avgusta 1998. Trudy* [International conference on primitive art. August 3–8, 1998. Proceedings]. Kemerovo, 1999, Tom 1. S. 152–163 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Arkheologicheskie pamjatniki IX–III vv. do n. e. gornykh rajonov Altaja kak kul'turno-istoricheskij istochnik (fenomen pazyrykskoj kul'tury). Dis... d-ra kul'turologii* [Archaeological monuments of the 9th–3rd centuries BC mountainous regions of Altai as a cultural and historical source (the phenomenon of the Pazyryk culture). Ph. D. Thesis in Culturology]. Sankt-Peterburg, 2000. 56 s (in Russian).

Marsadolov L. S. *Kompleks pamjatnikov v Semisarte na Altae. Materialy Sajano-Altajskoj arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ėrmitazha* [Complex of monuments in Semisart in Altai. Materials of the Sayano-Altai archaeological expedition of The State Hermitage]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo “Kopi R”, 2001. N 4. 65 s. + 118 ris. (in Russian).

Marsadolov L. S. *Ritual'nyj tsentr v urochishche Turu-Alty na Altae* [Ritual center in the Tura-Alty tract in Altai]. *Istoricheskij opyt khozjajstvennogo i kul'turnogo osvoenija Zapadnoj Sibiri* [Historical experience of economic and cultural development of Western Siberia]. Barnaul, 2003. Kniga 1. S. 293–299 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Arteli masterov po kamnju kak odni iz osnovnykh khranitelej i nositelej stilisticheskikh traditsij v Tsentral'noj Azii (k postanovke problemy)* [Artels of stone masters as one of the main keepers and carriers of stylistic traditions in Central Asia (to the problem statement)]. *Izobrazitel'nye pamjatniki: stil', epokha, kompozitsii. Materialy tematicheskoi nauchnoj konferentsii* [Fine monuments: style, era, compositions. Materials of the thematic scientific conference]. Sankt-Peterburg, 2004. S. 283–289 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Otchyot ob issledovanii drevnykh svjatilishch Altaja v 2003–2005 godakh. Materialy Sajano-Altajskoj arkheologicheskoi ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Report on the study of the ancient sanctuaries of Altai in 2003–2005. Materials of the Sayano-Altai archaeological expedition of The State Hermitage Museum]. Sankt-Peterburg: Gos. Ėrmitazh, 2007. N 5. 278 s. (in Russian).

Marsadolov L. S. Material'nye sledy sakral'noj idei "Zhizn' — Smert' — Vozrozhdenie" v Bol'shom Salbykskom kurgane [Material traces of the sacral idea "Life-Death-Rebirth" in the Great Salbyk Kurgan]. *Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma khakasskogo eposa, VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii "Narody i kul'tury Sajano-Altaja i sopredel'nykh territorij", posvjashchennoj 300-letiju otkrytija pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti i Godu khakasskogo eposa v Respublike Khakasija (23–25 sentjabrja 2021 g)* [Materials of the International Symposium of the Khakas's Epic, VIII International Scientific Conference «Peoples and Cultures of Sayan-Altai and Adjacent Territories' dedicated to the 300th anniversary of the discovery of monuments Yenisei writing and the Year of the Khakas's epic in the Republic of Khakassia (September 23–25, 2021)]. Abakan, 2021. S. 8–16 (in Russian).

Marsadolov L. S., Samashev Z. S. Izuchenie arkheologicheskikh pamjatnikov Zapadnogo Altaja. *Materialy Sajano-Altajskoj arkheologicheskoj ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Study of archaeological sites of Western Altai. Materials of the Sayano-Altai archaeological expedition of the The State Hermitage Museum]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo "Kopi R", 2000. N 3. 32 s. + 42 ris. (in Russian).

Martynov A. I., Sivina K. N., Meshcherskij R. D. Gora Turu-Alty v Gornom Altae i problema identifikatsii drevnix svyatilishch [Mount Turu-Alty in the Mountain Altai and the problem of identification of ancient sanctuaries]. *Vestnik Kemerovskogo gos. universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2019. № 21 (3). S. 626–634 (in Russian).

Molodin V. I., Efremova N. S. *Grot Kujlyu — kul'tovyj kompleks na reke Kucherle (Gornyj Altaj)* [Kuylyu grotto — a cult complex on the Kucherle River (Mountain Altai)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2010. 264 s. (in Russian).

Novgorodova E. A. *Drevnjaja Mongolija* [Ancient Mongolia]. Moskva: Glavnaja redaktsija vostochnoj literatury, 1989. 384 s. (in Russian).

Okladnikov A. P., Zaporozhskaja V. D. *Petroglify Zabajkal'ja* [Petroglyphs of Transbaikalia]. Leningrad: Nauka, 1970. Chast' 2. 264 c. (in Russian).

Okladnikov A. P., Larichev V. E. Arkheologicheskie issledovanija v Mongolii v 1964–1966 gg. [Archaeological research in Mongolia in 1964–1966]. *Izvestija SO AN SSSR. № 6. Serija: Obshchestvennye nauki* [Proceedings of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences]. Novosibirsk, 1967. N 2. S. 80–91 (in Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaja v skifskoe vremya* [Culture of the population of Altai Mountain in Scythian time]. Moskva. — Leningrad.: AN SSSR, 1953. 403 s. (in Russian).

Savinov D. G. *Olenny'e kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii* [Deer stones in the culture of the nomads of Eurasia]. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPB GU, 1994. 209 s. (in Russian).

Shelepova E. V. *Ritual'nye pamyatniki kochevnikov Altaya pozdnej drevnosti i rannego srednevekovya. Diss... kand. istor. nauk* [Ritual monuments of Altai nomads of late antiquity and early Middle Ages. Ph. D. Thesis in History]. Barnaul, 2009. 24 s. (in Russian).

Sher Ya. A. *Petroglify Srednej i Tsentral'noj Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moskva: Nauka, 1980. 328 s. (in Russian).

Shul'ga P. I. Pogrebal'no-pominal'nyj kompleks skifskogo vremeni na r. Sentelek [Funeral and memorial complex of the Scythian time on the Sentelek river]. *Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy' semantiki. Materialy' tematicheskoy nauchnoj konferentsii* [Sanctuaries:

archaeology of ritual and questions of semantics. Materials of the thematic scientific conference. St. Petersburg, 2000. S. 215–218 (in Russian).

Sovetova O. S. *Petroglify tagarskoj epokhi na Enisee (sjuzhety i obrazy)*. [Petroglyphs of the Tagar era on the Yenisei (subjects and images)]. Novosibirsk: Izdatel'stvo IAE SO RAN, 2005. 140 s. (in Russian).

Svyatilishcha: arkheologiya rituala i voprosy semantiki. Materialy tematicheskoy nauchnoj konferencii [Sanctuaries: the archaeology of ritual and questions of semantics. Materials of the thematic scientific conference. St. Petersburg: Izdatel'stvo SPB GU, 2000. 236 s. (in Russian).

Tekhov B. V. *Kobansko-tliyskoye graficheskoye iskusstvo* [Koban-Tlian graphic art]. Vladikavkaz, Tskhinval: Izdatel'stvo Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra, 2001. 316 s.

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. *Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov v doline r. Bijke (Gornyy Altaj)* [Complex of archaeological monuments in the valley of the Bike River (Mountain Altai)]. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2005. 200 s. (in Russian).

Volkov V. V. *Bronzovyy i rannij zheleznyy vek Severnoj Mongolii* [The Bronze and Early Iron Age of Northern Mongolia]. Ulan-Bator, 1967. 148 s. (in Russian).

Volkov V. V. *Olennye kamni Mongolii* [Deer stones of Mongolia]. Moskva, 2002. 248 s. (in Russian).

Yakobson E. *Issledovaniya v Chujskoj stepi* [Research in the Chui steppe]. *Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya. Tezisy' nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Protection and study of the cultural heritage of Altai. Abstracts of the scientific and practical conference]. Barnaul, 1993. Part I. S. 26–29 (in Russian).

Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu [Priesthood and shamanism in the Scythian era]. *Materialy' mezhdunarodnoj konferentsii* [Materials of the international conference]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Gos. Ermitazha, 1996. 202 s. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 23.11.2021.

Принята к публикации 28.04.2022.

Дата публикации 30.06.2022.

УДК 902/904

DOI: 10.14258/nreur(2022)2–04

А. С. Савельева*Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово
(Россия)*

СОСТАВ МЕТАЛЛА ИНВЕНТАРЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ПОДГОРНОВСКОГО ЭТАПА ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЬНИКА КОСОГОЛЬ II В СЕВЕРНОЙ ЛЕСОСТЕПИ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК А. И. МАРТЫНОВА 1985 г.)*

Материалы по металлургии подгорновского этапа наименее репрезентативны в общем объеме данных о цветном металлопроизводстве тагарской культуры в северной лесостепи. Новые данные об элементном составе металла из погребения могильника Косоголь II (раскопки А. И. Мартынова 1985 г., Ужурский район Красноярского края) иллюстрируют производственные традиции населения северной лесостепи в ранне-тагарское время и существенно дополняют представления о них, сформированные еще в 1960-х гг. по материалам подгорновского погребения могильника Изыкчуль II (раскопки Н. Л. Членовой 1962 г.). Вводимые в научные оборот материалы свидетельствуют об изготовлении в этот период предметов сопроводительного погребального инвентаря из меди, мышьяковой меди и мышьяковистой бронзы. Для металла характерны повышенные геохимические концентрации никеля (более 1,6%) и мышьяка (более 1,1%). Полученные данные хорошо согласуются с известными результатами исследований состава подгорновского металла из памятников Минусинских степных котловин, проведенных С. В. Хавриным. Сходство набора рецептур сплавов на медной основе указывает на единство в подгорновское время медно-мышьяковой металлургической традиции, господствовавшей на всем пространстве тагарской культуры и, очевидно, имевшей корни в производственных традициях культур бронзового века.

Ключевые слова: тагарская культура, подгорновский этап, северная лесостепь, могильник Косоголь II, сопроводительный инвентарь, элементный состав, атомно-эмиссионный спектральный анализ с индуктивно связанной плазмой (АЭС ИСП), никель, медь, мышьяковая медь, мышьяковистая бронза.

Цитирование статьи:

Савельева А. С. Состав металла инвентаря из погребения подгорновского этапа тагарской культуры могильника Косоголь II в северной лесостепи (по материалам раскопок А. И. Мартынова 1985 г.) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 72–86. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–04.

A. S. Savel'eva

Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo (Russia)

METAL COMPOSITION OF INVENTORY FROM THE GRAVE OF THE PODGORNOVSKY STAGE OF THE TAGAR CULTURE OF THE KOSOGOL II BURIAL GROUND IN THE NORTHERN FOREST-STEPPE (ACCORDING TO THE MATERIALS OF EXCAVATIONS BY A. I. MARTYNOV IN 1985)

Materials about metallurgy of the Podgornovo Stage are the least representative in the total volume of data on non-ferrous metal production of the Tagar culture in the northern forest-steppe. New data on the elemental composition of metal from the burial of the Kosogol II burial ground (excavations by A. I. Martynov in 1985, Uzhursky district of the Krasnoyarsk Territory) illustrate the production traditions of the northern forest-steppe population in the Early Tagar time and significantly supplement the ideas about them formed back in the 1960s and based on materials from the burial of the Podgornovo Stage in the Izykchul II burial ground (excavations by N. L. Chlenova in 1962). The materials introduced into scientific circulation testify to the manufacture during this period of accompanying funerary items made of copper, arsenic copper and arsenous bronze. The metal is characterized by increased geochemical concentrations of nickel and arsenic. The obtained data are in good agreement with the known results of studies of the composition of the Podgornovo metal from the sites of the Minusinsk steppe basins, carried out by S. V. Khavrin. The similarity of the set of recipes for copper-based alloys indicates the unity of the copper-arsenic metallurgical tradition in the Podgornovo period, which prevailed throughout the Tagar culture and, obviously, had roots in the production traditions of the cultures of the Bronze Age.

Keywords: Tagar culture, Podgornovo stage, northern forest-steppe, Kosogol II burial ground, accompanying inventory, elemental composition, atomic emission spectral analysis with inductively coupled plasma (ICP AES), nickel, copper, arsenic copper, arsenic bronze

For citation:

Savel'eva A. S. Metal composition of inventory from the grave of the podgornovsky stage of the tagar culture of the Kosogol II burial ground in the northern forest-steppe (according to the materials of excavations by A. I. Martynov in 1985). Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 2. P. 72–86. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–04.

Савельева Анна Сергеевна, научный сотрудник Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** antverpen@mail.ru.

Savel'eva Anna Sergeevna, researcher at the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS, Kemerovo (Russia). **Contact address:** antverpen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4804-5932>.

Введение

В северном лесостепном районе тагарской культуры известны не менее 40 памятников подгорновского этапа [Вадецкая, 1986: 106, 107; Красниенко, Субботин, 1999: 35–104; Красниенко, Субботин, 2013: 39–80]. Процесс освоения лесостепи связывается исследователями с перемещением населения из Минусинских степей [Герман, 2007: 22; Савинов, 2012: 60; Герман, 2014: 88–90; Вадецкая, Субботин, Красниенко, 2018: 70]. Для характеристики становления культуры в новых природных условиях важен такой аспект производственного уклада, как изготовление медных и бронзовых предметов. Актуальность обращения к нему определяется опытом анализа металла из лесостепных комплексов сарагашенского, лепёшкинского и тесинского этапов; отсутствием обобщающих исследований металла подгорновского этапа по материалам памятников лесостепи; знаниями о подгорновском металле по материалам памятников минусинских степей.

Материалы

К числу памятников северной лесостепи, содержащих ранние комплексы тагарской культуры, принадлежит могильник Косоголь II, известный также как первый Косогольский могильник. Группа из 18 курганов располагалась в 0,6 км к юго-востоку от оз. Большой Косоголь, в 0,2 км к югу от р. Серж (Ужурский район Красноярского края) [Красниенко, Субботин, 2013: 29]. В 1981, 1982 и 1985 гг. экспедицией кафедры археологии Кемеровского государственного университета (КемГУ), возглавляемой А. И. Мартыновым, были исследованы раскопками три кургана (результаты не опубликованы). Находки хранятся в Музее археологии, этнографии и экологии Сибири КемГУ в составе коллекции № 56 Основного фонда.

В 1985 г. в ходе работ на кургане 3 выявлена восьмикаменная ограда размерами 11,5x10 м. А. И. Мартыновым курган датирован V в. до н. э. — концом подгорновского этапа [НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 10742: 21]. Согласно полевой документации могила 2 без следов ограбления, глубина один метр, размер 2,7x1,8 м. В ней зафиксированы: сруб; перекрытие из бревен; надмогильное сооружение из каменных плит. Захоронение мужчины на спине, головой на северо-восток, сопровождалось металлическими вещами, глиняными сосудами, ритуальной мясной пищей [НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 10742: 11–13, 19]. Найдены два кинжала, два зеркала, нож, чекан и кельт (см. рис. 1). Ниже приводятся их описания [Субботин, 2014: 48–52] и результаты исследования состава металла.

Нож № 9 (рис. 1.-1). Навершие овальное, двудырчатое, его край — с прорезью; рукоятка плоская, гладкая; место перехода от лезвия к рукоятке без выступа; спинка дугообразная простая. Общая длина 162 мм, ширина рукоятки 14 мм, диаметр отверстий 5 мм, длина прорези 11 мм.

Положение в могиле: в области тазовых костей на крестце [НА ИА РАН, ед. хр. № 10742: 13].

Кинжал № 5 (рис. 1.-2). Навершие пестиковое, выделенное; рукоятка плоская, суживающаяся от навершия к перекрестию; перекрестие усиковое; лезвие простое, прямое, с ребром. Общая длина 224 мм, длина клинка 128 мм, длина рукоятки 83 мм.

Положение в могиле: рукояткой на зеркале № 52, острием на север [НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 10742: 14].

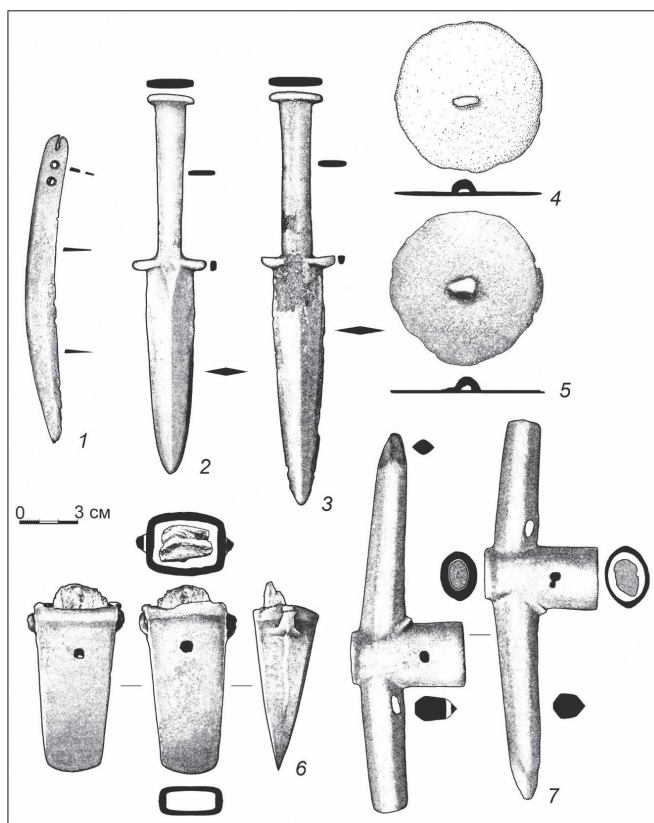

Рис. 1. Могильник Косоголь II. Инвентарь из могилы 2 кургана 3 (под номером (№) указаны инвентарные номера из таблицы 1): 1 – № 9; 2 – № 5; 3 – № 4; 4 – № 52; 5 – № 6; 6 – № 8; 7 – № 7 (рисунки 1–3, 5–7 выполнены С. Н. Леонтьевым)

Fig. 1. Burial ground Kosogol II. Inventory from grave no. 2 of barrow no. 3 (under the decree number – № are the inventory numbers from table 1): 1 – no. 9; 2 – no. 5; 3 – no. 4; 4 – no. 52; 5 – no. 6; 6 – no. 8; 7 – no. 7 (figures 1–3, 5–7 were made by S. N. Leontiev)

Кинжал № 4 (рис. 1.-3). Навершие пестиковое, выделенное; рукоятка плоская, прямая; перекрестие усиковое; лезвие простое, прямое, с ребром. Общая длина 218 мм, длина клинка 126 мм, длина рукояти 82 мм.

Положение в могиле: рукояткой на зеркале № 6, острием на северо-запад [НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д.10742: 14].

Зеркало № 52 (рис. 1.-4). Дискосвое; ручка полукруглая, с малым отверстием. Диаметр диска 77 мм, толщина 2,5 мм, ширина петельки 13 мм, высота петельки 8 мм.

Положение в могиле: с внешней стороны левой голени, петелькой вниз [НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д.10742: 13, 14].

Зеркало № 6 (рис. 1.-5). Дискосвое; ручка полукруглая, с малым отверстием. Диаметр диска 78 мм, высота петельки 6 мм.

Положение в могиле: в 0,3 м справа от правой голени [НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д.10742: 14].

Кельт № 8 (рис. 1.-6). Трапециевидный, втулка шире лезвия; профиль клиновидный, с литейными швами, с боковыми ушками, одно из которых сквозное, а второе — небрежно выполненное, без завершеного отверстия; сечение втулки прямоугольное, по венчику втулки выполнен валик для ее механического укрепления; орнамент отсутствует; в верхней трети орудия — отверстия в обеих плоскостях для крепления. Общая длина 86 мм, ширина рабочего края 28 мм, высота валика 5 мм, диаметр отверстия 7 мм.

Положение в могиле: ниже и правее группы из кинжала № 4 и зеркала № 6 [НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д.10742: 15].

Чекан № 7 (рис. 1.-7). Гранчатообушковый, с эллипсовидным краем, с овальным отверстием у втулки; втулка простая, с небольшим валиком под бойком; верх овальной в плане втулки прямой, выступающий; боек многогранный с четырехгранным концом. Общая длина 192 мм, высота втулки 54 мм, диаметр нижней части втулки 20 мм. Согласно полевой документации вес чекана 275 г.

Положение в могиле: рядом с кинжалом № 5, упираясь бойком в свод левой стопы. Длина древка прослеживалась до 0,32 м [НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д.10742: 15].

Все металлические предметы сопровождалась следами наличия или целыми кожаными чехлами. В петельках зеркал фиксировались кожаные ремешки. При раскопках обнаружены 11 полусферических бляшек с отверстием в центре, пронизка и свернутая пластинка [НА ИА РАН. Ф. Р-1. Д.10742: 15]. В современной музейной коллекции эти предметы отсутствуют.

Подобные вещи типичны для погребений раннего этапа тагарской культуры [Мартынов, 1979: табл. 33; Степная полоса..., 1992: 214; Бобров, 2011: 14], имеют широкий круг аналогий (например: [Шер, Прокофьева, 1966: 58, рис. 17.-1, 4, 5; Мартынов, 1973: табл. 26.-1; Мартынов, 1979: 43; Гультов, 1983: рис. 9]). Принадлежности к подгорновскому этапу соответствуют одиночность погребения; прямоугольная форма могилы; сопровождение мужского захоронения предметами вооружения, украшениями [Герман, 2017: 21].

Результаты элементного анализа состава металла

Анализ элементного состава образцов металла выполнен на атомно-эмиссионном спектрометре с индуктивно связанной плазмой *Thermo Scientific iCAP 6500 DUO* в Центре коллективного пользования ФИЦ угля и углехимии СО РАН (аналитик Р.П. Колмыков, старший научный сотрудник, кандидат химических наук). Исследовались образцы, отобранные точно мини-дрелью *MD170A (Hammer, Германия)* в комплектации с гибким валом (диаметр сверла 1 мм). Проба массой около 0,01 г представляла собой мелкодисперсную стружку характерного желтого цвета с металлическим блеском.

Результаты анализа приводятся в таблице 1. Во всех случаях основа металла — медь. Количественные показатели приведены в процентах от массы образца.

Полужирным курсивом выделены рудные примеси к меди в повышенных концентрациях — мышьяк от 1,182% (кинжал № 5) и никель от 1,605% (кинжалы № 4 и № 5, нож № 9). Для такой небольшой выборки концентрации мышьяка от 1,574% (нож № 9, кинжал № 4) можно считать легирующими условно.

Таблица 1

**Элементный состав образцов металла инвентаря из могилы 2,
кургана 3 могильника Косоголь II**

Table 1

**Elemental composition of inventory metal samples from grave no. 2,
barrow no. 3 of the Kosogol II burial ground**

Инв. №	Предмет	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co
4	кинжал	0,169	0,0009	1,602	0,09	0,0202	0,0171	0,0027	2,351	0,0033
5	кинжал	0,0749	следы	1,182	0,0947	0,0175	0,0019	0,0019	1,605	0,0034
52	зеркало	0,2692	0,0121	0,699	0,1046	0,0056	0,0107	0,0024	0,9043	0,0012
6	зеркало	0,2708	0,0107	0,6602	0,0854	0,0132	0,0019	0,0027	0,8799	0,0012
7	чекан	0,0095	следы	0,0092	0,0081	0,0047	следы	0,0016	0,0053	0,0002
8	кельт	0,0765	0,0026	0,6424	0,0637	0,0129	0,0292	0,0049	0,7338	0,0012
9	нож	0,2344	0,0053	1,574	0,1314	0,0205	следы	0,002	1,839	0,0075

Таблица 1 (продолжение)

Table 1 (continuation)

Инв. №	Предмет	Au	Ag	Al	Mg	S	Se	Te
4	кинжал	0,0052	0,0282	0,0003	0,0051	0,0009	0,0052	0,00230
5	кинжал	0,0046	0,0307	следы	0,0088	0,0009	0,0041	0,00070
52	зеркало	0,0079	0,0332	0,0106	0,0055	0,0019	0,0084	0,00590
6	зеркало	0,0063	0,0354	0,0012	0,01	0,0012	0,0064	0,00190
7	чекан	0,0006	0,0052	следы	0,0017	0,0009	0,0047	0,00000
8	кельт	0,0212	0,0719	0,0102	0,0336	0,0022	0,007	0,00410
9	нож	0,0062	0,0386	следы	0,0162	0,0011	0,0045	0,00260

Ести судить по одинаковым или близким концентрациям примесей к меди в металле зеркал, то они из одной отливки. Несмотря на метрическое сходство, зеркала нельзя назвать идентичными. Видимо, формы для зеркал № 6 и № 52 изготовлены по одной модели из глины и были разбиты при извлечении отлитого предмета, чего требовала технология формования петельки [Гришин, 1960: 160, 161].

В коллекции выделены следующие химико-металлургические группы:

- 1) «чистая» медь: зеркало № 52, зеркало № 6, чекан № 7, кельт № 8;
- 2) мышьяковая медь: кинжал № 5 с повышенной концентрацией никеля;
- 3) мышьяковистая бронза: кинжал № 4 и нож № 9 с повышенными концентрациями никеля.

Металл из могилы 2 кургана 3 могильника Косоголь II представлен медью (группа I); мышьяковой медью и мышьяковистой бронзой (группа II). Примечательны повышенные концентрации никеля и мышьяка. По происхождению металл групп I и II следует связывать с медными рудами, по меньшей мере двух типов. Одни (тип А) давали

при выплавке «чистую» медь. Другие (тип Б) — медь с повышенными концентрациями примесей мышьяка и никеля. При этом металл группы II может являться как продуктом выплавки только из руд типа Б, так и результатом смешения руд двух типов.

Ближайшие аналогии по элементному составу металла

В 15 км к юго-востоку от могильника Косоголь II находится курганный могильник Изыкчуль II (правый берег р. Изыкчуль, в 25 км к северо-востоку от г. Ужур, в одном километре к западу от деревни Изыкчуль Ужурского района Красноярского края) [Членова, 1964: 119]. Памятник открыт в 1962 г. Чулымским отрядом Красноярской экспедиции Института археологии АН СССР под руководством Н. Л. Членовой. В могильнике зафиксированы 40 курганов раннетагарской эпохи (VII–VI вв. до н. э.). Тогда же был исследован курган 8 (VI в. до н. э.) [Членова, 2013: 136–139]. Состав металла четырех изделий установлен методом количественного спектрального анализа в кабинете спектрального анализа Института археологии АН СССР Е. Н. Черных и опубликован [Членова, 1964: 124].

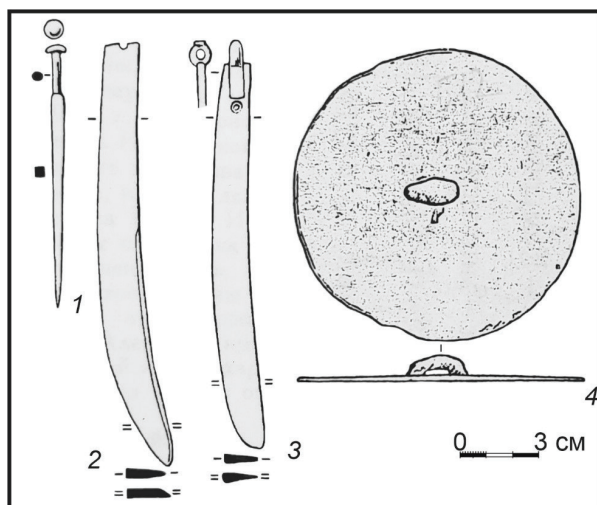

Рис. 2. Инвентарь из могилы 4 (1, 2) и 5 (3) кургана 8 могильника Изыкчуль II (раскопки Н. Л. Членовой, 1962 г.) и могилы 1 кургана 2 (4) могильника Большепичугино (раскопки А. И. Мартынова, 1957 г.) [Членова, 1964: рис. 46. — 7, 9, 13; Мартынов, 1967: рис. 10. — 6]

Fig. 2. Inventory from graves no. 4 (1, 2) and no. 5 (3) barrow no. 8 of the Izykchul II burial ground (excavations by N. L. Chlenova, 1962) and grave no. 1 of barrow no. 2 (4) of the Bolshepichugino burial ground (excavations by A. I. Martynov, 1957) [Chlenova, 1964: fig. 46. — 7, 9, 13; 4: Martynov, 1967: fig. 10. — 6]

По оценке Н. Л. Членовой, шило изготовлено из меди (могила 4) (рис. 2.-1), два ножа (могилы 4, 5) (рис. 2.-2, 3 соответственно) и наконечник стрелы (могила 7) — из мышьяковистой бронзы. Набор рецептур авор считает не характерным для тагарской культуры [Членова, 1964: 124]. Вывод основывался на сопоставлении с результатами анализа металла из памятников Минусинских котловин, ранее опубликованными И. В. Бог-

дановой-Березовской [1963]. Представляется, что тем самым было проведено сравнение раннетагарского металла с бронзами тагарского времени, в которых подгорновские материалы были статистически сивелированы сарагашенскими.

Современные знания об отличиях металлургических традиций на разных этапах тагарской культуры позволяют иначе взглянуть на состав металла могильника Изыкчуль II (табл. 2) [Членова, 1964].

Таблица 2

**Элементный состав металла инвентаря из кургана 8 могильника Изыкчуль II
(основа металла — медь; в процентах)**

Table 2

**Elemental composition of metal from graves of barrow no. 8 of the Izykchul II burial
ground (metal base — copper; percentage)**

курган	могила	предмет	Sn	Pb	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
8	4	шило	0,07	0,009	0,0025	0,05	0,06	0,75	0,02	0,6		0,01–0,03
8	4	нож	0,06	0,0013	0,02	0,6	0,13	1,9	0,02	0,6		0,001–0,03
8	5	нож	0,1	0,0015	0,019	0,018	0,18	1,9	0,02	1,1	0,009	0,009–0,01
8	7	наконечник стрелы	0,02	0,004	0,01	0,04	0,12	1,3	0,005	1	0,004	0,003–0,01

Из результатов анализа следует, что некоторые компоненты фиксируются в повышенных концентрациях — мышьяк от 1,3% и никель от 1%. Концентрации мышьяка в количестве 1,9% условно являются легирующими. Выделяются следующие химико-металлургические группы:

- 1) «чистая» медь (шило);
- 2) мышьяковая медь (наконечник стрелы с повышенной концентрацией никеля);
- 3) мышьяковистая бронза (два ножа, в металле ножа из могилы 5 — повышенная концентрация никеля).

Металл из кургана 8 могильника Изыкчуль II представлен медью (группа I); мышьяковой медью и мышьяковистой бронзой (группа II). Примечательны повышенные концентрации никеля и мышьяка.

Источником данных о раннетагарском металле могут служить также материалы Большепичугинского могильника (левый берег реки Урюп, деревня Большепичугино Тисульского района Кемеровской области). Раскопки на памятнике велись А. И. Мартыновым в 1956–1958 гг. Согласно его публикации [Мартынов, 1967], в погребениях тагарской культуры, иллюстрирующих ее происхождение, были найдены два зеркала (курган 2), зеркало, нож, наконечник стрелы (курган 3), по одному ножу в курганах 6, 8 и 9 [Мартынов, 1967: 33, рис. 10.-1, 2, 5–9].

Методом спектрального количественного анализа металл памятника изучен В. Н. Сидоровым в Лаборатории археологической технологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, результаты опубликованы в 1966 г. [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966: 78]. К сожалению, нумерация курганов в статьях 1966 и 1967 гг. совпадает только для одного предмета — крупного зеркала из кургана 2, мо-

гилы 1 под инвентарным номером 92 (рис. 2.-4). Оно из меди, с примесями 0,5% олова, 0,2% свинца, 0,01% железа, 0,1% цинка, висмута, никеля и серебра [Мартынов, Богданова-Березовская, 1966: 95].

В целом, коллекции подгорновского металла из кургана 3 могильника Косоголь II, кургана 8 могильника Изыкчуль II и кургана 2 Большепичугинского могильника демонстрируют традицию изготавливать сопроводительный инвентарь из «чистой» меди (группа I); мышьяковой меди и мышьяковистой бронзы (группа II). В группе II повышенные концентрации мышьяка часто сопровождаются повышенными концентрациями никеля.

Сравнение с металлом из степного района тагарской культуры

Металл подгорновского этапа тагарской культуры изучен по материалам памятников Минусинских котловин С. В. Хавриным (Бейка, Большая Ерба I, Жемчужный I, Жемчужный II, Катюшкино, Луговое, Тигир Тайджен IV, Топаново, Федоров улус, Хыстаглар, Станция Аскиз ПМК-6) [Хаврин, 2000; 2003; 2007]. Специалистом выявлены следующие особенности состава бронз:

- 1) более 75% изделий изготовлены из мышьяковистой меди [Хаврин, 2003: 211];
- 2) предметы из оловянистых бронз единичны [Хаврин, 2000: 187; 2003: 211];
- 3) наряду с мышьяком, маркирующим является никель в концентрациях от десятых долей процента до 2–3% [Хаврин, 2007: 115].

Основной тип раннетагарского металла определен как «медный с естественными примесями мышьяка и никеля» [Хаврин, 2000: 187]. С учетом этих признаков металл из подгорновских погребений в могильниках Косоголь II и Изыкчуль II по соотношению рецептур сходен с подгорновским по материалам Минусинских котловин.

О природе никеля в древних сплавах на медной основе

Изыскания о природе повышенных концентраций никеля, их трактовка в археологическом металле приводили к различным выводам. Так, И. В. Богданова-Березовская сплавы Минусинских котловин с повышенным никелем выделяла вне основных групп [Богданова-Березовская, 1963]. Искусственной природы никеля, на основании сравнений его концентраций в слитках и шлаках тагарской эпохи, придерживался Я. И. Сунчугашев [1975]. С. В. Хавриным группа меди с примесями никеля в концентрациях 0,1–3% трактуется как «результат непреднамеренной деятельности древних металлургов, выплавлявших недостаточно чистый металл» [Хаврин, 2007: 117]. Мышьяково-никелевые бронзы майкопской культуры Северного Кавказа, согласно заключению И. Г. Равич и Н. В. Рындиной, получались путем добавки в медь мышьяково-никелевой руды — никелина, аннабергита или силиката никеля — гарниерита [Равич, Рындина, 2013: 86]. Позиции естественной природы никеля в бронзах придерживается Е. Н. Черных [1966: 44–46, 49]. А. Н. Егорьков предполагает, что источник никеля в сплавах на основе меди — смешанные блеклые руды [Равич, Рындина, 2013].

По данным специальной литературы, ассоциации, в составе которых присутствует никель, характерны для сульфидных медно-никелевых, арсенидных и сульфоарсенидных никель-кобальтовых минералов. Часты комплексные месторождения — сульфидные медно-никелевые с кобальтом. Многие месторождения этого типа крупные, их руды богатые (никеля 2–4% и более, меди 1–12%) [Дорохин, Богачева, Дружинин,

1968: 84, 85]. Повышенные концентрации никеля в раннетагарском металле могли быть следствием комплексного характера медной руды — ее попутного нахождения с минералами никеля в сложных рудопоявлениях.

О местах добычи медных руд в тагарское время подробные данные приведены Я. И. Сунчугашевым. Им установлена хронологическая принадлежность выработок. Ранним и средним периодами тагарской культуры датированы рудники Узун-Жуль (VI–V вв. до н. э.), Булан-Куль, Тустужуль (VII–V вв. до н. э.), Чалбых Хая, Хуртян-Холь [Сунчугашев, 1993: 43, 45]. По мнению С. В. Хаврина, определенному месторождению меди одного из тагарских рудников было свойственно повышенное содержание никеля, подобное медь-никель-кобальтовому месторождению Хову-Аксы в Туве [Хаврин, 2007: 117].

Дополним, что вблизи могильников Косоголь II и Изыкчуль II находятся Терехтинское проявление свинца, цинка, меди [Государственная геологическая карта РФ, 2008: лист N-46] и Касангольское проявление меди [Государственная геологическая карта РФ, 2007: лист N-45]. К юго-западу от памятников расположен узел медных месторождений юга Красноярского края, определенный Б. Н. Пяткиным как северный Базырско-Печищенский [Пяткин, 1977: 22].

О связи с традициями металлургии бронзового века

В Минусинских котловинах стратегия изготавливать сопроводительный инвентарь из меди и медно-мышьяковых сплавов непрерывно прослеживается по материалам эпохи поздней бронзы. Увеличение в металле естественных примесей сурьмы, мышьяка, никеля, дефицит оловянных лигатур наблюдается с позднекарасукского времени. Такими результатами исследования металла карасукской культуры (Торгажак, Арбан, Федоров улус), предпринятые С. В. Хавриным [2001: 119]. О мышьяковых бронзах как основе набора рецептур сплавов свидетельствуют и данные памятников лугавской культуры (Бейская шахта, Лугавское 3, Кривая 6) [Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997: 46]. В целом, специалистами замечено, что металлообработка карасукской, лугавской, а также ирменской культур демонстрирует вытеснение оловянных и оловянно-мышьяковых бронз сплавами с мышьяком [Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997: 69]. Как свидетельствуют материалы могильников Косоголь II, Изыкчуль II, памятников Минусинских котловин, медно-мышьяковая металлургическая традиция продолжила бытование и в раннетагарское время.

Заключение

Данные о металле подгорновского этапа тагарской культуры количественно остаются наименее представительными в лесостепной серии бронз. Между тем их трактовка при сравнении со степным металлом указывает на отсутствие отличий в металлургических традициях, несмотря на разницу природных условий. Состав металла подгорновского погребения могильника Косоголь II позволяет делать вывод о сходстве соотношения химико-металлургических групп с синхронными металлокомплексами лесостепи (могильник Изыкчуль II) и из памятников степных Минусинских котловин. Для них характерны изделия из меди, мышьяковой меди и мышьяковистой бронзы, изготовленные с применением медных руд комплексного характера с попутными никелем и мышьяком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобров В. В. Тагарская культура в северной лесостепи // *Terra Scythica* : материалы Международного симпозиума. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 11–22.

Бобров В. В., Кузьминых С. В., Тенейшвили Т. О. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 99 с.

Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины // *Новые методы в археологических исследованиях*. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 115–159.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. : Наука Ленинградское отд-ние, 1986. 179 с.

Вадецкая Э. Б., Субботин А. В., Красниенко С. В. Ашпыл — некрополь древнего населения севера Минусинской котловины. СПб. : ИИМК РАН, 2018. 296 с.

Герман П. В. К вопросу о ранних комплексах тагарской культуры в Мариинской лесостепи // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани*. Казань, 2014. Т. I. С. 88–91.

Герман П. В. К проблеме периодизации тагарской культуры: этап и тип // *Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе*. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. II. С. 19–25.

Герман П. В. Погребальные комплексы раннего этапа тагарской культуры (систематика и археологическая интерпретация) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 26 с.

Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (третье поколение). Серия Алтае-Саянская. Лист N-45. Новокузнецк ; СПб. : Картофабрика ВСЕГЕИ, 2007. 665 с.

Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:1 000 000 (третье поколение). Серия Алтае-Саянская. Лист N-46. Абакан ; СПб. : Картографическая фабрика ВСЕГЕИ, 2008. 391 с.

Гришин Ю. С. Производство в тагарскую эпоху // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 90. М., 1960. С. 116–207.

Гультов С. Б. Некоторые вопросы внутренней хронологии могильника Ашпыл // *Древние культуры Евразийских степей по материалам археологических работ на новостройках*. Л. : Наука, Ленинградское отд., 1983. С. 58–61.

Дорохин И. В., Богачева Е. Н., Дружинин А. В. Месторождения полезных ископаемых и их разведка. М. : Недра, 1968. 302 с.

Красниенко С. В., Субботин А. В. Археологическая карта Шарыповского района (Красноярский край). СПб. : ИИМК РАН, 1999. 114 с.

Красниенко С. В., Субботин А. В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб., 2013. 192 с.

Мартынов А. И. К вопросу о происхождении тагарской культуры // *Известия лаборатории археологических исследований*. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1967. Вып. 1. С. 15–38.

Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1979. 208 с.

Мартынов А. И. Ягуня. Кемерово, 1973. 317 с.

Мартынов А. И., Богданова-Березовская И. В. Изделия из бронзы и бронзолитейное производство северо-западного района тагарской культуры // Из истории Западной Сибири. Кемерово, 1966. Вып. I. С. 66–104.

Научный архив Института археологии Российской академии наук. Ф. Р-1. Д. 10742.

Пяткин Б. Н. Некоторые вопросы металлургии эпохи бронзы Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977. Вып. 9. С. 22–34.

Равич И. Г., Рындина Н. В. Мышьяково-никелевые бронзы майкопской культуры Северного Кавказа (особенности состава, способов получения, технологии) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 230. 2013. С. 84–98.

Савинов Д. Г. Тагарская археологическая общность // Археология Южной Сибири. К 80-летию А. И. Мартынова. Вып. 26. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2012. С. 58–62.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М. : Наука, 1992. 493 с.

Субботин А. В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников). СПб., 2014. 154 с.

Сунчугашев Я. И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. М., 1975. 174 с.

Сунчугашев Я. И. Памятники горного дела и металлургии древней Хакасии. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1993. 112 с.

Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М. : Наука, 1966. 144 с.

Членова Н. Л. Отчет о работе Чулымского отряда Красноярской экспедиции в 1962 г. // С. В. Красиенко, А. В. Субботин. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. СПб., 2013. Приложение 10. С. 135–150.

Членова Н. Л. Тагарский курган на р. Изыкчуть // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 102. 1964. С. 119–126.

Хаврин С. В. Металл некоторых памятников Тувы в контексте металлургии Саяно-Алтая скифского времени // Вл. А. Семенов. Суглуг-Хем и Хайыракан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб., 2003. С. 211–214.

Хаврин С. В. Металл эпохи поздней бронзы нижнетейской группы памятников (Торгажак — Арбан — Федоров улус) // Евразия сквозь века. К 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. СПб., 2001. С. 117–125.

Хаврин С. В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб., 2000. С. 183–194.

Хаврин С. В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // Сборник научных трудов в честь 60-летия А. В. Виноградова. СПб. : Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 115–123.

Шер Я. А., Прокофьева А. М. Каменка I — могильник начала тагарской культуры на Енисее (предварительное сообщение) // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 107. 1966. С. 57–61.

REFERENCES

Bobrov V. V. Tagarskaia kul'tura v severnoi lesostepi [Tagar culture in the northern forest-steppe]. "Terra Scythica": *Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica"* [Terra Scythica: Proceedings of the International Symposium Terra Scythica]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2011. S. 11–22 (in Russian).

Bobrov V. V., Kuz'minykh S. V., Teneishvili T. O. *Drevniaia metallurgiiia Srednego Eniseia (lugavskaia kul'tura)* [Ancient metallurgy of the Middle Yenisei (Lugav culture)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 99 s. (in Russian).

Bogdanova-Berezovskaia I. V. Khimicheskii sostav metallicheskih predmetov iz Minusinskoj kotloviny [The chemical composition of metal objects from the Minusinsk Basin]. *Novye metody v arkheologicheskikh issledovaniiax* [New methods in archaeological research]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 115–159 (in Russian).

Vadetskaia E. B. *Arkheologicheskie pamiatniki v stepiakh Srednego Eniseia* [Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei]. L.: Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1986, 179 s. (in Russian).

Vadetskaia E. B., Subbotin A. V., Krasnienko S. V. *Ashpyl — nekropol' drevnego naseleniia severa Minusinskoj kotloviny* [Ashpil — the necropolis of the ancient population of the north of the Minusinsk Basin]. SPb.: IIMK RAN, 2018, 296 s. (in Russian).

German P. V. K voprosu o rannikh kompleksakh tagarskoj kul'tury v Mariinskoj lesostepi [On the question of early complexes of the Tagar culture in the Mariinsky forest-steppe] *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan]. Kazan', 2014. Vol. I. S. 88–91 (in Russian).

German P. V. K probleme periodizatsii tagarskoj kul'tury: etap i tip [On the problem of periodization of the Tagar culture: stage and type]. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Barnaule — Belokurikhe* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian archaeological congress in Barnaul — Belokurikha]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2017. Vol. II. S. 19–25 (in Russian).

German P. V. *Pogrebal'nye komplekсы rannego etapa tagarskoj kul'tury (sistematika i arkheologicheskaia interpretatsiia). Avtoref. dis. kand. istor. nauk* [Burial complexes of the early stage of the Tagar culture (taxonomy and archaeological interpretation). Ph. D. Thesis in History]. Kemerovo, 2007, 26 s. (in Russian).

Gosudarstvennaia geologicheskaja karta Rossiiskoi Federatsii. Masshtab 1:1 000 000 (tret'e pokolenie). Seriiia Altae-Saianskaia. List N-45 — Novokuznetsk: ob'iasnitel'naia zapiska [State geological map of the Russian Federation. Scale 1: 1,000,000 (third generation). Altai-Sayan series. Sheet N-45 — Novokuznetsk: explanatory note]. SPb.: Kartfabrika VSEGEI, 2007, 665 s. (in Russian).

Gosudarstvennaia geologicheskaja karta Rossiiskoi Federatsii. Masshtab 1:1 000 000 (tret'e pokolenie). Seriiia Altae-Saianskaia. List N-46 — Abakan: ob'iasnitel'naia zapiska [State geological map of the Russian Federation. Scale 1: 1,000,000 (third generation). Altai-Sayan series. Sheet N-46 — Abakan: explanatory note]. SPb.: Kartograficheskaja fabrika VSEGEI, 2008, 391 s. (in Russian).

Grishin Iu. S. Proizvodstvo v tagarskuiu epokhu [Production in the Tagar era]. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. M., 1960, no. 90. S. 116–207 (in Russian).

Gul'tov S. B. Nekotorye voprosy vnutrennei khronologii mogil'nika Ashpyl [Some questions of the internal chronology of the Ashpil burial ground]. *Drevnie kul'tury Evraziiskikh stepei po materialam arkheologicheskikh rabot na novostroikakh* [Ancient cultures of the Eurasian steppes based on the materials of archaeological work on new buildings]. L.: Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1983. S. 58–61 (in Russian).

Dorokhin I. V., Bogacheva E. N., Druzhinin A. V. *Mestorozhdeniia poleznykh iskopaemykh i ikh razvedka* [Mineral deposits and their exploration]. M.: Nedra, 1968, 302 s. (in Russian).

Krasnienko S. V., Subbotin A. V. *Arkheologicheskaiia karta Sharypovskogo raiona (Krasnoiarskii krai)* [Archaeological map of the Sharypovsky district (Krasnoyarsk Territory)]. SPb.: IIMK RAN, 1999, 114 s. (in Russian).

Krasnienko S. V., Subbotin A. V. *U Solgonskogo kriazha. Arkheologicheskie pamiatniki Uzhurskogo raiona (Krasnoiarskii krai): istoriia izucheniia i sovremennoe sostoianie* [Near the Solgonsky Ridge. Archaeological monuments of Uzhursky district (Krasnoyarsk Territory): history of study and current state]. SPb., 2013, 192 s. (in Russian).

Martynov A. I. K voprosu o proiskhozhdenii tagarskoi kul'tury [On the question of the origin of the Tagar culture]. *Izvestiia laboratorii arkheologicheskikh issledovaniï* [Bulletin of the laboratory of archaeological research]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izd-vo, 1967. Is. 1. S. 15–38 (in Russian).

Martynov A. I. *Lesostepnaia tagarskaia kul'tura* [The forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Sib. otd-nie izd-va Nauka, 1979, 208 s. (in Russian).

Martynov A. I. *Iagunia* [Yagunya]. Kemerovo, 1973, 317 s. (in Russian).

Martynov A. I., Bogdanova-Berezovskaia I. V. *Izdeliia iz bronzy i bronzoliteinoe proizvodstvo severo-zapadnogo raiona tagarskoi kul'tury* [Bronze products and bronze foundry in the northwestern region of the Tagar culture]. *Iz istorii Zapadnoi Sibiri* [From the history of Western Siberia]. Kemerovo, 1966. Is. I. S. 66–104 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi akademii nauk [Scientific archive of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences]. Fund R-1. File 10742 (in Russian).

Piatkin B. N. Nekotorye voprosy metallurgii epokhi bronzy Iuzhnoi Sibiri [Some questions of metallurgy of the Bronze Age of Southern Siberia]. *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri* [Archeology of Southern Siberia]. Kemerovo, 1977. Is. 9. S. 22–34 (in Russian).

Ravich I. G., Ryndina N. V. *Mysh'iakovo-nikelevye bronzy maikopskoi kul'tury Severnogo Kavkaza (osobennosti sostava, sposobov polucheniia, tekhnologii)* [Arsenic-nickel bronzes of the Maikop culture of the North Caucasus (features of composition, methods of production, technology)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archeology]. 2013. Is. 230. S. 84–98 (in Russian).

Savinov D. G. *Tagarskaia arkheologicheskaiia obshchnost'* [Tagar archaeological community]. *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri. K 80-letiiu A. I. Martynova* [Archeology of Southern Siberia. To the 80th anniversary of A. I. Martynov]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. Is. 26. S. 58–62 (in Russian).

Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia [Steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. M.: Nauka, 1992, 493 s. (in Russian).

Subbotin A. V. *Nelineinyi kharakter razvitiia tagarskoi kul'tury (po materialam monograficheskii raskopannykh mogil'nikov)* [The nonlinear nature of the development of the

Tagar culture (based on materials from monographically excavated burial grounds)]. SPb., 2014, 154 s. (in Russian).

Sunchugashev Ia. I. *Drevneishie rudniki i pamiatniki rannei metallurgii v Khakassko-Minusinskoj kotlovine* [The oldest mines and monuments of early metallurgy in the Khakass-Minusinsk depression]. M., 1975, 174 s. (in Russian).

Sunchugashev Ia. I. *Pamiatniki gornogo dela i metallurgii drevnei Khakasii* [Monuments of mining and metallurgy of ancient Khakassia]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo, 1993, 112 s. (in Russian).

Chernykh E. N. *Istoriia drevneishei metallurgii Vostochnoi Evropy* [History of the oldest metallurgy in Eastern Europe]. M: Nauka, 1966, 144 s. (in Russian).

Chlenova N. L. Otchet o rabote chulymskogo otriada krasnoiarsoj ekspeditsii v 1962 g. [Report on the work of the Chulym detachment of the Krasnoyarsk expedition in 1962]. Krasnienko S. V., Subbotin A. V. *U Solgonskogo kriazha. Arkheologicheskie pamiatniki Uzhurskogo raiona (Krasnoiarsskii kraj): istoriia izucheniia i sovremennoe sostoianie* [Near the Solgonsky Ridge. Archaeological monuments of Uzhursky district (Krasnoyarsk Territory): history of study and current state]. SPb., 2013. Application 10. S. 135–150 (in Russian).

Chlenova N. L. Tagarskii kurgan na r. Izykchul' [Tagarsky Kurgan on the river. Izikchul]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archeology]. 1964. Is. 102. S. 119–126 (in Russian).

Khavrin S. V. Metall nekotorykh pamiatnikov Tuvy v kontekste metallurgii Saiano-Altai skifskogo vremeni [Metal of some monuments of Tuva in the context of the metallurgy of the Sayan-Altai of the Scythian time]. Semenov V. A. *Suglug-Khem i Khayyrakan — mogil'niki skifskogo vremeni v Tsentral'no-Tuvinskoj kotlovine* [Suglug-Khem and Khayyrakan — burial grounds of the Scythian time in the Central Tuva depression]. SPb., 2003. S. 211–214 (in Russian).

Khavrin S. V. Metall epokhi pozdnei bronzy nizhneteiskoi gruppy pamiatnikov (Torgazhak — Arban — Fedorov ulus) [Metal of the Late Bronze Age of the Lower Netey group of monuments (Torzhazhak — Arban — Fedorov ulus)]. *Evraziia skvoz' veka. K 60-letiiu so dnia rozhdeniia D. G. Savinova* [Eurasia through the ages. On the occasion of the 60th anniversary of the birth of D. G. Savinova]. SPb., 2001. S. 117–125 (in Russian).

Khavrin S. V. Tagarskie bronzy [Tagar bronzes]. *Mirovozzrenie. Arkheologiya. Ritual. Kul'tura* [Worldview. Archeology. Ritual. Culture]. SPb., 2000. S. 183–194 (in Russian).

Khavrin S. V. Tagarskie bronzy Shirinskogo raiona Khakasii [Tagar bronzes of the Shirinsky region of Khakassia]. *Sbornik nauchnykh trudov v chest' 60-letii A. V. Vinogradova* [Collection of scientific papers in honor of the 60th anniversary of A. V. Vinogradov]. SPb.: Kul't-Inform-Press, 2007. S. 115–123 (in Russian).

Sher Ia. A., Prokof'eva A. M. Kamenka I — mogil'nik nachala tagarskoj kul'tury na Enisee (predvaritel'noe soobshchenie) [Kamenka I — the burial ground of the beginning of the Tagar culture on the Yenisei (preliminary report)]. *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii* [Brief reports of the Institute of Archeology]. 1966. Is. 107. S. 57–61 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 25.10.2021.

Принята к публикации 12.02.2022.

Дата публикации 30.06.2022.

УДК 903.2

DOI: 10.14258/nreur(2022)2–05

Р. О. Трапезов

Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия)

А. С. Пилипенко

*Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия);
Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

С. В. Черданцев

Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия)

М. А. Томилин

Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия)

И. В. Пилипенко

Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия)

А. А. Журавлев

Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия)

М. С. Пристяжнюк

Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия)

М. А. Демин

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)

И. А. Савко

*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия);
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)*

Д. В. Папин

*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия*

**ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ НОСИТЕЛЕЙ АНДРОНОВСКОЙ
(ФЕДОРОВСКОЙ) КУЛЬТУРЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ
ЧЕКАНОВСКИЙ ЛОГ-2, 10**

Распространение миграционной волны носителей андроновской (федоровской) культуры в первой половине II тыс. до н. э. является одним из ключевых факторов, оказавших влияние на дальнейшие этнокультурные процессы на юге Сибири. Данная работа продолжает цикл исследований, посвященных анализу структуры генофонда локально-территориальных андроновских популяций региона. Могильники Чекановский лог-2, 10 входят в число наиболее репрезентативных памятников андроновской культуры в плане численности палеоантропологических материалов, доступных для исследования методами палеогенетики. В работе обсуждаются первые результаты анализа серий образцов мтДНК (N = 22) и Y-хромосомы (N = 8) из двух могильников. Проведенный сравнительный анализ позволил предварительно установить общие черты генофонда мтДНК (доминирование западно-евразийских гаплогрупп, состав основных кластеров) и Y-хромосомы (однообразие мужского генофонда, представленного близкими по структуре вариантами гаплогруппы R1a1a) исследованных к настоящему моменту локально-территориальных групп андроновского населения Верхнего Приобья. Исследование продолжается в направлении увеличения численности отдельных локально-территориальных андроновских серий и увеличения числа серий, а также вовлечения отдельных образцов и материалов из небольших могильников.

Ключевые слова: андроновская (федоровская) культура, Южная Сибирь, Верхнее Приобье, могильник Чекановский лог-2, могильник Чекановский лог-10, палеогенетика, митохондриальная ДНК, Y-хромосома.

Цитирование статьи:

Трапезов Р. О., Пилипенко А. С., Черданцев С. В., Томилин М. А., Пилипенко И. В., Журавлев А. А., Пристяжнюк М. С., Демин М. А., Савко И. А., Папин Д. В. Первые результаты палеогенетического исследования носителей андроновской (федоровской) культуры из могильников Чекановский лог-2, 10 // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 87–104. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–05.

R. O. Trapezov

Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk (Russia)

A. S. Pilipenko

*Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk (Russia);
Altai State University, Barnaul, Russia*

S. V. Cherdantsev

Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk (Russia)

M. A. Tomilin

Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk (Russia)

I. V. Pilipenko

Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk (Russia)

A. A. Zhuravlev

Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk (Russia)

M. S. Priestyazhnyuk

Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk (Russia)

M. A. Demin

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

I. A. Savko

Altai State University, Barnaul (Russia); Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia); Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

D. V. Papin

Altai State University, Barnaul, Russia; Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

THE FIRST RESULTS OF THE PALEOGENETIC INVESTIGATION OF ANDRONOVSKAYA (FEDOROVSKAYA) CULTURE BURIALS FROM SITE CHEKANOVSKIY LOG-2, 10

Distribution of the migration wave of the carriers of the Andronovo (Fedorov) culture in the first half of the 2nd millennium BC. is one of the key factors that influenced further ethno-cultural processes in the south of Siberia. This work continues the series of studies devoted to the analysis of the structure of the gene pool of the local-territorial Andronovo populations of the region. The burial grounds of Chekanovsky log-2, — 10 are among the most representative sites of the Andronovo culture in terms of the number of paleoanthropological materials available for research by paleogenetic methods. The paper discusses the first results of the analysis of series of mtDNA (N=22) and Y-chromosome (N=8) samples from two burial grounds. The comparative analysis made it possible to preliminary establish the common features of the mtDNA gene pool (the dominance of Western Eurasian haplogroups, the composition of the main clusters) and the Y-chromosome (the uniformity of the male gene pool, represented by structurally similar variants of the R1a1a haplogroup) of the locally-territorial groups of the Andronovo population of the Upper Ob region studied to date. The research continues in the direction of increasing the number of individual local-territorial

Andronovo series and increasing the number of series, as well as involving individual samples and materials from small burial grounds.

Keywords: Andronovo (Fedorovka) culture, Southern Siberia, Upper Ob region, Chekanovskiy log-2 burial ground, Chekanovskiy log-10 burial ground, paleogenetics, mitochondrial DNA, Y-chromosome.

For citation:

Trapezov R. O., Pilipenko A. S., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Pilipenko I. V., Zhuravlev A. A., Priestyazhnyuk M. S., Demin M. A., Savko I. A., Papin D. V. The first results of the paleogenetic investigation of andronovskaya (fedorovskaya) culture burials from site Chekanovskiy log-2, 10. Nations and religions of Eurasia. 2022. Т. 27, № 2. P. 87–104. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–05.

Трапезов Ростислав Олегович, кандидат биологических наук, научный сотрудник Межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** Rostislav@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0483-530X>.

Пилипенко Александр Сергеевич, кандидат биологических наук, заведующий Межинститутской лабораторией молекулярной палеогенетики и палеогеномики Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** alexpil@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1009-2554>.

Черданцев Степан Викторович, младший научный сотрудник Межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** stephancherd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4384-3468>.

Томилини Матвей Алексеевич, младший научный сотрудник Межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** dogle.rus@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2616-8712>.

Пилипенко Ирина Викторовна, младший научный сотрудник Межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** pilipenkoiv@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8325-6719>.

Журавлев Антон Александрович, младший научный сотрудник Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** tos3550@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6169-0912>.

Пристяжнюк Мария Сергеевна, старший лаборант Института цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** mpriest@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9770-6381>.

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, заведующий УНИЛ Историческое краеведение Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес**

для контактов: mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>.

Савко Илья Андреевич, инженер-исследователь Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия); лаборант-исследователь Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета; старший лаборант УНИЛ Историческое краеведение Алтайского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** savko.ilia2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7463-7333>

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия); доцент Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** papindv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

Trapezov Rostislav O., Candidate of Biological Science, Researcher of Inter-Institute Laboratory of Molecular Paleogenetics and Paleogenomics, ICG SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** Rostislav@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0483-530X>.

Pilipenko Aleksandr S., Candidate of Biological Science, Head of Inter-Institute Laboratory of Molecular Paleogenetics and Paleogenomics, ICG SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** pilipenkoiv@bionet.nsc.ru, alexpil@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1009-2554>.

Cherdantsev Stepan V., Junior Researcher of Inter-Institute Laboratory of Molecular Paleogenetics and Paleogenomics, ICG SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** stephancherd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4384-3468>.

Tomilin Matvey Alekseevich, Junior Researcher of Inter-Institute Laboratory of Molecular Paleogenetics and Paleogenomics, ICG SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** dugle.rus@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2616-8712>.

Pilipenko Irina V., Junior Researcher of Inter-Institute Laboratory of Molecular Paleogenetics and Paleogenomics, ICG SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** pilipenkoiv@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8325-6719>

Zhuravlev Anton A., Junior Researcher, Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Prosp. Akademika Lavrentyeva, 10, 630090 Novosibirsk (Russia). **Contact address:** tos3550@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6169-0912>

Pristyazhnyuk Maria S., Senior Laboratory Assistant, Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** mprist@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9770-6381>.

Demin Mikhail Alexandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History, Head of the Research Institute of Local History, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). **Contact address:** mademin52@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>.

Savko Ilya Andreevich, research-engineer, Barnaul Laboratory of Archeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia); laboratory assistant-

researcher of the Laboratory for Interdisciplinary Study of Archeology of Western Siberia and Altai, Altai State University; laboratory assistant at UNIL Historical local history, Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia). **Contact address:** savko.ilia2016@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7463-7333>.

Papin Dmitry V., Candidate of Historical Sciences, Head of Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia); docent of the Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** papindv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>.

Введение

В первой половине II тыс. до н. э. масштабная миграционная волна привела к расселению носителей андроновской (федоровской) культуры в южных районах Сибири. Это популяционно-демографическое событие оказало ключевое влияние на этнокультурные процессы в регионе как в эпоху развитой бронзы, так и в последующие периоды. Наряду с многолетними исследованиями материальной культуры групп, входящих в состав андроновской этнокультурной общности, традиционными и современными методами археологии важнейшим аспектом исследования данного феномена является анализ популяционно-генетических аспектов. Этот анализ включает изучение генетического состава мигрировавших андроновских групп, а также характера их популяционно-генетического взаимодействия с аборигенным населением территорий, охватываемых андроновской миграцией.

Традиционным и высокоинформативным подходом изучения генетического состава древних популяций, в данном случае андроновских, является использование методов физической антропологии (краниометрия, краниоскопия, одонтология). К настоящему моменту выполнен обширный ряд популяционных исследований с использованием палеоантропологических коллекций андроновской (федоровской) культуры из различных районов южной части Сибири [Чикишева, Поздняков, 2003; Солодовников, 2005; Kozintsev, 2008; Tur, 2011; Зубова, 2012]. Наряду с этим в последние годы все большее распространение приобретают популяционные исследования методами палеогенетики. В частности, с использованием образцов от представителей андроновского (федоровского) населения Сибири был выполнен ряд работ различной направленности: от анализа отдельных информативных маркеров (мтДНК и /или Y-хромосома) [Keyser et al., 2009; Molodin et al., 2012; Молодин и др., 2013; Журавлев и др., 2017] до анализа методами высокопроизводительного секвенирования многочисленных маркеров аутосомного ядерного генома для небольшого числа представителей андроновской (федоровской) культуры в составе обширных в хронологическом и географическом отношении выборок [Allentoft et al., 2015].

Наряду с географически масштабными популяционно-генетическими исследованиями, направленными на грубую оценку места андроновского населения среди популяций Евразии эпохи бронзы [Allentoft et al., 2015], развивается и другой подход, конечной целью которого является реконструкция локальных популяционно-генетиче-

ских процессов, сопровождавших андроновскую миграционную волну в различных регионах ее распространения, понимание сложности ее структуры и системы популяционного взаимодействия мигрантов и аборигенных групп. Такое исследование выполняется, например, для Барабинской лесостепи [Журавлев и др., 2017; Молодин и др., 2013; Molodin et al., 2012; Молодин, 2016]. Учитывая очевидный факт выраженной специфичности характера взаимодействия мигрантов и аборигенных популяций в разных районах юга Сибири, большое значение приобретают исследования особенностей генетического состава локально-территориальных андроновских групп [Пилипенко, Папин, 2019; Трапезов и др., 2020].

В этом контексте большой интерес представляет анализ генетического состава локальных популяций андроновской (федоровской) культуры с территории Верхнего Приобья, так как через этот регион могли пролегать пути миграции андроновских популяций на территорию более северных и восточных районов юга Сибири. Базовым андроновским могильником и источником основной палеоантропологической серии для междисциплинарного исследования андроновского населения Верхнего Приобья длительное время являлся памятник Фирсово-XIV, расположенный в центре Фирсовского археологического микрорайона, в одном километре к северу от с. Фирсово в Первомайском районе Алтайского края (Правобережье Оби). Отличительными особенностями этого памятника являются большая численность исследованных андроновских комплексов (хотя необходимо отметить, что далеко не все палеоантропологические материалы из ранних этапов раскопок могильника доступны для исследования) и высокая сохранность палеоантропологического материала, а также ДНК в нем. Именно с могильника Фирсово-XIV было начато исследование генетического состава андроновского (федоровского) населения Верхнего Приобья [Кирюшин и др., 2015]. Эти исследования продолжаются [Журавлев и др., 2017; Пилипенко, Папин, 2019; Трапезов и др., 2020].

Многолетние исследования, проводимые силами Гилевской археологической экспедиции Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул), позволили сформировать еще один базовый микрорайон для исследования андроновского населения Верхнего Приобья, охватывающий верховья реки Алей. Здесь, в прибрежной зоне Гилевского водохранилища, исследованы андроновские (федоровские) могильники Чекановский лог-2, 10, содержащие суммарно более 150 погребальных комплексов [Демин, Ситников, 2007]. Хотя сохранность палеоантропологического материала в этих могильниках сильно варьирует и в среднем уступает могильнику Фирсово-XIV, антропологические коллекции из этих памятников входят в число наиболее численно репрезентативных среди всех андроновских серий региона.

После положительной оценки уровня сохранности ДНК в останках нескольких индивидов из могильников Чекановский лог-2, 10 [Трапезов и др., 2020], было принято решение о формировании репрезентативной серии образцов ДНК из этих памятников для проведения популяционно-генетического анализа данной локально-территориальной группы андроновского населения по маркерам митохондриальной ДНК (мтДНК) и мужской Y-хромосомы. Основа выборки палеоантропологических образцов была сформирована летом 2021 г.

В данной работе представлены первые предварительные результаты исследования генетического состава андроновского населения из могильников Чекановский лог-2, 10 по маркерам мтДНК и Y-хромосомы.

Материалы и методы

Выборка палеоантропологических образцов из могильников Чекановский лог-2, 10, сформированная для палеогенетических исследований. В дополнение к пяти образцам, использованным нами для первичной оценки степени сохранности ДНК в останках [Трапезов и др., 2020], летом 2021 г. были отобраны образцы от более 40 новых носителей андроновской (федоровской) культуры из этих памятников. Более 2/3 сформированной серии представлено материалами из могильника Чекановский лог-10, около 1/3 — из могильника Чекановский лог-2. 33 из них включены в исследование к настоящему моменту, для ~15 образцов работы будут выполнены позже. Все образцы, включенные в работу, представлены длинными костями конечностей и/или зубами относительно высокой степени сохранности. Следует подчеркнуть, что отбор образцов из палеоантропологических коллекций Алтайского государственного педагогического университета и Алтайского государственного университета был выполнен с участием специалистов — палеогенетиков, палеоантропологов и археологов, что позволило нам, с одной стороны, выбрать материал, потенциально наиболее перспективный в отношении сохранности ДНК, а с другой, учесть особенности археологического и антропологического контекста отобранных материалов. Сформированная в итоге серия палеоантропологических образцов из могильников Чекановский лог-2, 10 численно не уступает серии из другого базового андроновского могильника Верхнего Приобья — Фирсово-XIV.

Предварительная подготовка палеоантропологического материала и экстракция ДНК. Материалы после отбора из палеоантропологических коллекций были переданы в Межинститутскую лабораторию молекулярной палеогенетики и палеогеномики Института цитологии и генетики (ИЦиГ) СО РАН (Новосибирск). Все последующие процедуры предварительной деконтаминации материала и получения костного порошка, используемого для экстракции суммарной ДНК, выполняли в условиях чистой зоны, предотвращающих возможное загрязнение материала современной ДНК в процессе отбора образцов.

Кости и зубы механически очищали от загрязнений. Поверхность образцов обрабатывали раствором гипохлорита натрия и облучали ультрафиолетом. Поле этого поверхностный слой кости удаляли механически на глубину ~1–2 мм и высверливали костный порошок из внутреннего слоя компактного костного вещества. Зубы размалывали с помощью шаровой мельницы.

Для экстракции ДНК костный порошок инкубировали в 5М гуанидинизотионатном буфере при температуре 65 °С и постоянном перемешивании. Лизис порошка из зубов проводили с помощью раствора протеиназы К. ДНК выделяли методом фенол-хлороформной экстракции с последующим осаждением изопропанолом. Процедуру экстракции ДНК повторяли для каждого образца 2–4 раза.

Анализ структуры митохондриальной ДНК. Структуру мтДНК оценивали по последовательности первого гипервариабельного участка контрольного района (ГВС I мтДНК). Амплификацию ГВС I мтДНК проводили двумя разными методами: четы-

рех коротких перекрывающихся фрагментов посредством однораундовой ПЦР [Haak et al., 2005] и одного протяженного фрагмента с помощью вложенной двухраундовой ПЦР [Пилипенко и др., 2008].

Последовательности нуклеотидов определяли с использованием наборов реактивов ABI Prism BigDye Terminator Cycle Sequencing Ready Reaction Kit (Applied Biosystems, USA) версий v.1.1 и v.3.1. Севенирующую реакцию проводили согласно рекомендациям производителя набора. Продукты секвенирующей реакции анализировали на автоматическом капиллярном секвенаторе ABI Prism 3130XL Genetic Analyzer (Applied Biosystems, США) в центре коллективного пользования «Геномика» СО РАН (<http://sequest.niboch.nsc.ru>). Филогенетическое положение исследуемых структурных вариантов мтДНК носителей староалейской культуры устанавливали на основании существующей классификации вариантов мтДНК (www.phyloree.org) [Oven van, Kayser, 2009]. Филогеографический анализ исследованных вариантов мтДНК проводили с использованием базы данных по варибельности мтДНК в современных и древних популяциях Евразии, сформированной в ИЦиГ СО РАН из опубликованных в научной печати результатов, а также включающей банк результатов по варибельности мтДНК в древних популяциях Евразии, полученных в ИЦиГ СО РАН и готовящихся к публикации.

Определение половой принадлежности останков с помощью анализа полиморфизма участка гена амелогенина (параллельно с определением аллельного профиля 15 аутомных STR-локусов) проводили с использованием коммерческого набора реактивов AmpFlSTR® Identifier® Plus PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США) согласно инструкции производителя.

Анализ структуры Y-хромосомы проводили только для образцов от индивидов с генетически подтвержденным мужским полом и высоким уровнем сохранности ядерной ДНК. Структуру Y-хромосомы определяли по аллельному профилю 17 STR-локусов с помощью коммерческого набора реактивов AmpFlSTR® Y-filer® PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США) согласно инструкции производителя. Филогенетическую принадлежность исследованных STR-гаплотипов Y-хромосомы устанавливали с использованием программ-предикторов Haplogroup predictor (<http://www.hprg.com/hapest5/>) и Vadim Yurasin`s YPredictor 1.5.0 (<http://predictor.ydna.ru>), находящихся в свободном доступе.

Меры против контаминации и верификация результатов. Все работы с древним материалом выполнены на базе специальной инфраструктуры, оборудованной для палеогенетических исследований в межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН (Новосибирск, Россия). Меры против контаминации и процедуры верификации результатов описаны в наших предыдущих работах [Pilipenko et al., 2018a, б].

Результаты и обсуждение

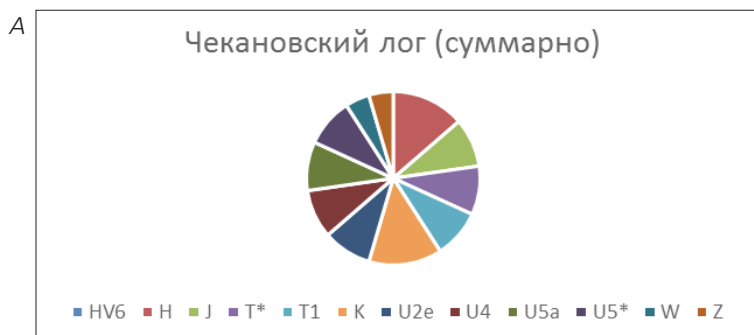
Оценка пробной серии образцов из могильников Чекановский лог-2, 10 (5 образцов) в 2020 г. показала потенциальную пригодность материалов для палеогенетического анализа [Трапезов и др., 2020], поэтому серия была существенно расширена (отбор более 40 дополнительных образцов/индивидов). Как мы уже отметили выше, материалы из рассматриваемых андроновских могильников демонстрируют разную сте-

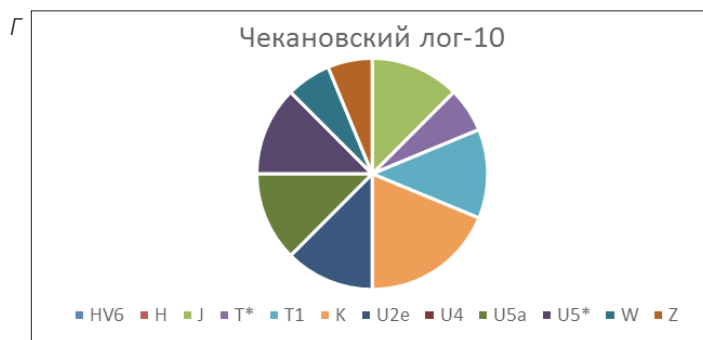
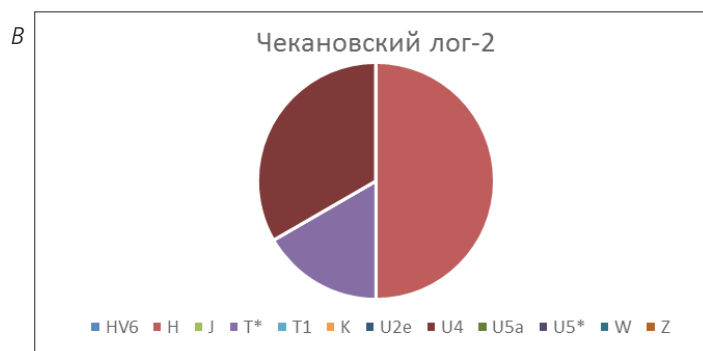
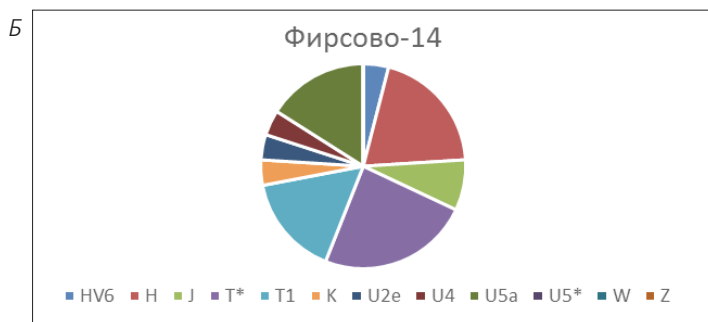
пень макроскопической сохранности — от высокой до крайне низкой, что, по-видимому, связано как с особенностями условий в конкретных погребальных комплексах, так и с условиями дальнейшего хранения различных составляющих палеоантропологической коллекции из этих могильников. Была успешно определена структура ГВСИ мтДНК для 23 образцов из 33, включенных в работу. Следовательно, доля образцов с успешно проанализированной структурой мтДНК превысила 2/3 выборки, что является достаточно высоким показателем. Помимо мтДНК, для восьми индивидов с определенной структурой мтДНК был успешно выполнен анализ аллельного профиля STR-локусов Y-хромосомы. Для всех образцов мтДНК и Y-хромосомы проведен филогенетический и предварительный филогеографический анализ исследованных структурных вариантов. Суммарную серию из могильников Чекановский лог-2, 10 мы сравнили с серией от другой локально-территориальной группы носителей андроновской культуры (из могильника Фирсово-XIV) и некоторыми инокультурными сериями, а также провели предварительный сравнительный анализ могильников Чекановский лог-2, Чекановский лог-10 между собой.

Генофонд митохондриальной ДНК

Суммарная серия образцов мтДНК из могильников Чекановский лог-2 и Чекановский лог-10 с определенной структурой ГВСИ мтДНК (N=23) сопоставима с серией из Фирсово-XIV (N=25). Филогенетическое положение однозначно определено для 22 из 23 образцов из могильников Чекановский лог-2, 10. Для одного образца требуется дополнительный анализ статуса филогенетически информативных позиций в кодирующей части мтДНК для однозначного установления его филогенетической позиции.

Рассмотрим основные характеристики исследованной серии образцов мтДНК. В составе суммарной серии мтДНК из могильников Чекановский лог-2, 10 абсолютно доминируют западно-евразийские гаплогруппы. В частности, нами выявлены варианты западно-евразийских гаплогрупп T, J, H, U2e, U4, U5a, U5, K, W (рис. А). Ранее подобная картина доминирования западно-евразийских вариантов мтДНК была установлена нами для серии мтДНК из могильника Фирсово-XIV (рис. Б) [Кирюшин и др., 2015; Журавлев и др., 2017; Трапезов и др., 2020]. Таким образом, абсолютное доминирование западно-евразийских вариантов в генофонде мтДНК является общей чертой пришедших андроновских популяций Верхнего Приобья, а не частной особенностью популяции, сформировавшей могильник Фирсово-XIV.

Состав и соотношение гаплогрупп мтДНК в составе серий образцов от представителей андроновского (федоровского) населения Верхнего Приобья: А – суммарная серия образцов мтДНК из могильников Чекановский лог-2, 10 (N=22); Б – серия образцов мтДНК из могильника Фирсово-ХIV; В – серия образцов мтДНК из могильника Чекановский лог-2 (N=6); Г – серия образцов мтДНК из могильника Чекановский лог-10 (N=16)

Composition and ratio of mtDNA haplogroups in a series of samples from representatives of the Andronovo (Fedorovsky) population of the Upper Ob region: А – a total series of mtDNA samples from Chekanovskii log-2, – 10 (N=22); Б – a series of mtDNA samples from the Firsovo-XIV; В – a series of mtDNA samples from the Chekanovskii log-2 (N=6); Г – a series of mtDNA samples from the Chekanovskii log-10 burial ground (N=16)

Состав западно-евразийских гаплогрупп мтДНК и их соотношение в генофонде схожи между различными локально-территориальными группами (при сравнении суммарной серии Чекановского лога-2, 10 с серией из Фирсово-ХIV, см. рис. А и Б). При этом это сходство наблюдается на уровне не только основных гаплогрупп и ряда их подгрупп, но и конкретных структурных вариантов (гаплотипов) мтДНК: чуть более половины структурных вариантов мтДНК, выявленных в Чекановском логе-2 и 10, присутствуют также и в серии из Фирсово-ХIV.

Однако нельзя утверждать, что сравниваемые локально-территориальные группы андроновского населения верховьев Алея и Барнаульского Приобья, локализованные на расстоянии сотен километров друг от друга, полностью схожи в структуре доминирующей западно-евразийской части их генофонда мтДНК. Существенные отличия в составе западно-евразийского компонента генофонда мтДНК локально-территориальных групп андроновцев заключаются в наличии различных минорных гаплогрупп мтДНК, относительном вкладе ряда основных гаплогрупп в генофонд и разнообразии их структурных вариантов. Так, по сравнению с Фирсово-ХIV в серии из Чекановского лога-2, 10 значительно снижена общая доля в генофонде и разнообразии вариантов гаплогруппы Т (менее 20% в исследованной серии по сравнению с ~40% в серии из Фирсово-ХIV).

Интересно, что сравнение серий из могильника Чекановский лог-2 и Чекановский лог-10 между собой свидетельствует об различиях в составе этих серий на уровне как некоторых основных гаплогрупп, так и структурных вариантов. Так, для могильника Чекановский лог-2 характерна высокая доля вариантов гаплогруппы Н, а для серии из памятника Чекановский лог-10 — гаплогрупп Т, U5, К. При этом в исследованных сериях из двух могильников пока что не обнаружено ни одного идентичного варианта мтДНК. При этом следует отметить, что наблюдаемые отличия на данном этапе исследования вполне могут объясняться не только и не столько отличиями групп лиц, сформировавших могильники, но и эффектом малых выборок. В частности, численность серии из Чекановского лога-2 составляет пока всего лишь 6 образцов с определенным филогенетическим положением.

Особого внимания заслуживает факт присутствия у одного из индивидов из могильника Чекановский лог-10 варианта восточно-евразийской гаплогруппы Z мтДНК. Этот вариант однозначно не является андроновским по происхождению. Отметим, что схожие по структуре варианты гаплогруппы Z, по нашим данным, присутствуют в лесостепной зоне юга Сибири (включая Барабинскую лесостепь) как минимум с эпохи раннего металла [Molodin et al., 2012; Молодин и др., 2013].

Обнаружение данного варианты в составе андроновской серии является первым свидетельством генетических контактов пришлого андроновского населения с аборигенными группами Сибири на территории Верхнего Приобья. Отметим, что на территории, например Барабинской лесостепи, вовлечение представителей аборигенного населения в генетические контакты с мигрантами носило массовый характер [Molodin et al., 2012; Молодин и др., 2013; Журавлев и др., 2017]. Таким образом, характер генетических взаимоотношений мигрирующих андроновских популяций и аборигенных групп, очевидно, существенно варьировал в разных районах юга Сибири.

Генофонд Y-хромосомы носителей андроновской культуры

Нам удалось определить полные или частичные профили 17 STR-локусов Y-хромосомы, достаточные для определения их филогенетического положения, для восьми индивидов мужского пола из могильников Чекановский лог-2, 10. При этом распределение исследованных образцов Y-хромосомы между двумя могильниками крайне неравномерно: лишь один из восьми индивидов относится к серии из Чекановского лога-2, остальные семь — из Чекановского лога-10. Тем не менее можно отметить, что генофонд Y-хромосомы андроновских популяций, сформировавших исследуемые могильники, характеризуется высокой однородностью: все исследованные восемь образцов относятся к одной и той же гаплогруппе R1a1a Y-хромосомы. При этом внутри этой серии можно констатировать отсутствие высокого разнообразия структуры аллельных профилей: они схожи как внутри серии из могильника Чекановский лог-10, так и с вариантом из Чекановского лога-2. Ранее аналогичная картина однообразия вариантов Y-хромосомы была установлена нами для андроновской (федоровской) серии из могильника Фирсово-XIV. Подобная ситуация также характерна для андроновских популяций Минусинской котловины [Keyser et al., 2009; Журавлев и др., 2017]. Таким образом, однородность генетического состава мужского населения и доминирование гаплогруппы R1a1a является общей чертой андроновских популяций, мигрировавших на территорию юга Сибири.

Филогенетическое положение мтДНК и Y-хромосомы в серии из восьми носителей андроновской (федоровской) культуры мужского пола из могильников Чекановский лог-2, 10

Phylogenetic position of mtDNA and Y-chromosome in a series of eight male carriers of the Andronovskaya (Fedorovskaya) culture from Chekanovsky log-2, 10

Могильник	Код образца (индивида)	Гаплогруппа мтДНК	Гаплогруппа Y-хромосомы
Чекановский лог-2	CL3	T*	R1a1a
Чекановский лог-10	CL5	U5*	R1a1a
Чекановский лог-10	CL18	U5a	R1a1a
Чекановский лог-10	CL20	J	R1a1a
Чекановский лог-10	CL22	T*	R1a1a
Чекановский лог-10	CL23	U5a	R1a1a
Чекановский лог-10	CL28	K	R1a1a
Чекановский лог-10	CL29	K	R1a1a

Таким образом, уже на данном этапе исследования нам удалось охарактеризовать в первом приближении структуру генофонда мтДНК и Y-хромосомы андроновского (федоровского) населения верховьев Алея, а также провести предварительный анализ с локальной андроновской популяцией из Барнаульского Приобья. Интегральный анализ всех данных о генофонде андроновского населения Верхнего Приобья будет выполнен на следующем этапе исследования. Помимо серий из базовых могильников Фирсово-XIV, Чекановский лог-2, 10, в него будут включены серия из могильника Рублево-

VIII, а также единичные образцы и небольшие серии из других андроновских памятников этого региона (Малаховский могильник, Манжиха-V и др.).

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФ № 20–18–00179. Использование специальной инфраструктуры ИЦиГ СО РАН для проведения палеогенетических исследований обеспечено за счет средств бюджетного проекта ИЦиГ СО РАН № 0259–2019–0010–С-01.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Демин М. А., Ситников С. М. Материалы Гилевской археологической экспедиции: Ч. I. Барнаул : БГПУ, 2007. 274 с.

Зубова А. В. Происхождение населения андроновской (федоровской) культуры Западной Сибири по одонтологическим данным // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 2 (17). С. 70–78.

Журавлев А. А., Пилипенко А. С., Молодин В. И., Папин Д. В., Поздняков Д. В., Трапезов Р. О. Генофонд мтДНК и Y-хромосомы андроновского (федоровского) и постандроновского населения Южной Сибири // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе: сборник научных статей : в 3 т. / отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. III. С. 37–39.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Тур С. С., Пилипенко А. С., Федорук А. С., О. А. Федорук, Фролов Я. В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 208 с.

Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А., Ромащенко А. Г., Журавлев А. А., Поздняков Д. В., Трапезов Р. О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н. э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.

Молодин В. И. Направления миграционных потоков в эпоху ранней — развитой бронзы. Барабинская лесостепь (по данным археологии, антропологии и палеогенетики) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 22–26.

Пилипенко А. С., Ромащенко А. Г., Молодин В. И., Куликов И. В., Кобзев В. Ф., Поздняков Д. В., Новикова О. И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича I Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №. 2. С. 57–67.

Трапезов Р. О., Черданцев С. В., Томилин М. А. Папин Д. В., Пилипенко А. С. Новые данные о генетическом составе андроновского населения юга Сибири (Верхнее Приобье и Кулунда) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2020. Т. XXVI. С. 671–677. DOI: 10.17746/2658–6193.2020.26.671–67.

Пилипенко А. С., Папин Д. В. Перспективы применения палеогенетического анализа в рамках биоархеологического исследования населения андроновской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 122–128.

Солодовников К. Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 127–147.

Чижишева Т. А., Поздняков Д. В. Население западно-сибирского ареала андроновской культурной общности по антропологическим данным // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3 (15). С. 132–148.

Allentoft M. E., Sikora M., Sjogren K. G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlstrom T., Vinner L., Malaspinas A. S., Margaryan A., Higham T., Chivall D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolar J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtchyan R., Moiseyev V., Paja L., Palfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrcka V., Soenov V. I., Szeverenyi V., Toth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Ponten T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. P. 167–172.

Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., Villems R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A. K., Burger J. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites // Science. 2005. Vol. 305. P. 1016–1018.

Kozintsev A. G. The “Mediterraneans” of Southern Siberia and Kazakhstan, Indo-European Migrations, and the Origin of the Scythians: A Multivariate Craniometric Analysis // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2008. № 4 (36). P. 140–144.

Molodin V. I., Pilipenko A. S., Romaschenko A. G., Zhuravlev A. A., Trapezov R. O., Chikisheva T. A., Pozdnyakov D. V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data / Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics, Berlin, 2012. P. 95–113.

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V. G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. *Human Genetics*, 2009, vol. 126, pp. 395–410. DOI: 10.1007/s00439-009-0683-0.

Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Babenko V. N., Nesterova M. S., Pozdnyakov D. V., Molodin V. I., Polosmak N. V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018a, vol. 13 (9): e0204062. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204062>.

Pilipenko A. S., Cherdantsev S. V., Trapezov R. O., Zhuravlev A. A., Babenko V. N., Pozdnyakov D. V., Konovalov P. B., Polosmak N. V. Mitochondrial DNA Diversity in a Transbaikalian Xiongnu Population. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2018b, vol. 10, no. 7. P. 1557–1570. DOI: 10.1007/s12520-017-0481-x.

Tur S. S. A Nonmetric Cranial Study of the Andronovo Series from the Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2011. № 1 (45). P. 147–155.

Oven M. van, Kayser M. Updated comprehensive phylogenetic tree of global human mitochondrial DNA variation. *Human Mutation*, 2009, vol. 30 (2). DOI: 10.1002/humu.20921. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18853457>.

REFERENCES

Demin M. A., Sitnikov S. M. *Materialy Gilevskoj arheologičeskoj jekspedicii* [Materials of the Gilev's archaeological expedition]. 2007, 274 s. (in Russian).

Zubova A. V. Proishozhdenie naselenija andronovskoj (fedorovskoj) kul'tury Zapadnoj Sibiri po odontologičeskim dannym [The origin of the population of the Andronovo (Fedorov) culture of Western Siberia according to odontological data] *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. Vol. 17, № 2 (17). S. 70–78 (in Russian).

Zhuravlev A. A., Pilipenko A. S., Molodin V. I., Papin D. V., Pozdnjakov D. V., Trapezov R. O. Genofond mtDNK i Y-hromosomy andronovskogo (fedorovskogo) i postandronovskogo naselenija Juzhnoj Sibiri [mtDNA gene pool and Y-chromosomes of the Andronovo (Fedorovka) and postandronovo population of Southern Siberia] *Trudy V (XXI) Vserossijskogo arheologičeskogo sezda v Barnaule — Belokurihe* [Proceedings of the V (XXI) All-Russian Archaeological Congress in Barnaul-Belokurikha]. Barnaul: Izd-vo Alt. Un-ta, 2017. Vol. III. P. 37–39.

Kiryushin Yu. F., Papin D. V., Tur S. S., Pilipenko A. S., Fedoruk A. S., Fedoruk O. A., Frolov Ya. V. *Funeral Rite of the Ancient Population of Barnaul Priobyje: Materials from Excavations in 2010–2011 of the Firsovo-XIV* [Pogrebal'nyj obrjad drevnego naselenija Barnaul'skogo Priob'ja: materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. 208 s. (in Russian).

Molodin V. I., Pilipenko A. S., Chikisheva T. A., Romashhenko A. G., Zhuravlev A. A., Pozdnjakov D. V., Trapezov R. O. *Mul'tidisciplinarnye issledovanija naselenija Barabinskoj lesostepi V–I tys. do n. je.: arheologičeskij, paleogenetičeskij i antropologičeskij aspekty* [Multidisciplinary studies of the population of the Baraba forest-steppe in the 5th — 1st millennium BC: archaeological, paleogenetic and anthropological aspects]. Novosibirsk, 2013. 220 s. (in Russian).

Molodin V. I. Napravlenija migracionnyh potokov v jepohu rannej-razvitoj bronzy. Barabinskaja lesostep' (po dannym arheologii, antropologii i paleogenetiki) [Directions of migration flows in the Early-Developed Bronze Age. Baraba forest-steppe (according to archeology, anthropology and paleogenetics)] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Bulletin of the Tomsk State University. History]. Vol. 42, № 4. S. 22–26 (in Russian).

Pilipenko A. S., Romashchenko A. G., Molodin V. I., Kulikov I. V., Kobzev V. F., Pozdnyakov D. V., Novikova O. I. Osobennosti zahoroneniya mladencev v zhilishhah gorodishha Chicha I Barabinskoj lesostepi po dannym analiza struktury DNK [Peculiarities of the burial of babies in the dwellings of the ancient settlement of Chicha I of the Baraba forest-steppe according to the analysis of the DNA structure] *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii*. [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Vol. 34, №. 2. S. 57–67 (in Russian).

Trapezov R. O., Cherdancev S. V., Tomilin M. A. Papin D. V., Pilipenko A. S. Novye dannye o geneticheskom sostave andronovskogo naselenija juga Sibiri (Verhnee Priob'e i Kulunda) [New data on the genetic composition of the Andronovo population in the south of Siberia (Upper Ob and Kulund)] *Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij*

[Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. XXVI. S. 671–677 (in Russian).

Pilipenko A. S., Papin D. V. Perspektivy primeneniya paleogeneticheskogo analiza v ramkah bioarheologicheskogo issledovaniya naseleniya andronovskoj kul'tury [Prospects for the application of paleogenetic analysis in the framework of the bioarchaeological study of the population of the Andronovo culture] *Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij* [Theory and Practice of Archaeological Research]. Vol. 28, № 4. S. 122–128 (in Russian).

Solodovnikov K. N. Antropologicheskie materialy iz mogil'nika andronovskoj kul'tury Firsovo XIV k probleme formirovaniya naseleniya Verhnego Priob'ja v jepohu bronzy [Anthropological materials from the burial ground of the Andronovo culture Firsovo XIV on the problem of the formation of the population of the Upper Ob region in the Bronze Age] *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. Vol. 6. S. 127–147 (in Russian).

Chikisheva T. A., Pozdnjakov D. V. Naselenie zapadno-sibirskogo areala andronovskoj kul'turnoj obshhnosti po antropologicheskim dannym [The population of the West Siberian area of the Andronovo cultural community according to anthropological data] *Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Vol. 15, № 3. S. 132–148 (in Russian).

Allentoft M. E., Sikora M., Sjogren K. G., Rasmussen S., Rasmussen M., Stenderup J., Damgaard P. B., Schroeder H., Ahlstrom T., Vinner L., Malaspina A. S., Margaryan A., Higham T., Chival D., Lynnerup N., Harvig L., Baron J., Della Casa P., Dąbrowski P., Duffy P. R., Ebel A. V., Epimakhov A., Frei K., Furmanek M., Gralak T., Gromov A., Gronkiewicz S., Grupe G., Hajdu T., Jarysz R., Khartanovich V., Khokhlov A., Kiss V., Kolar J., Kriiska A., Lasak I., Longhi C., McGlynn G., Merkevicius A., Merkyte I., Metspalu M., Mkrtychyan R., Moiseyev V., Paja L., Palfi G., Pokutta D., Pospieszny L., Price T. D., Saag L., Sablin M., Shishlina N., Smrcka V., Soenov V. I., Szeverenyi V., Toth G., Trifanova S. V., Varul L., Vicze M., Yepiskoposyan L., Zhitenev V., Orlando L., Sicheritz-Ponten T., Brunak S., Nielsen R., Kristiansen K., Willerslev E. Population genomics of Bronze Age Eurasia. *Nature*. Vol. 522. P. 167–172.

Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., VILLEMS R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A. K., Burger J. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites. *Science*. Vol. 305. P. 1016–1018.

Kozintsev A. G. The «Mediterraneans» of Southern Siberia and Kazakhstan, Indo-European Migrations, and the Origin of the Scythians: A Multivariate Craniometric Analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Vol. 36, № 4. P. 140–144.

Molodin V. I., Pilipenko A. S., Romaschenko A. G., Zhuravlev A. A., Trapezov R. O., Chikisheva T. A., Pozdnjakov D. V. Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, palaeogenetic and anthropological data / Population Dynamics in Pre- and Early History: New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics, Berlin, 2012. P. 95–113.

Keyser C., Bouakaze C., Crubezy E., Nikolaev V. G., Montagnon D., Reis T., Ludes B. Ancient DNA provides new insights into the history of south Siberian Kurgan people. *Human Genetics*, 2009, vol. 126. P. 395–410. DOI: 10.1007/s00439-009-0683-0.

Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Babenko V. N., Nesterova M. S., Pozdnyakov D. V., Molodin V. I., Polosmak N. V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018a, vol. 13 (9): e0204062. DOI: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204062>.

Pilipenko A. S., Cherdantsev S. V., Trapezov R. O., Zhuravlev A. A., Babenko V. N., Pozdnyakov D. V., Konovalov P. B., Polosmak N. V. Mitochondrial DNA Diversity in a Transbaikalian Xiongnu Population. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2018b, vol. 10, no. 7. P. 1557–1570. DOI: 10.1007/s12520-017-0481-x.

Tur S. S. A Nonmetric Cranial Study of the Andronovo Series from the Altai. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Vol. 45, № 1. Pp. 147–155.

Van Oven M., Kayser M. Updated comprehensive phylogenetic tree of global human mitochondrial DNA variation. *Human Mutation*, 2009, vol. 30 (2). DOI: 10.1002/humu.20921. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18853457>.

Статья поступила в редакцию: 20.11.2021.

Принята к публикации 15.05.2022.

Дата публикации 30.06.2022.

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 94 (5)

DOI: 10.14258/nreur(2022)2–06

В. В. Тишин

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ (Россия)

ПОНЯТИЕ QUT В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ: РЕВИЗИЯ ТРАКТОВОК

Предлагаемая статья посвящена пересмотру превалирующих в научной литературе взглядов на интерпретацию слова *qut* в памятниках древнетюркской письменности как некую субстанцию, даруемую кочевническому правителю Небом, связанную с концепцией верховной власти. В статье разбираются конкретные контексты употребления слов в памятниках, показано, что распространенная в современной литературе трактовка слова если и допустима для некоторых из них в отдельности, то в совокупности совершенно не обязательна. Автор статьи предлагает отойти от детерминизма и оценить те же контексты с трактовкой понятия *qut*, которая может быть почерпнута из этнографического материала. В итоге понимание *qut* в памятниках древнетюркской рунической письменности как «жизненной силы» или своего рода «энергии», которой могут быть наделены разные живые существа, не встретит никаких противоречий. Совершенно никак не влияет на интерпретацию слова его употребление в одном контексте с Небом и в отношении кагана, который, судя контекстам памятников, кроме как своими функциями, предполагающимися его положением, в остальном ничем не отличается от других представителей обществ древнетюркского круга.

Ключевые слова: древние тюрки, Тюркские каганаты, памятники древнетюркской рунической письменности, шаманизм, тюркские народы.

Цитирование статьи:

Тишин В. В. Понятие *qut* в памятниках древнетюркской рунической письменности: ревизия трактовок // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 105–120.
DOI: 10.14258/nreur(2022)2–06.

V. V. Tishin

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS,
Ulab-Ude (Russia)*

A TERM QUT IN THE MONUMENTS OF OLD TURKIC RUNIC WRITING REVISITED

The article proposed is devoted to the revision of the view on related to the interpretation of the word *qut* in the monuments of Old Turkic runic writing as a kind of substance that given to the nomadic ruler by the Heaven (divine charisma) and associated with the concept of supreme power. The paper examines the fragments contained the word *qut* in Old Turkic monuments to show that it's such interpretation prevailing in the scientific tradition can be acceptable for selected contexts, but unreasonable in general. The author of the article proposes to interpret them without a dependence imposed by theories. It is possible to analyze same contexts based on the ethnographic data. As a result, it looks quite adequate the understanding of *qut* in the monuments of Old Turkic runic writing as “vital force” or a kind of “vital energy”, maybe “health indicator”, that is a characteristic which all living things possess. It should not at all affect the interpretation of the word analyzed the use of it both in the same context with mentions of *Tänri* (‘Heaven’) and in combinations with the word *qaghan*. At least, following the contexts of the monuments in general, a *qaghan*, with the exception of his functions implied by his position, is otherwise no different from other representatives of the societies of Early Turks.

Keywords: Early Turks, Türkic Qaghanates, monuments of Old Turkic runic writing, shamanism, Turkic peoples

For citation:

Tishin V. V. A term qut in the monuments of old turkic runic writing revisited. Nations and religions of Eurasia. 2022. Т. 27, № 2. P. 105–120. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–06.

Тишин Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ (Россия). **Адрес для контактов:** tihij-511@mail.ru.

Tishin Vladimir Vladimirovich, candidate of Historical Sciences, senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, Ulan-Ude (Russia). **Contact address:** tihij-511@mail.ru

Введение

Для изучения истории степной Евразии хронологический период, который может быть обозначен как древнетюркская эпоха (середина VI — первая четверть X в.)¹, имеет особое значение. Прежде всего по той причине, что с ним связано появление и распространение письменных памятников, происходящих непосредственно из среды кочевнических сообществ — о самих себе, на их собственном языке. Это памятники древнетюркской рунической письменности (далее — ПДРП). Большое значение эти тексты имеют для изучения внутренней жизни кочевнического общества, поскольку позволяют взглянуть на него с позиции инсайдера, а не через призму мировоззренческих установок и стереотипов, характерных для представителей оседло-земледельческих обществ, выступавших в качестве стороннего наблюдателя и подверженных влиянию собственных историографических традиций. ПДРП являются первыми из известных на сегодня науке письменных памятников тюркских языков. Соответственно, в них впервые регистрируется лексика, известная в дальнейшем в словарном фонде языков тюркской группы или в качестве заимствований в других языках. Давно сложилась традиция, согласно которой интерпретация социально-политической терминологии, выявляемой в ПДРП, определяет подходы к изучению общественных процессов и явлений в степных кочевнических обществах.

Одним из ключевых понятий, фиксируемых в ПДРП, является *qut*. Как оказалось, интерпретация этого слова, на которое не обращали значительного внимания первые исследователи ПДРП, т. е. ни В. Томсен, ни В. В. Радлов, ни П. М. Мелиоранский, оказалась определяющей для восприятия в позднейшей исследовательской среде некоторых механизмов социально-политических отношений, сужествующих среди степных кочевнических обществ.

С некоторого времени в современной научной литературе о древних тюрках, как и кочевнических обществах вообще, господствует представление о том, что «с понятием Неба тесно связан термин *qut* — обозначение некой благой силы, которую Небо дарует своему избраннику-монарху» [Рухлядев, 2005: 191].

В условиях ограниченности объемов публикации мы избежим перечисления конкретных примеров², к тому же история вопроса неоднократно рассматривалась в исследовательской литературе (см. дискуссии: [Bombaci, 1965: 284–285; Mori, 1981: 57–58; Рухлядев, 2005: 191–193], а также другую литературу [Doerfer, 1967: 551–554]).

Ранее мы попытались обратить внимание на сложность этой проблемы [Тишин, 2021], поэтому в данной статье представим нашу аргументацию в развернутом виде.

Понятие *qut* в научной традиции и в материалах этнографии

В европейской науке, видимо, В. Котвич наиболее подробно анализировал эту проблему, обосновывая для слова *qut* первенство значения «*âme*» среди всех других извест-

¹ Здесь и далее под категорией «древние тюрки» / «древнетюркский» мы объединяем исторические сообщества, существовавшие как часть населения политических образований, связываемых с господством племен, известных под именами *тюрк*, *уйгур*, *кыркыз* и др., для которых на основе письменных памятников можно установить принадлежность к тюркской языковой группе.

² В качестве показательного примера можно указать статью П. Б. Голдена, где концепту *qut* уделено значительное внимание [Golden, 2006: 42–44, 46, 49].

ных [Kotwicz, 1934: 147; 1949: 193–195]. Ж.- П. Ру, отмечая обычно даваемый для орхонских памятников перевод *qut* как “bonheur”, “fortune”, выступил за основное значение именно как “*vialique de vie*”, “une “*âme*” d’origine divine” [Roux, 1962a: 23]. Он признавал, что никакие контексты в этих памятниках не позволяют однозначно сказать об этом, потому такое значение выявляется только по данным этнографии, а в орхонских памятниках мы можем видеть “*le viatique de vie, venu de Tängri et retournant à Tängri*” [Roux, 1962b: 216–217]. А. Бомбачи в специальной работе отмечал контекстуальные значения “fortune”, “blessing”, “good omen” и также “soul”, придя к мнению, что первичным значением является “vital principle” [Bombaci, 1966: 33–35]. Исследователь привлек этнографические свидетельства, признавая, что мы располагаем такими значениями в алтайском и якутском языках [Bombaci, 1966: 30–32]. Мори Масао тоже отмечал значение слова *qut* “vital principle, soul” как основное [Mori, 1981: 59]. Разница взглядов этих двух исследователей в том, что, согласно мнению А. Бомбачи, в итоге *qut* получает значение «royal fortune», согласно М. Мори — “the charisma which is imparted (distributed or sent) from Heaven the Deity to human beings, especially the sovereigns” [Mori, 1981: 72, 74]. Оставляя в стороне дискуссии о влиянии китайских или иранских концепций на представления о некоей субстанции, связанной с выделением властителя, которые обсуждаются в цитированных работах, обратимся к этнографическому материалу.

Согласно исследованиям Н. А. Алексеева, первичное значение слова *кут* «жизненная сила». Материал, касающийся якутов, алтайцев, телеутов, хакасов, показывает, что *кут* считался изначально неотделимой частью человека, лишь впоследствии возникли представления о возможности «похищения» *кут* злыми духами. У разных народов *кут* даруется разными божествами или духами. При этом *кут*, например, у якутов обладали и животные, и птицы (а у южных алтайцев еще цветы и травы), что может отсылать к тому периоду, «когда люди не выделяли себя из окружающего мира» [Алексеев, 1980: 126–137, 306, 307]. Эти же данные подтверждают сведения, которые собрал Абдюлькадир Инан. Так, по якутской традиции уход *кут* не обязательно подразумевает следующую за этим смерть, а согласно воззрениям алтайцев *кут* могут быть наделены даже неодушевленные предметы [İnan, 1986: 176–177]. Подобные (и даже более многочисленные и подробные) сведения касательно тюркских народов приведены Л. П. Потаповым, пришедшим в итоге к выводу, что понятие *кут* обозначало прежде всего «двойника человека», или, как говорит в одном месте сам исследователь, «индикатор жизни». Советский этнограф к тому же не видел противоречия такой трактовке в орхонских надписях [Потапов, 1991: 33–46].

Согласно ЭСТЯ, преобладающим значением *кут* является «жизненная сила [человека, животного, растения]», «жизнь», «дух, душа», при этом не только в алтайском, телеутском, хакасском и якутском, но также кыргызском, каракалпакском, ногайском, татарском, тувинском и чувашском языках; хотя образование *кут-лыг* и глагол *кут-ла* будто бы «косвенно свидетельствуют о былом более широком распространении *кут* в значении «счастье» [Этимологический словарь, 2000: 179–181]. На имя *qutlu* обращал внимание в этом отношении и А. Бомбачи, допуская, что здесь мы можем подразумевать у основы значение “fortune”, а в составе титулов — “Majesty”, “Excellence” [Bombaci, 1965: 285–287; 1966: 15–17]. В титуле *ıdıq qut* (resp. *ıdoq qut*), безусловно, присутствует некий

намек на наделение его обладателя каким-то священным свойством, а в эпитете *täyridä qut*, составляющем элемент титулатуры уйгурских каганов, аффикс *-dä* обладает значением не местного, а исходного падежа, что, соответственно, намекает на происхождение *qut* от Неба [Bombaci, 1966: 13–15]. Лингвистические и этнографические свидетельства о *qut* сведены см. также: [Сравнительно-историческая грамматика, 2006: 592–597].

Перечень значений, известных из разных тюркских языков, не может быть формально использован для интерпретации контекстов письменных памятников, подразумевающих наличие конкретно-исторического контекста. Мы покажем, что интерпретация слова *qut* в памятниках древнетюркской рунической письменности неочевидна, а та, что имеет распространение в научной литературе, определяется лишь заочно выбранной смысловой нагрузкой.

Слово *qut* в монументальных памятниках древнетюркской рунической письменности (ПДРП)

Рассмотрим все контексты крупнейших ПДРП, содержащие слово *qut*, специально оставив его без перевода (обозначим их для облегчения дальнейшей работы с ними соответствующими индексами [к1], [к2], [к3] и т. п.). Переводы осознанно даются нами выполненными буквально, в неадаптированном виде, сохраняя по возможности синтаксис языка-оригинала.

[к1] КТ, Хб, стк. 9 = БК, Хб, стк. 7¹:

Транскрипция: *täyri jarliq (q) adoqin ücün özüm qutum bar ücün qayan olortum*

Перевод: «Небо соблаговолило поскольку (и) собственный² *qut* (мой) есть поскольку, каганом воссел [править] (я)».

[к2(а)] КТб, стк. 29:

Транскрипция: *täyri jarliq (q) azu ücün qutum bar ücün ülügüm bar ücün öltäci bodunuy turgürü igit (t) im jalañ bodunuy tonluñ čiyañ bodunuy baj qiltim az bodunuy üküš qiltim*

Перевод: «Небо да соблаговолит поскольку, (и) *qut* (мой) есть поскольку, (и) судьба³ (моя) была поскольку, могущий умереть народ собрав, накормил (я), нагой народ одетым, бедный народ богатым сделал (я), немногочисленный народ многочисленным сделал (я)».

[к2(б)] БК, X, стк. 23–24 (текстуально совпадающий с цит. выше КТб, стк. 29, но не идентичный ему фрагмент):

Транскрипция: *täyri jarliq (q) adoq ücün qutum ülügüm bar ücün öltäci bodunuy turgürü igit (t) im jalañ bodunuy tonluñ qiltim čiyañ bodunuy baj qiltim /24/ az bodunuy üküš qiltim*

Перевод: «Небо соблаговолило поскольку, (и) *qut* (мой), и судьба (моя) есть поскольку, могущий умереть народ собрав, накормил (я), нагой народ одетым сделал (я), бедный народ богатым сделал (я), (24) немногочисленный народ многочисленным сделал (я)».

Комментарий: Из этих контекстов [к1] и [к2] совершенно не вытекает, что *qut* как-то связан с промыслом Неба: благоволение Неба и наличие *qut*, синтаксически

¹ Расшифровка названий памятников приводится в конце статьи.

² См. иные трактовки в связи с иным пониманием *öz+üm*: [Кононов, 1980: 209; Şirin User, 2009: 44–45].

³ О слове *ülüğ* как «судьба, доля, рок» см.: [Кляшторный, 2003: 330–331; Şirin User, 2009: 104]; о разных трактовках сочетания *qut ülüğ* см.: [Рухлядев, 2005: 193–195].

обозначенные здесь как однородные обстоятельства, преподносятся как независимые друг от друга свойства. Точно так же Небо помогло, «дав силу» (*tänri küč birtök ücün*), победить врагов Эльтериш кагану (КТб, стк. 12 = БК, X, стк. 11), аналогично, благодаря благоволению Неба (*tänri jarliq (q) adoq ücün*), побеждал и покорял врагов Бильге каган (КТб, стк. 15 = БК, X, стк. 13; БК, X, стк. 34).

[к3] КТб, стк. 31:

Транскрипция: *umaj täg ögüm qatun qutiña inim küil tigin är at bulti*

Перевод: «(от)¹ Умай подобной матери (моей) катун *qut* (ее)², младший брат (мой) Кюль тегин мужское имя (его) обрел (он)».

Комментарий: Этот контекст, несмотря на некоторую дискуссионность в понимании, кажется, еще больше намекает на связь понятия *qut* с рождением. Супруга кагана, *катун*, названа здесь «подобной Умай» (*umaj täg*), божеству плодородия и покровительнице детей, символизирующей женское начало [Потапов, 1973]. С одной стороны, сравнение кагана с Небом и уподобление катун Умай породило в историографии представления четы кагана и катун как земной ипостаси небесной пары Неба/Тэнгри и Умай [Кляшторный, 2003: 318, 334]. С другой стороны, контекст надписи может быть истолкован исходя из этнографического материала — как указание здесь на мать Бильге кагана и Кюль тегина в качестве получившей проникновение в себя духа Умай в ходе соответствующего ритуала и ставшей ее воплощением [İnan, 1986: 36, 38–39]. О некоторой самостоятельности культа Умай в древнетюркский период говорит и ее упоминание наравне с Небом и Землей-Водой в надписи Тоньюкука (Тон, II, Зап, стк. 3 (38)).

[к4] БК, X, стк. 35:

Транскрипция: *üzä täñri ïdoq jer sub [äcüm q] ayan quti taplamadi ärinč toquz oyuz bodun jerin subin idip tabyaçyaru bardı*

Перевод: «Наверху Небо (и) Священная Земля-вода *qut* (их) дяде (моему) кагану не предоставили (они), оказалось; *токуз огуз* (ский) народ землю (и) воду (его) оставив, в направлении табгачей двинулся (он)»³.

Комментарий: Как видно из контекста [к4], *qut* прямо даруется божествами Небом и Священной Землей-водой. Но сам контекст находит отголоски в других источниках. Здесь речь идет о Капган кагане, или Мо-чо 默曷 китайских источников. Согласно «Синь Тан шу» (СТШ, цз. 215а), его правление увенчалось восстанием покоренных племен *кидань* и *си* 奚: «потому что плохо обращался со своими (букв. его) подданными (ся 下), а также потому что, становясь преклонных лет, еще больше стал тираном, племена (бу-ло 部落) взбунтовались» (因虐用其下既年老愈昏暴部落怨畔) (цит. по: [Цзнь Чжун-мянь, 1958: 630]). В более ранних текстах можно найти такую характеристику правления Капган кагана: «полагаясь на военную мощь, жестоко угнетал его народ; Мо-чо поскольку старел, племена постепенно все больше рассеивались» (自恃兵威虐用其眾默曷既老部落漸多逃散) (ТД, цз. 198; ЦТШ, цз. 194а; ТПХЮЦ, цз. 196; все

¹ Об использовании аффикса *+(s)lŋA* в подобных конструкциях см. : [Erdal, 2004: 164].

² См. обсуждение: [Vombaci, 1965: 290; Mori, 1981: 66–67].

³ Поскольку речь идет о Капган кагане, Ж.-П. Ру полагал, что эта фраза о непредоставлении *qut* подразумевает кагана-узурпатора [Roux, 1959: 239].

тексты цит. по: [Цэнь Чжун-мянь, 1958: 548, 571, 599]). В ЦЧТЦ (цз. 211, с. 136)⁴ такая фраза пересекается с этим контекстом: «тюркский каган Мо-чо старел, выживал из ума, [становился] бессмысленно жестоким все больше» (突厥可汗默啜衰老昏虐愈甚). Эти указания подтверждают возможность трактовки *qut* как «жизненная сила», «жизненная энергия», «жизненный потенциал»: можно понимать, что каган, который до того предстает в источниках как энергичный деятель и успешный полководец, в итоге теряет некую «жизненную энергию», впад в недееспособность, что привело к восстаниям в собранных им владениях.

Однако значение неудачной военной кампании в Среднюю Азию для правления Капган кагана иногда гипертрофируется (см., напр.: [Кляшторный, 2003: 113; Dobrovits, 2005a: 184]). Сам каган в походе против тюргешей не участвовал, вынужденно прервав его в самом начале из-за смерти жены (Тон, I, Сев, стк. 7–8 (31–32)). Поход, направленный против тюргешского кагана, предстающего как возглавлявшим «народ Десяти стрел», привел тюрков за Сыр-Дарью и, как видно из надписи Тоньюкука (Тон, II, Южн, стк. 1–4 (45–48)), ситуативно вылился в помощь пригласившим их согдийцам. Восстания подвластных племен могли быть стимулированы тем, что основные силы тюрков увязли на западе, в то время как сам каган оставался в Монголии, где его суровая политика в отношении подчиненных народов уже начинала становиться для них тягостной. Возможно, самым простым объяснением является то, что «управлять такой машиной Мочжо уже был не в силах» по причине возрастных изменений [Зуев, 2002: 83]. В смерти Капган кагана Хушо-Цайдамские надписи упрекают «тюркский народ» (КТб, стк. 24 = БК, X, стк. 20).

[к5] О, стк. 7–8:

[...] ... *jorijin sü sülajin* (8) *qajim šad anča ötünmiš täjrikän al [qin] mazun tejin bodun anta qut ärmäzkä tušmazun (?) tejin ...*

«[...] ... выдвигаясь, войско ведя, отец (мой) *šad* так (им образом) обратился: «Тэнгрикэн да не погибнет», говоря, «народ тогда с [состоянием] *qut* отсутствия да не встретится», говоря...» [Ölmez, 2016: 52, 53].

Здесь рассказано о противостоянии с превышавшими по численности врагами. Нечто, обозначаемое словом *qut*, предстает, скорее, какой-то собственной внутренней характеристикой индивида или коллектива, имеющейся в дополнение к тому, что еще дает Небо (см. выше).

[к6] ОБ II, стк. 6–10:

(6) *kök täjridä* (7) *qutum jujqa* (8) *bolti jayiz* (9) *jerdä jolim* (10) *qışya bolti*

«(6) на синем небе (7) *qut* (мой) тонкий (8) был (он), на бурой (9) земле путь (мой) (10) короткий был (он)».

Эта фраза здесь, во Второй Карабалгасунской надписи (стк. 6–10), позволяет дополнить известные контексты слова *qut* в орхонских памятниках и углубить их понимание. Как видно из цитированного текста, прерывание жизненного пути героя как-то связа-

⁴ Пагинация указана по изданию «Цинь-дин сы ку цюань-шу хуэй яо» 欽定四庫全書蕃要 («Избранное из „Высочайше утвержденного полного собрания книг по четырем разделам“»).

но с тонким состоянием его *qut* [Alimov, 2015: 31, 33]¹. Последнее здесь, конечно, правильное толковать не как «благодать», «харизма» или что-то в этом роде, а, скорее, «жизненная сила», «жизненная энергия», «жизненный потенциал». Такая трактовка и два цитированных упоминания в Хушо-Цайдамских памятниках об одном и том же явлении (КТб, стк. 24 = БК, X, стк. 20 и БК, X, стк. 35 [к4]) не противоречат друг другу, равно как и согласуются с истолкованием описанных там событий в СТШ. В совокупности они указывают на то, что каган, бывший храбрым и, несомненно, «накормивший» народ, в итоге растерял некую «жизненную энергию», впав в недееспособность, что привело к восстаниям в собранных им владениях. При этом сам его народ проявил «неразумие» и «скверность», поэтому каган погиб.

Слово *qut* в других памятниках древнетюркской рунической письменности

Среди ПДРП, где еще слово *qut* упоминается, не все контексты достаточно репрезентативны, поэтому обратим внимание на те из них, которые могут дать какую-то значительную информацию для интерпретации.

В одной из надписей Хойто-Тамир упомянуто выражение *tänridä qut bulmiš* (ХТ VII, стк. 2)², что Э. Айдын читает как *tänridä qut bulmiš*, но ниже есть еще $k^2 < \dots > r^2 < \dots > qut tänri qutluu bolzun$ (стк. 4) [Ayдын, 2017: 5]. Представляется, что и в стк. 2 нужно видеть слово *bol-*, а не *bul-*.

В другой надписи (ХТ XIV, стк. 4) есть фраза (4) *beş baliq (q) a barir* (5) *biz* <2 тамги> *qutluu* (6) *bolzun* [Ayдын, 2017: 8–9], т. е. «(4) в/на Бешбалык выдвигаемся (5) мы; обладатель *qut* (6) да пребудет».

Третья интересная надпись, где также говорится о походе на Бешбалык, содержит фразу *qut bulzun ali barzun* (ХТ XVI, стк. 4), что в переводе Э. Айдына «*kut bulsun, aliversin*» [Ayдын, 2017: 10]. По нашему мнению, вернее читать второе слово как *bolzun*, с общим переводом «*qut* да будет! взяв [его], да двинется [в путь] (он)!».

В «Ырк битиг» содержатся указания на то, что *qut* даруется Небом (ЫБ, II, XV, XLVII), А. Бомбачи приводит ряд примеров из других памятников, когда это свойство может быть связано и с объектами местности [Bombaci, 1966: 17–19].

В «Ырк битиг» имеется место, где Небесный *qut* (падежн. *tänri qutinta*) могут получить три вида живых существ (ЫБ, XV): *quš oyli*, букв. «сын(ы?) птичий(-и?)», т. е. птица(-ы?); *kijik oyli*, букв. «сын(ы?) [дикого(-их?)] зверя(-ей?)», т. е. дикое(-ие?) животное(-ые?); *kiši oyli*, букв. «сын(ы?) человеческий(-ие?)», т. е. человек (люди?) [Tekin, 1993: 12 (транскрипция)]³.

Следует обратить внимание на еще один контекст из этого памятника (ЫБ, XXXVI): *üküş atlıy ögrünçün joq qobi atlıy qorqinçün joq uçruylu qutuñ joq tir ança bilinlär ariy jablaq ol* «[хотя] многими верховыми конями обладающий [ты,] радости (твоей) нет, [хотя] ничемным [количеством?] верховых коней обладающий [ты,] боязни (твоей) нет, [хотя]

¹ Впрочем, по мнению А. Рона-Таш, этот случай употребления *qut* все же вполне вписывается в представления о связи этого понятия с благодатью правителя, получаемой им Свыше [Róna-Taş, 1999: 150].

² Нумерация памятников дается по изданию: [Ayдын, 2017].

³ См. еще комментарий: [Erdal, 1997: 77, 79 ('by the grace of Heaven')]; ср.: [Yıldırım, Ayдын, Alimov, 2013: 365–366].

поднявший знамя (войны?) [ты,] *qut* (твоего) нет, говорят; так знайте: дурное, негодное [предсказание] это»⁴. Здесь наличие *qut* выступает среди неких внутренних характеристик индивида, которые должны логически вытекать из описанных конкретных обстоятельств как положительный итог.

Заключение

Как было видно из цитированных фрагментов, перевод слова *qut* как «благодать» или «харизма», если заочно исходить из такого понимания, возможен, но лишь в некоторых контекстах, в этом ничем не уступая предпочитаемой первыми исследователями ПДРП трактовке слова в значении «удача». Как представляется, весь древнетюркский материал вполне соответствует этнографическим данным, где, во-первых, *qut* не обязательно дается Небом, во-вторых, им обладают кроме человека и иные живые существа. Следовательно, при упоминании в орхонских надписях *qut* у каганов не обязательно акцентировать внимание на его соседстве с *tänri*, просто приняв то, что, следуя древнетюркским воззрениям, *qut* сам по себе зависит от Его воли в любом случае.

Таким образом, из ПДРП абсолютно не вытекает однозначная трактовка *qut* как некой особой субстанции или энергии («харизмы»), даруемой Небом кагану (или династии), связанной с концепцией верховной власти. Понимание обладания *qut* каганом ничем не выделяется из наших знаний о том, что представлял собой *qut* у тюркских народов вообще.

Необязательно, что так в представлениях древних тюрков было всегда, но такие контексты как раз вписываются в наблюдения Ж.-П. Ру о двух циклически сменяемых друг друга формах существования или уровнях «религии» тюркских и монгольских кочевников: когда «имперский» уровень, соотносимый с периодами существования крупных политических образований, характеризуется тенденцией к особому выделению Неба среди прочих представителей пантеона [Roux, 1962a: 7, 20].

Для подкрепления наших выводов добавим такое наблюдение, требующее, конечно, более развернутой аргументации, но можно считать, что это своего рода резюме известных вещей.

Представления о существовании божеств именно на племенном, своего рода «национальном» уровне, известно по ПДРП: *üzä /10/ tür^{ik} tänri tür^{ik} (~ БК: выпущено) idoq jiri (11) subı anča timiş ärinč tür^{ik} bodun joq bolmazun tijin bodun bolčun tijin qanım ilteriş qayanıy ögüm ilbilgä qatunıy tänri töpäsintä tutup jügürü kötürmiş (~БК: kötürti) ärinč (КТб, стк. 10–11 = БК, X, стк. 9–10): «Наверху /10/ тюркское Небо и тюркская (~ БК: выпущено) Священная Земля- (11) вода тогда сказали, оказалось: «Тюркский народ да не перестал быть чтобы, народ да был чтобы!», — отца (моего) Эльтериш кагана и мать (мою) Эльбилге катун Небо почтило и возвысило, оказалось».*

Становящийся во главе эля каган в ПДРП в идеале «мудрый» и «храбрый» (КТб, стк. 3 = БК, X, стк. 4). Наличие обоих качеств желательно, но на практике не обязательно — каган может быть «храбрым», но его, например, дополняет советник, который «мудрый» (Тон, I, Южн, стк. 3 (10); Тон, I, Вост, стк. 4 (21); Тон, I, Сев, стк. 5 (29)). Не исключается возможность и самих каганов в противоположность этим идеалам быть «неразум-

⁴ См. комментарий к переводу: [Erdal, 1977: 102; Erdal, 1997: 84–85].

ными» (*biligsiz*) и «негодными» (*jablaq*), а за ними — такими же их ближайших исполнителей (*bujruq*) (КТб, стк. 5 = БК, X, стк. 6). При этом именно Небо наделяет человека *bilig* «мудростью», «знанием» (или, по контексту, скорее, «разум», «умственные способности», ср.: [Древнетюркский словарь, 1969, с. 99–100]): *anta kisrä täñri bilig bertök üčün özüm ök qayan qışdim* (Тон, I, Зап, стк. 6 (6)) «после этого Небо знание дало поскольку, сам я именно кагана поставил (я)».

В надписях от лица кагана постоянно напоминает о его заслугах перед «народом», его поданными — каган сделал его «сытым», «одетым», «богатым», «многочисленным» (КТб, стк. 16 = БК, X, стк. 14; КТб, стк. 29 = БК, X, стк. 23–24; КТ, Xб, стк. 10 = БК, Xб, стк. 7); но сам этот «народ» не лишен субъектности. Он наделен волей выбирать и, даже если он «сыт и одет», то имеет склонность к «заблуждению» (КТ, Xб, стк. 8–9 = БК, Xб, стк. 6–7). «Народ» упрекают в «неуправляемости» (*kürägünin üčün*), т. е. неверности кагану, в том, что он «заблуждался» (*janıl-*) и попал в беды, и именно из-за его «неразумия» и «негодности» (*bilmädök üčün jablaqınin üčün*) погиб затем и Капган каган (КТб, стк. 22–24 = БК, X, стк. 19–20). Народ не способен противостоять «сладким речам» (*süçig sabi*) и «роскошным драгоценностям» (*jimşaq ayı*), он может не слушать «добрых мудрых людей» (*ädgü bilgä kişi*) и «добрых храбрых людей» (*ädgü alp kişi*), а, наоборот склонен поддаться соблазну услад, слушая «мудрости не ведающих людей» (*bilig bilmäz kişi*), следование за которыми и приводит его, в конечном счете, к гибели (КТ, Xб, стк. 5–7 = БК, Xб, стк. 5–6). А «мудрым» и «храбрым», как указывалось выше, должен быть как раз каган.

В ПДРП не только возвышение какого-либо кагана, но и гибель народа, отступившего от него, преподносится как следствие Воли Неба (Тон, I, Зап, стк. 2–4 (2–4)). В надписях от лица кагана достается и бегам, «верным трону» (*bödkä körügmä*), но «склонным заблуждаться» (*janıltičisin*) (КТ, Xб, стк. 10–11 = БК, Xб, стк. 8), ведь когда-то именно они, «тюркские беги, тюркские титулы бросив, табгачских бегов табгачские титулы приняв, табгачскому кагану верны были (они)» (КТб, стк. 7 = БК, X, стк. 7).

Получается, что не только каган даже при декларируемой поддержке со стороны Неба является субъектом процесса укрепления Тюркского эля и поддержания его существования. В текстах речь идет только о благоволении Неба кагану и сопутствии в его деяниях (*jarlıq(q)a-*), но при этом дается понимание, что каган сам должен заслуживать этого благоволения. И это декларирование поддержки кагана Свыше и его положительных качеств предстают не единственными факторами, обеспечивающими, по мысли авторов ПДРП, успешное существование политического объединения. Как отметил в свое время Ж.-П. Ру, все эти пассажи, говорящие о «заблуждениях» народа или о «неразумных» и «дурных» каганах, так или иначе показывают, что все их ошибки приводят в итоге к гибели. Народу ставится в вину гибель кагана, кагану — гибель эля. Все это говорит, во-первых, о коллективной ответственности, во-вторых, о равенстве всех перед Высшими силами [Roux, 1962b: 215]. Все происходит по Воле Неба: «Наверху Небо не давило бы, если внизу земля не разверзлась бы если, /19/ тюркский народ, эль (твой) (и) порядок (твой) кто погубить мог бы?» (КТб, стк. 22 = БК, X, стк. 18–19).

Иллюстративен такой фрагмент надписи Кюль тегина, описывающий размышления Бильге кагана: *inim kül tigin kargäk bolti özüm saqıntım körür közüm körmäz täg bilir*

biligim bilmaz tæg bolti özüm saqıntım öd täñri ajsar kiši oyli qop ölgäli törömiš (11) *anča saqıntım közdä jaš kälsär tida köñültä siyit kälsär janturu saqıntım qatıydi saqıntım eki šad ulaju injigünüm oylanım bäglärim bodunum közi qaši jablaq boltači tip saqıntım* (Кб, стк. 10–11) «младший брат (мой) Кюль тегин умер (букв. нужным [Небу] стал) (он)¹; сам я [печально] думал: «смотрят [которые] глаза (мои) невидевшим подобно, мыслит [который] разум (мой) незнающему подобно был (и они)»; сам я [печально] думал: «время Небо называет когда, сыны человеческие все умереть [чтобы] рождены»; (11) таким образом [печально] думал (я), на глаза слезы приходили если, удерживая (их), в сердце печаль приходила если, снова [печально] думал (я), крепким был (я), думал (я); «два шата, [за ними] вслед [стоящие] младшие братья (мои), дети (мои), беги (мои), народ (мой), глаза (и) брови (их) негодными стать готовы», говоря, думал (я)»².

Здесь мы прежде всего видим указание на своеобразный фатализм древних тюрков и понимание бессилия человеческих надежд перед Волей Неба. Второй момент — это осознание каганом возможности впадения в «негодное» состояние как своих родственников, так *бегов* и народа в целом. Иными словами все индивиды наделены потенциальной способностью выбора, при том не всегда в пользу желаний кагана. В ПДРП нет никакой идеализации человека, кем бы он ни был. Все, что в надписях говорится о действиях Высших сил, не выходит за пределы общего фаталистического мировоззрения древних тюрков.

Воля Неба может поставить кагана и точно так же сокрушить тюркскую империю (см. выше). Когда покоренные племена восстают, то и здесь находится связь с Высшими силами, как это прослеживается по эпизоду с *токуз огузами*. Кб, стк. 4: *täñri jir bulyaqın için yağı bolti* «по причине Неба (и) Земли смятения, враждебен стал (он)»; БК, X, стк. 29–30: *täñri jer bulyaqın için ödiñ [ä] (30) küni tägdök için jağı bolti* «по причине Неба (и) Земли смятения, в (это) время (30) ревнивые [чувства] (их) приблизились поскольку, враждебными стали (они)». Отсюда видно, что приход в смятение Высших сил был лишь первопричиной, но сами племена не лишены ответственности за свое выступление. Идея поддержки Высшими силами создания политического объединения под властью кагана выступает в надписях уйгурского кагана (Тар, Зап, стк. 3–4 (18–19)).

Итак, мы говорим о фатализме древних тюрков. Воля Неба является первопричиной всего — только от Него зависит наличие или отсутствие у индивида каких-либо качеств, успехи и невзгоды правителей, военные победы и восстания подданных. Люди изначально наделены волей по распределению Свыше. Они решают, действуют, в том числе в политической сфере. Каган, исходя из своих способностей, предпринимает усилия по удержанию лояльности подданных, подданные стоят перед выбором, остаться с ним или нет. Создание, условия существования и гибель *эля* зависят от их собственных усилий, но, в конечном счете, все происходит по Воле Неба.

Сокращения названий памятников

БК, X — большая надпись на восточной стороне стелы Бильге кагана.

БК, Xб — малая надпись на северной стороне стелы Бильге кагана.

¹ Об интерпретации выражения *kärgäk bol* — подробно см. : [Sağol-Yüksekkaya, 2010: 14–17].

² Обсуждение фразы *öd täñri ajsar kiši oyli qop ölgäli törömiš* см. : [Erdal, 2004: 426–427].

КТб — большая надпись на лицевой (восточной) стороне стелы Кюль тегина.

КТ, Хб — малая надпись на левой боковой (южной) стороне стелы Кюль тегина.

МШУ — стела Могойн Шинэ Усу (Селенгинский камень).

О — западня («лицевая») сторона Онгинской надписи.

ОБ II — Вторая Карабалгасунская надпись.

СТШ — «Синь Тан шу» 新唐書 («Новая книга [о династии] Тан»).

Тар — Тариатская (Терхинская) стела.

ТД — «Тун дянъ» 通典 («Общий свод»).

Тон — надпись советника Тоньюкука (I; II — две стелы).

ТПХЮЦ — «Тай-пин хуань-юй цзи» 太平寰宇記 («Описание мира в период [правления] Тай-пин»).

ХТ — надписи Хойто-Тамира (Тайхир-чулу).

ЦТШ — «Цзю Тан шу» 舊唐書 («Старая [официальная] история [династии] Тан»).

ЦТТЦ — «Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑒 («Помогающее управлению всеобщее обозрение»).

ЫБ — «Ырк битиг» («Гадательная книга»).

Благодарность

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20–78–10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск : Наука, 1980. 317 с.

Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. XXXVIII, 714 с.

Зуев Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы : Дайк-Пресс, 2002. 338 с.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. Л. : Наука, 1980. 170 с.

Потапов Л. П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. Памяти П. М. Мелиоранского. М. : Наука, 1973. С. 265–286.

Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л. : Наука, 1991. 320 с.

Рухлядев Д. В. Древнетюркские рунические надписи VIII–IX вв. как памятник историографии: генезис жанра и структура текста : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 270 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М. : Наука, 2006. 908 с.

Тишин В. В. Снова о понятии *qut* в памятниках древнетюркской рунической письменности // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Вып. XXXIII: Роль рели-

гии в формировании социокультурных практик и представлений. М. : ИВИ РАН, 2021. С. 281–286.

Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы «К» (~«Г») и «Қ» (~«Қ» ~«К»). Выпуск второй. М. : Индрик, 2000. 261 с.

Alimov R. II. Karabalgasun Yazıtı // *Modern Türklük Araştırmaları Dergisi*. 2015. Cilt 12. Sayı 4. S. 27–38.

Aydın E. Hoyto-Tamır (Tayhar-Çuluu) Yazıtları // *Türkbilig*. 2017. Sayı 33. S. 1–14.

Bombaci A. Qutluy bolzun! A Contribution to the concept of “fortune” among the Turks // *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1965. Vol. 36. Fasc. 3–4. S. 284–291; 1966. Vol. 38. S. 13–43.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII, 989 p.

Dobrovits M. The Great Western Campaign of the Eastern Turks (711–714) // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005. T. 58. Pt. 2. P. 179–185.

Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967. (2), 670 s.

Erdal M. Irk Bitig Üzerine Yeni Notlar // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı, Belleten* 1977. Ankara, 1978. S. 87–119.

Erdal M. Further Notes on the Irk Bitig // *Turkic Languages*. 1997. Nu 1. P. 63–100.

Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston: Brill, 2004. XII, 575 p.

Golden P.B. The Türk Imperial Tradition in the Pre-Chinggisid Era // *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth-Twentieth Centuries*. Bellingham: Western Washington University Center for East Asian Studies, 2006. P. 23–61.

İnan A. Tarihte ve Bugün Şamanizm: Materyaller ve Araştırmalar. 3. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1986. 222 s.

Kotwicz W. Formules initiales des documents mongols aux XIII-e et XIV-e ss. // *Rocznik Orientalistyczny*. 1934. T. 10. P. 139–165.

Kotwicz W. Contributions à l'histoire de l'Asie Centrale // *Rocznik Orientalistyczny*. 1949. T. XV (1939–1949). P. 159–195.

Mori M. The T'u-chüeh Concept of Sovereign // *Acta Asiatica. Bulletin of Institute of Eastern Culture [Tōhō Gakkai (東方学会)]*. 1981. № 41. P. 47–75.

Ölmez M. Ongi Yazıtı, Sorunlar ve Çözüm Önerileri // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*. 2016. Cilt 64/1. S. 43–86.

Róna-Tas A. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. Budapest: Central European University Press, 1999. XXII, 566 p.

Roux J.-P. L'origine céleste de la souveraineté dans les inscriptions Paléo-Turques de Mongolie et de Sibérie // *La Regalia Sacra: Contributi al tema dell' VIII congresso (Roma, aprile 1955) / The Sacral Kingship: Contributions to the Central Theme of the VIIIth International Congress for the History of Religions (Rome, April 1955)*. Leiden: E. J. Brill, Leiden, 1959. P. 231–241.

Roux J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles // *Revue de l'histoire des religions*. 1962a. Т. 161. № 1. P. 1–24.

Roux J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles // *Revue de l'histoire des religions*. 1962b. Т. 161. № 2. P. 199–231.

Sağol-Yüksekkaya G. Türklerde Ölümün Algılanışı “Ölmek” Karşılığı Kullanılan Kelimelerden Hareketle // *Uçmağa Varmak Kitabı*. İstanbul: Kitabevi, 2010. S. 3–40.

Şirin User H. Köktürk ve Ötüken Uygur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi. Konya: Kömen Yayınları, 2009. 548 s.

Tekin T. Irk Bitig. The Book of Omens. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993. 70 p., Facsimiles 75–133 p.

Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. Yenisey — Kirgizistan Yazıtları ve Irk Bitig. Ankara: BilgeSu, 2013. 512 s.

Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. Ту-цзюэ цзи ши 突厥集史. Пекин [北京]: Чжун-хуа шу-цзюй 中華書局, 1958. 1136 с.

REFERENCES

Alekseev N. A. *Rannie formy religii tiurkoiazыchnykh narodov Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1980, 317 s. (in Russian).

Drevnetiurkskii slovar' [A Dictionary of Old Turkic]. Leningrad: Nauka, 1969, XXXVIII, 714 s. (in Russian).

Zuev Iu. A. *Rannie tiurki: ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: Essays on a History and Ideology]. Almaty: Daik-Press, 2002, 338 s. (in Russian).

Klyashtornyi S. G. *Istoriia Tsentral'noi Azii i pamiatniki runicheskogo pis'ma* [The History of Central Asia and Monuments of the Runic Writing]. St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2003, 560 s. (in Russian).

Kononov A. N. *Grammatika iazyka tiurkskikh runicheskikh pamiatnikov 7–9 vv.* [A Grammar of the Language of the Turkic Runic Monuments of the 7th — 9th centuries]. Leningrad: Nauka, 1980. 170 s. (in Russian).

Potapov L. P. Umai — bozhestvo drevnikh tiurkov v svete etnograficheskikh dannyykh [Umay, the deity of the Ancient Turks in the Light of Ethnographic Data]. *Tiurkologicheskii sbornik. 1972. Pamiati P. M. Melioranskogo* [Turkological collection. 1972. In memory of P. M. Melioransky]. Moscow: Nauka, 1973. P. 265–286 (in Russian).

Potapov L. P. *Altaiskii shamanism* [Altai Shamanism]. Leningrad: Nauka, 1991, 320 s. (in Russian).

Rukhlyadev D. V. *Drevnetiurkskie runicheskie nadpisi 8–9 vv. kak pamiatnik istoriografii: genezis zhanra i struktura teksta: dis. ... kand. ist. nauk* [Old Turkic Runic Inscriptions of the 8th — 9th centuries as a Monument of Historiography: A Genesis of the Genre and a Structure of the Text: Ph. D. Thesis in Historiography, Source studies and Methods of historical research]. St. Petersburg, 2005, 270 s. (in Russian).

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tiurkskikh iazykov. Pratiurkskii iazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka [Comparative-historical Grammar of the Turkic Languages. A Pra-Turkic Language as Basis. Worldview of Pre-Turks according to Language Data]. Moscow: Nauka, 2006, 908 s. (in Russian).

Tishin V. V. Snova o poniatii *qut* v pamiatnikakh drevnetiurkskoi runicheskoi pis'mennosti [Again on the Term *qut* in the Monuments of the Old Turkic Runic Writing]. *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekove*. *Chteniiia pamiati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto*. Vol. 33. *Rol' religii v formirovanii sotsiokul'turnykh praktik i predstavlenii* [Eastern Europe in Ancient and Medieval Times. Readings to the Memory of V. T. Pashuto. Vol. 33. *The Role of Religion in the Formation of Sociocultural Practices and Ideas*]. Moscow: IVI RAN Publ., 2021. P. 281–286 (in Russian).

Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov: Obshchetiurkskie i mezhtiurkskie leksicheskie osnovy na bukvy "K" (~ "G") i "K'" (~ "Q") [An Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and Inter-Turkic Stems Beginning on "K" (~ "G") and "K'" (~ "Q")]. Vol. 2. Moscow: Indrik, 2000, 261 s. (in Russian).

Alimov R. II. Karabalgasun Yazıtı [Second Qarabalghasun Inscription]. *Modern Türklük Araştırmaları Dergisi*. 2015, cilt 12, sayı 4. S. 27–38 (in Turkish).

Aydın E. Hoyto-Tamır (Tayhar-Çuluu) Yazıtları [Hoyto-Tamir (Taykhar-Chuluu) Inscriptions]. *Türkbilig*. 2017, sayı 33. S. 1–14 (in Turkish).

Bombaci A. *Qutluy bolzun!* A Contribution to the concept of "fortune" among the Turks. *Ural-Altische Jahrbücher*. 1965, vol. 36, fasc. 3–4. S. 284–291; 1966. Vol. 38. S. 13–43.

Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972, XLVIII, 989 p.

Dobrovits M. The Great Western Campaign of the Eastern Turks (711–714). *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2005, t. 58, pt. 2. P. 179–185.

Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Bd. III. *Türkische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967, (2), 670 s. (in German).

Erdal M. Irk Bitig Üzerine Yeni Notlar [New Notes on the Irk Bitig]. *Türk Dili Araştırmaları Yılığı, Belleten 1977*. Ankara, 1978. S. 87–119 (in Turkish).

Erdal M. Further Notes on the Irk Bitig. *Turkic Languages*. 1997, nu 1. P. 63–100.

Erdal M. *A Grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston: Brill, 2004, xii, 575 p.

Golden P. B. The Türk Imperial Tradition in the Pre-Chinggisid Era. *Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth-Twentieth Centuries*. Bellingham: Western Washington University Center for East Asian Studies, 2006. P. 23–61.

İnan A. *Tarihte ve Bugün Şamanizm: Materyaller ve Araştırmalar* [Shamanism in History and Today: Materials and Studies]. 3rd ed. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1986, 222 s. (in Turkish).

Kotwicz W. Formules initiales des documents mongols aux XIII-e et XIV-e ss. *Rocznik Orientalistyczny*. 1934, t. 10. P. 139–165 (in French).

Kotwicz W. Contributions à l'histoire de l'Asie Centrale. *Rocznik Orientalistyczny*. 1949, t. 15. (1939–1949). P. 159–195.

Mori M. The T'u-chüeh Concept of Sovereign. *Acta Asiatica. Bulletin of Institute of Eastern Culture* [Tōhō Gakkai (東方学会)]. 1981, no 41. P. 47–75.

Ölmez M. Ongi Yazıtı, Sorunlar ve Çözüm Önerileri. *Türk Dili Araştırmaları Yılığı Belleten*. 2016, cilt 64/1. S. 43–86 (in Turkish).

Róna-Tas A. *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History*. Budapest: Central European University Press, 1999, XXII, 566 p.

Roux J.-P. L'origine céleste de la souveraineté dans les inscriptions Paléo-Turques de Mongolie et de Sibérie. *La Regalita Sacra: Contributi al tema dell' VIII congresso (Roma, aprile 1955) / The Sacral Kingship: Contributions to the Central Theme of the VIIIth International Congress for the History of Religions (Rome, April 1955)*. Leiden: E. J. Brill, Leiden, 1959. P. 231–241 (in French).

Roux J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles. *Revue de l'histoire des religions*. 1962a, t. 161, no 1. P. 1–24 (in French).

Roux J.-P. La religion des Turcs de l'Orkhon, des VIIe et VIIIe siècles. *Revue de l'histoire des religions*. 1962b, t. 161, no 2. P. 199–231 (in French).

Sağol-Yüksekkaya G. Türklerde Ölümün Algılanışı “Ölmek” Karşılığı Kullanılan Kelimelerden Hareketle [The Perception of the Death among the Turks based on the Words Used for the “Die”]. *Uçmağa Varmak Kitabı*. İstanbul: Kitabevi, 2010. S. 3–40 (in Turkish).

Şirin User H. *Köktürk ve Ötüken Uyghur Kağanlığı Yazıtları. Söz Varlığı İncelemesi [Inscriptions of Köktürks and Ötüken Uyghur Qaghanate. A Vocabulary Analysis]*. Konya: Kömen Yayınları, 2009, 548 s. (in Turkish).

Tekin T. *Irk Bitig. The Book of Omens*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1993, 70 p., Facsimiles 75–133 p.

Yıldırım F., Aydın E., Alimov R. *Yenisey — Kirgizistan Yazıtları ve Irk Bitig [Inscriptions from Yenisei — Kirgizstan and Irk Bitig]*. Ankara: BilgeSu, 2013, 512 s. (in Turkish).

Cén Zhòngmiǎn 岑仲勉. *Tūjué jí shǐ 突厥集史 [A History of Türks]*. Běijīng [北京]: Zhōnghuá shūjú 中華書局, 1958, 1136 p. (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 19.10.2021.

Принята к публикации 14.04.2022

Дата публикации 30.06.2022.

УДК 394

DOI: 10.14258/nreur(2022)2–07

П. К. Дашковский*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)***Е. А. Шершнева***Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)***Н. Цэдэв***Монгольский национальный университет, Улан-Батор (Монголия)*

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ МОНГОЛИИ

В статье представлены результаты этносоциологических исследований, проведенных в Монголии в рамках реализации международного проекта учеными Алтайского государственного университета и Монгольского национального университета. Исследование было направлено на изучение образа России и межкультурного взаимодействия в представлениях населения Монголии на современном этапе. При всей этнической толерантности населения Монголии, тем не менее, многие респонденты отмечали, что именно интеграция с представителями инокультурных групп может привести к потере этнической уникальности монгольского общества. Почти 60% указали, что у них не возникает трудностей в общении с представителями русского этноса. При этом более 80% респондентов подчеркивали, что общение с русскими вызывает преимущественно позитивные эмоции. В ходе исследования также установлено, что у населения Монголии в целом сформирован положительный образ о России, которая выстраивает добрососедские отношения с разными государствами, в том числе с Монголией. При этом отмечается, что во многом позитивный образ России связан с длительной историей взаимоотношений двух государств, особенно в советский период. В то же время часть респондентов испытала затруднение при определении своего отношения к взаимодействию с русскими, особенно в возрастной группе от 22 до 35 лет. Среди перспективных областей сотрудничества респонденты на первом месте отмечают науку, на втором — экономику, на третьем — образование.

Ключевые слова: образ страны, Монголия, Россия, межэтнические отношения, толерантность, сотрудничество.

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Социологическое изучение образа России в представлениях населения Западной и Центральной Монголии// Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 121–135. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–07.

P. K. Dashkovskiy

Altai state university (Barnaul, Russia)

E. A. Shershneva

Altai state university (Barnaul, Russia)

N. Cedav

Mongolian national university (Ulan-Batr, Mongolia)

SOCIOLOGICAL STUDY OF THE IMAGE OF RUSSIA IN THE POPULATION'S REPRESENTATIONS OF WESTERN AND CENTRAL MONGOLIA

The article presents the results of ethnosociological studies conducted in Mongolia within the framework of the international project by scientists of the Altai state university and the Mongolian national university. The study was aimed at studying the image of Russia in the views of the population of Mongolia at the present stage. Despite the ethnic tolerance of the population of Mongolia, however, many respondents noted that it is integration with representatives of foreign cultural groups that can lead to the loss of the ethnic uniqueness of the mongolian society. Almost 60% indicated that they had no difficulties in communicating with representatives of the Russian ethnic group. At the same time, more than 80% of respondents stressed that communication with Russians causes mainly positive emotions. The study also found that the population of Mongolia as a whole formed a positive image of Russia, which builds good-neighborly relations with different countries, including Mongolia. At the same time, it is noted that in many ways the positive image of Russia is associated with a long history of relations between the two States, especially in the soviet period. At the same time, some respondents experienced difficulties in determining their attitude to interaction with Russians, especially in the age group from 22 to 35 years. Among the promising areas of cooperation respondents indicated science, economics, education.

Keywords: image of the country, Mongolia, Russia, interethnic relations, tolerance, cooperation

For citation:

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Cedav N. Sociological study of the image of Russia in the population's representations of Western and Central Mongolia. Nations and religions of Eurasia. 2022. T. 27, № 2. P. 121–135. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–07.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиозно-научных исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fnp.asu.ru.

Шершнева Елена Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** D2703@yandex.ru.

Цэдэв Наваанзоч, кандидат педагогических наук, профессор, действительный член Академии образования Монголии, ученый секретарь Монгольского национального университета, Улан-Батор (Монголия). **Адрес для контактов:** navaanzoch@yandex.ru.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fnp.asu.ru. ORCID 0000–0002–4933–8809.

Shershneva Elena Aleksandrovna, kandidat of historical sciences, docent, docent, senior lecturer of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, Altai State University Barnaul (Russia). **Contact address:** D2703@yandex.ru. ORCID 0000–0001–6766–6438.

Tsedev Navaanzoch, candidate of pedagogical sciences, professor, full member of the Academy of education of Mongolia, scientific secretary of the Mongolian national university, Ulaanbaatar (Mongolia). **Contact address:** navaanzoch@yandex.ru

Введение

Соседство и сотрудничество России с Монголией на протяжении длительного периода привело к формированию определенного представления у населения этой страны о своих северных соседях. Изменения, происходившие в экономической, политической и культурной жизни монгольского народа, начавшиеся в 90-е гг. XX в., вызывают интерес не только со стороны политических деятелей, но и исследователей. Начиная с 2008 г. в рамках совместных российско-монгольских проектов Алтайский государственный университет, Ховдский государственный университет, Монгольский национальный университет проводили под научным руководством П. К. Дашковско-го, Н. Цэдэва, Б. Нямдоржа на территории Монголии планомерное изучение этноконфессиональных и этносоциальных процессов. Отдельные результаты таких исследований уже частично опубликованы [Дашковский, Цэдэв, Шершнева, 2010; Дашков-

ский, Шершнева, 2011; Дашковский, Шершнева, Цэдэв, 2013; 2017; Дашковский, Цэдэв, 2017; Цогзолмаа, 2018; Цэдэв, 2017]. В 2016 г. в рамках продолжающегося совместного российско-монгольского исследования на территории Западной и Центральной Монголии были проведены социологические опросы, позволяющие установить не только отношение монголов к представителям различных этнических и религиозных общин, а также увидеть отношение монголов к России как к одному из стратегических партнеров. Обработка полученных результатов исследования проводилась в 2019–2020 гг.

В процессе разработки структуры опросника для социологического исследования авторы опирались на методические рекомендации Л. М. Дробышевой [Гражданская, этническая и религиозная идентичность..., 2013, с. 446–471]. В рамках проведенного в 2016 г. в Центральной и Западной Монголии исследования было опрошено 164 человека (100%). Респонденты, которые опрошены в процессе исследования, были разделены на четыре возрастные группы: 1) 16 лет — 21 год, 2) 22 года — 35 лет; 3) 36–45 лет, 4) 46–60 лет. При этом основная масса респондентов является жителями районных центров — 94 человека (57%) и небольших поселков — 31 человек (19%). Такое распределение по возрасту исходило из задачи выявить особенности восприятия носителей других культур у разных возрастных групп населения Монголии.

Результаты социологического исследования

Взросший интерес к процессам национальной идентификации позволяет оценить этнический состав респондентов. Стремление монголов в последние годы сохранить свою национальную уникальность прослеживается в указании своей этнической принадлежности. Основная масса достаточно четко указывает свою этническую принадлежность, вплоть до уточнения конкретной субэтнической группы.

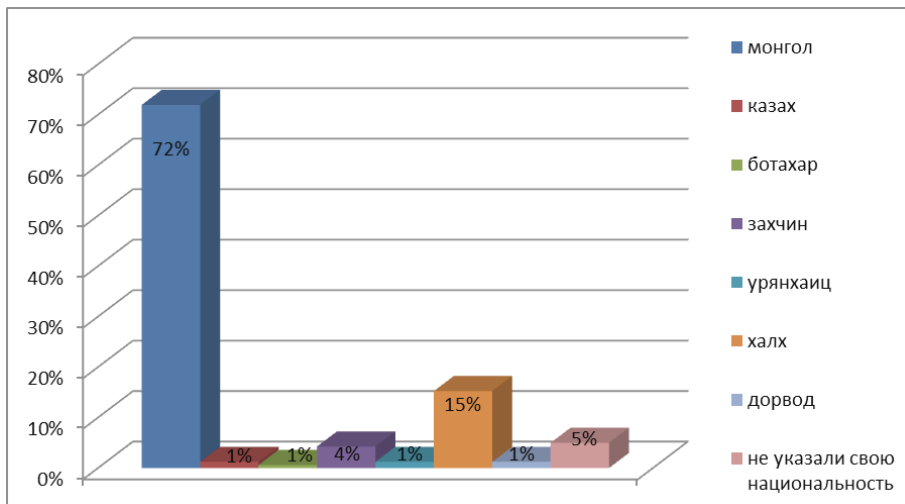

Рис. 1. Диаграмма: Этническая принадлежность респондентов из Центральной и Западной Монголии

Fig. 1. Diagram: Ethnicity of respondents from Central and Western Mongolia

В рамках экономического и социального развития Монголии, вставшей в 90-е гг. XX в. на путь демократизации общества, очень остро стоит вопрос межнациональных отношений. В рамках проведенного исследования респондентам был задан вопрос «Легко ли они могут найти контакт с представителями иной национальности?» (рис. 2).

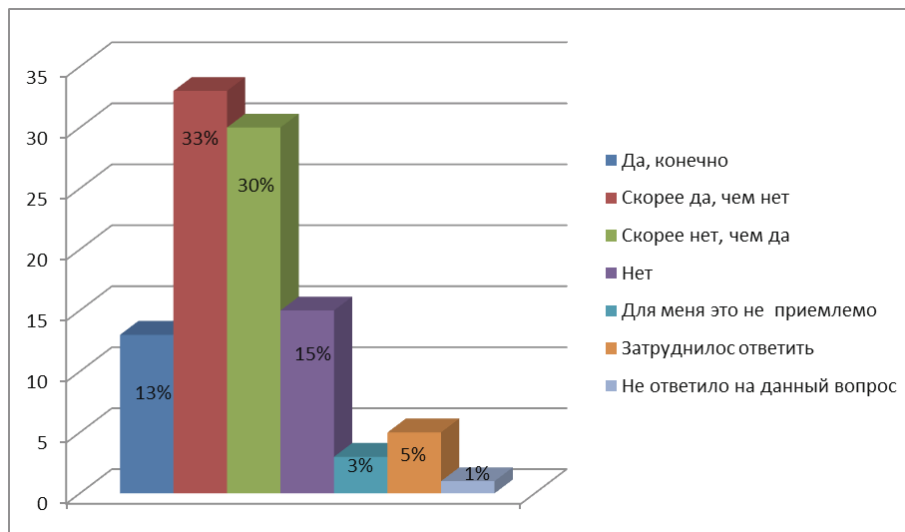

Рис. 2. Диаграмма: Ответы респондентов на вопрос «Легко ли они могут найти контакт с представителями иной национальности?»

Fig. 2. Diagram: Respondents' answers to the question whether they can easily find contact with representatives of a different nationality?

Из представленных в диаграмме данных видно, что 46% респондентов достаточно легко могут вступить в контакт с представителями иной этнической группы. 30% опрошенных указали, что, вероятно, это им сложно сделать. 15 и 3% респондентов однозначно ответили, что им сложно или вообще для них не приемлемо вступать в общение с представителями иных этнических групп. Вероятно, относительно невысокий процент положительных ответов респондентов о готовности взаимодействовать с представителями иных этносов связан со следующим обстоятельством. Дело в том, что именно интеграция с представителями инокультурных групп, по мнению значительной части населения страны, может привести к потере этнической уникальности монгольского общества.

Отношение к сохранению национальной идентичности прослеживается и при ответах на следующий вопрос: «Есть ли в семье представители иной национальности?». 9% (14 человек) респондентов ответили положительно на этот вопрос, 63% (104 человека) указали, что в их семье отсутствуют представители иной этнической группы. 28% (46 человек) опрошенных затруднились ответить на заданный им вопрос. При этом на брак с представителем иной национальности не согласилось бы 46% опрошенных (75 человек). 22% (36 человек) затруднились ответить, и только 32% ре-

спондентов (53 человека) не возражали бы увидеть в своей семье представителя иной культурной традиции.

При выстраивании межнациональных отношений особое внимание уделяется конкретным этническим группам, с которыми отношения складываются наиболее дружелюбно. Таким образом, наиболее привлекательным этносом для жителей Монголии являются русские, поскольку, согласно проведенным опросам, именно с ними меньше всего возникает противоречий. Более наглядно данная позиция отражена в диаграмме (рис. 3).

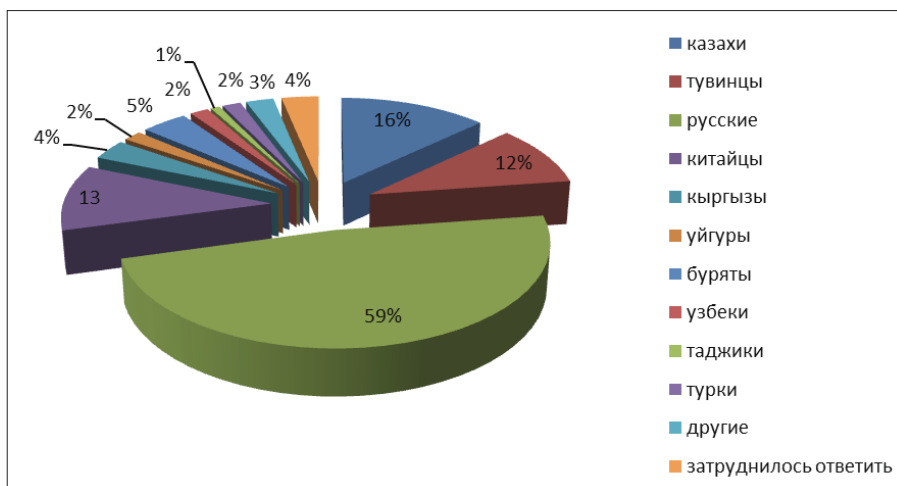

Рис. 3. Диаграмма: Народы, с которыми, по мнению респондентов Монголии, у них не возникает трудностей во взаимоотношении

Fig. 3. Diagram: The peoples with whom, according to the respondents of Mongolia, they have no difficulties in their relationship

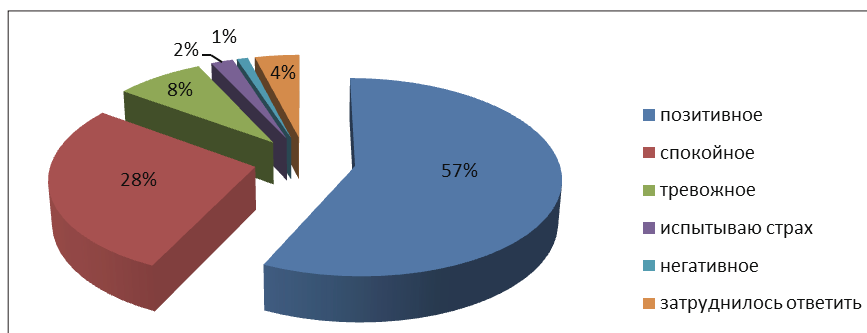

Рис. 4. Диаграмма: Ответы респондентов на вопрос о том, какое чувство они испытывают при общении с русскими

Fig. 4. Diagram: Respondents' answers to the question what feeling do you feel when communicating with Russians

При этом важно отметить, что для уточнения степени позитивного или негативного отношения респондентов к русскому этносу им был задан вопрос о том, какие чувства у них вызывает общение с русскими. Результаты ответа респондентов на этот вопрос представлены в диаграмме (рис. 4).

Нужно подчеркнуть, что позитивное отношение к русскому населению в Монголии отмечалось рядом исследователей еще в начале XX в. Такое отношение было связано с отсутствием территориальных притязаний России к монгольскому государству, а также оказание политической и экономической поддержки [Бойкова, 2014: 154]. В советский период СССР оказывал значительную экономическую помощь и политическую поддержку, что в целом позитивно сказывалось на образе страны. На современном этапе дружелюбное отношение к русским в Монголии связано, во-первых, с новым курсом России, направленным на поддержку своих соотечественников за рубежом. Во-вторых, заметно стало выстраивание с начала XXI в. нового политического курса русско-монгольских дипломатических отношений на принципах взаимовыгодного сотрудничества. В частности, после визита в 2000 г. В. В. Путина в Монголию русская часть населения получила право на приобретение жилья, началось восстановление прихода Русской православной церкви в Улан-Баторе [Михалев, 2012: 164]. Параллельно идет наращивание товарооборота, обустройство и переоборудование таможенных терминалов, проведение мероприятий, направленных на знакомство с русской и монгольской культурами в каждой из указанных стран.

Отдельное внимание в процессе исследования было уделено отношению населения Монголии к жителям приграничных районов России (Бурятия, Тува, Алтай, Иркутская область). Результаты опроса по данному вопросу представлены в диаграмме (рис. 5).

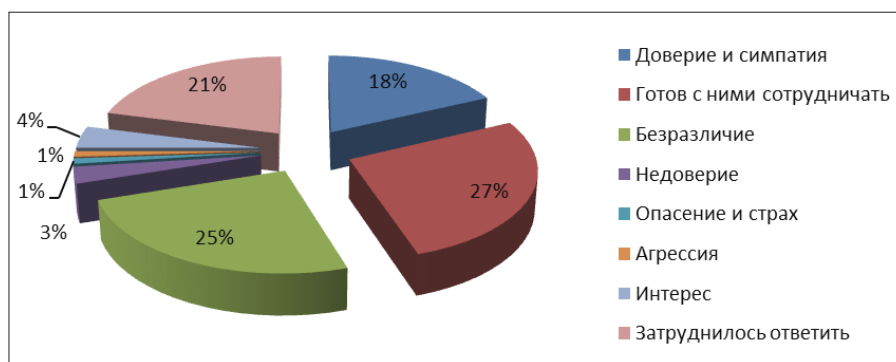

Рис. 5. Диаграмма: Отношение респондентов к населению приграничных районов России

Fig. 5. Diagram: The ratio of respondents to the population of the border regions of Russia

Из приведенной диаграммы видно, что большинство респондентов испытывают к своим русским соседям доверие и симпатию и готовы с ними к сотрудничеству. Однако 21% (73 человека) респондентов испытали затруднение при ответе на данный вопрос. Особенно большой процент респондентов, не готовых определить четко свою позицию в отношении русских соседей, отмечается у жителей Западной Монголии в воз-

расте от 22 до 35 лет. Из 29 человек опрошенных данной возрастной группы 8 человек (28%) не определились со своей позицией по данному вопросу.

На протяжении длительной истории приграничного сотрудничества Монголии с Россией в этих районах сложились особые отношения. За долгий период добрососедских отношений на границе Монголии с Бурятией установились особые связи. В постсоветский период контакты с Монголией в приграничной зоне несколько осложнились, иногда они приобретали нелегальный характер [Нанзатов, Содномпилова, 2012]. В приграничных районах также отмечается демографическая и экономическая асимметрия. Именно общность истории и низкий уровень жизни по обе стороны границы, по мнению некоторых исследователей, объединяет бурятское и монгольское население [Базарова, Батбуян, 2013: 132].

Несмотря на возникающие иногда сложности и недопонимание в приграничных районах, в целом у жителей двух государств складываются достаточно сбалансированные отношения. Народы, населяющие приграничную зону, видят в друг друге самодостаточные этносы со своей культурой и традицией [Ойдуп, Кылгыдай, 2012: 140]. Способствует установлению подобных добрососедских отношений и политика, проводимая обоими государствами. Так, в 2006 г. был подписан договор между Российской Федерацией и Монголией «О режиме российско-монгольской государственной границы». Данный договор позволил на современной правовой основе выстраивать приграничное сотрудничество. В дальнейшем был подписан ряд соглашений между субъектами РФ Сибирского федерального округа и органами власти аймаков Монголии [Родионов, 2009: 139]. В настоящее время введен безвизовый режим для граждан России и Монголии при посещении указанных государств.

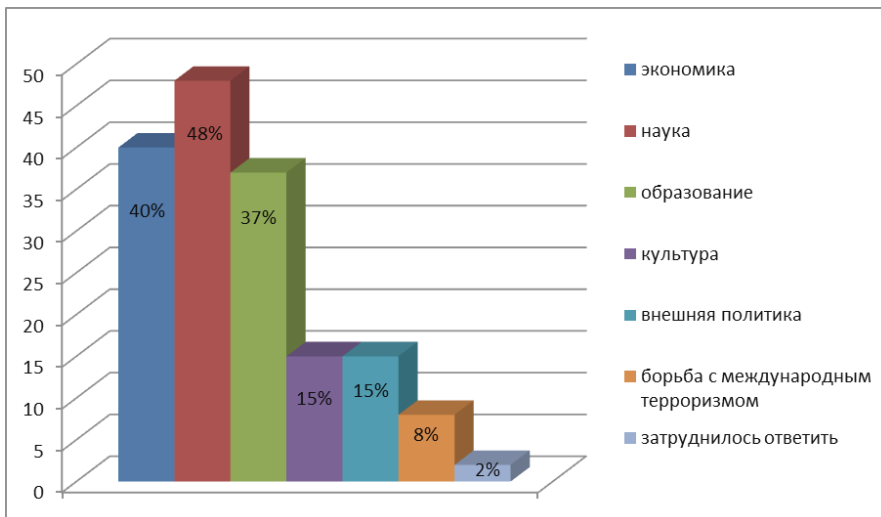

Рис. 6. Диаграмма: Области, в которых, по мнению респондентов, следует развивать отношения с Россией

Fig. 6. Diagram: Areas in which, according to respondents, relations with Russia should be developed

Следует подчеркнуть, что на современном этапе сотрудничество с Россией носит разносторонний характер. Однако исторически сложилось преобладание контактов в экономической сфере. Респондентам также предложили определить, в каких областях на современном этапе они видят наиболее перспективным для себя сотрудничество с Россией. Результаты ответа на данный вопрос наглядно видно из диаграммы (рис. 6).

Из диаграммы видно, что большинство респондентов видят сотрудничество с Россией в трех областях: экономика, наука и образование. Начиная с советского периода СССР, а затем и Российская Федерация являлись главным экономическим партнером Монголии. Данные тесные контакты были вызваны в определенной степени союзническими политическими отношениями России и Монголии [Родионов, 2009: 117–118], а также тем, что период существования СССР Монгольская народная республика входила в социалистический лагерь стран.

Важно подчеркнуть, что среди сфер сотрудничества респондентами на первом месте отмечена наука. Такую позицию высказали 48% респондентов. Это связано с тем, что именно в советские годы научно-культурное сотрудничество между двумя странами являлось каналом укрепления союзнических отношений. Россия содействовала созданию в Монголии научно-технической базы и системы образования. Однако в конце 80-х гг. XX в. наблюдался кризис русско-монгольских отношений, что вызывало негативное отношение к русскому влиянию на монгольскую культуру. Одним из лозунгов сохранения национальной идентичности стала идея возврата к старомонгольской письменности [Родионов, 2009: 129–132]. Лишь начиная с 2000-х гг. началось возрождение теплых добрососедских отношений, в том числе и в области культурного и научного взаимодействия. Исследователями особо подчеркивается важность изучения русского языка для дальнейшего экономического развития региона [Бадмаев, 2011].

В рамках проведенного исследования респондентам было предложено оценить, на каком уровне находятся сейчас российско-монгольские отношения. Результаты ответа на поставленный вопрос отражены в диаграмме (рис. 7).

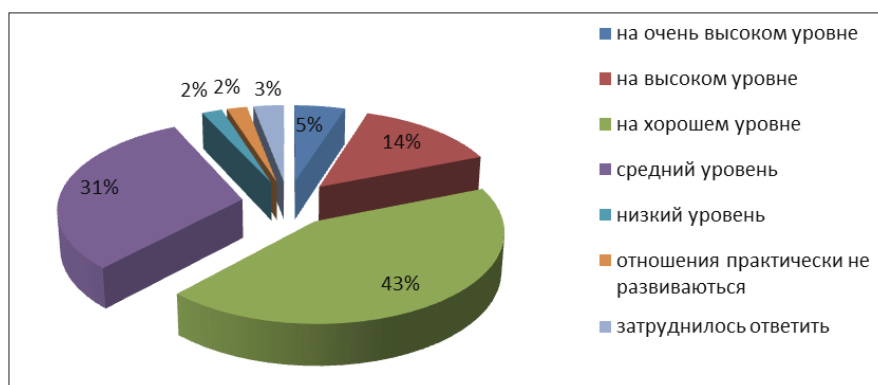

Рис. 7. Диаграмма: Мнение респондентов об уровне российско-монгольских отношений

Fig. 7. Diagram: The level of Russian-Mongolian relations according to respondents

Из диаграммы видно, что большинство респондентов (62%) оценили уровень российско-монгольских отношений на хорошем, высоком и очень высоком уровнях.

Следует подчеркнуть, что формированию такого рода отношений способствует тот образ России, который сложился у населения Монголии на протяжении длительной истории сотрудничества между странами. Для детализации данного образа респондентам было предложено ответить на вопрос о том, какие ассоциации вызывает у них Россия.

Рис. 8. Диаграмма: Образ России у жителей Монголии
 Fig. 8. Diagram: The image of Russia among the inhabitants of Mongolia

Из диаграммы видно, что население Монголии в России видит достаточно сильного партнера, а 45% респондентов (74 человека) считают Россию великой страной с многовековой историей.

В связи с тем, что Монголия имеет тесные отношения со своими северными соседями, респондентам было предложено оценить, какое влияние Россия оказала на развитие Монголии (рис. 9).

Большинство респондентов (57%, 208 человек) считают, что Россия оказала большое как экономическое, так и политическое влияние на Монголию. 15% (54 человека) полагают, что Россия оказывала лишь экономическое влияние на их страну. При этом 51% (37 человек) отпущенных жителей Западной Монголии считают, что влияние России оказывалось как на политическую, так и на экономическую жизнь Монголии. При этом 47% (43 человека) респондентов в Центральной Монголии, считают, что Россия оказывала только экономическое влияние.

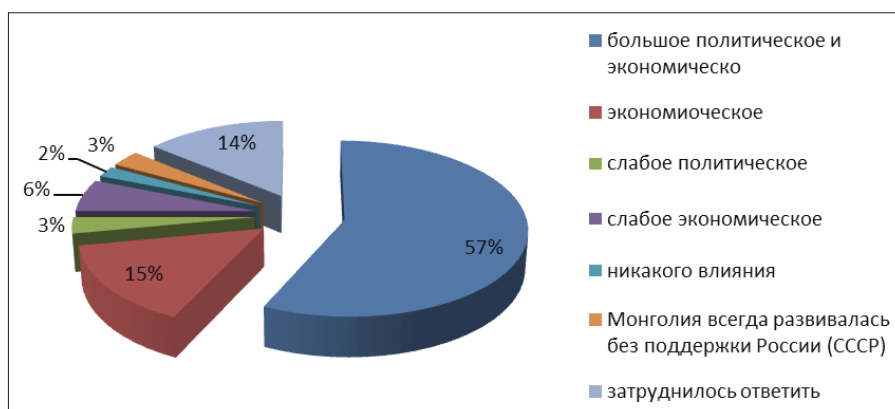

Рис. 9: Диаграмма: Ответ респондентов на вопрос о том, какое влияние Россия оказала на развитие Монголии в XX – начале XXI в.

Fig. 9. Diagram: The respondents' answer to the question what influence did Russia have on the development of Mongolia in the XX – early XXI centuries

На сегодняшний день Россия по-прежнему остается главным стратегическим партнером для Монголии. Это подтверждается как политикой руководства двух стран, так и данными проведенного опроса. Результаты ответов респондентов на вопрос о стратегических партнерах Монголии наглядно отражен в диаграмме (рис. 10).

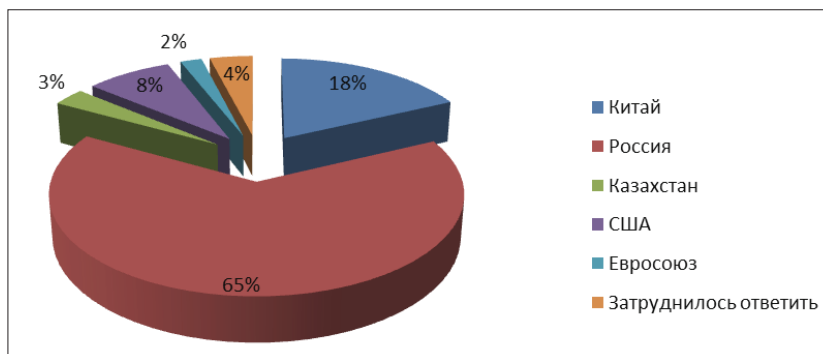

Рис. 10. Диаграмма: Мнение респондентов о том, какая страна является главным стратегическим партнером Монголии

Fig. 10. Diagram: Countries, according to respondents, are Mongolia's main strategic partner

В то же время важно обратить внимание на то, что в Западной Монголии респонденты в возрасте от 22 до 35 лет наряду с Россией главным стратегическим партнером считают и Китай. Так, из 29 опрошенных 10 человек (35%) считают Китай своим стратегическим партнером. Такой же процент респондентов (35%) молодых людей рассматривают Россию как стратегического партнера. Люди более старшего поколения, особенно старше 61 года, главным своим союзником по-прежнему считают Россию.

Заключение

Таким образом, в связи с тесными контактами России и Монголии на протяжении длительного исторического периода в представлениях жителей этой страны сложилось достаточно уважительное и теплое отношение к России и русскому народу. Именно Российская Федерация, по мнению монголов, может стать главным стратегическим партнером их страны как в экономическом, так и культурно-образовательном плане. Развивающиеся дипломатические отношения способствуют формированию образа России в представлении населения Монголии как сильного соседа, способного прийти на помощь. При этом позитивным моментом в таких отношениях для монголов является и то, что Россия не стремится к изменению и даже влиянию на их национальную идентичность. В то же время часть представителей молодого поколения кроме России в качестве главных стратегических партнеров рассматривает другие страны, прежде всего Китай.

Примечание

Данная статья была подготовлена к печати еще в 2020 г. и должна была быть опубликована в одном из журналов, индексируемых в международных базах цитирования по итогам Международного научно-практического форума по безопасности в Евразии (Барнаул, 18–19 июня 2020 г.). Однако у организаторов мероприятия возникли сложности с редакциями журналов, в которых планировалось опубликовать статьи по итогам форума, поэтому этот процесс стал затягиваться. В современных условиях ввода санкций в отношении Российской Федерации судьба статей, переданных в редколлегии журналов по итогам данного форума, стала совсем непонятной. В результате возникла ситуация, когда редакции журналов фактически перестали вступать в коммуникацию с российскими авторами, поэтому осталось не ясным, удалось ли нам отозвать свою статью из-за задержки сроков публикации или она все-таки осталась в портфеле редколлегии одного из европейских журналов и будет ли когда-нибудь опубликована на английском языке. Учитывая, что для нас важна своевременная публикация материала и отсутствие ясной информации со стороны редакции журнала (в данном случае специально не указано название конкретного издания, куда была направлена статья), мы приняли решение опубликовать статью в определенной степени скорректированном виде на русском языке.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации гранта РФФИ и Министерством культуры, образования, науки и спорта Монголии по теме «Этнорелигиозные и социальные процессы как факторы межкультурного взаимодействия населения в трансграничном пространстве Алтая, Тувы и Монголии: история и современность» (проект № 19–59–44002).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бадмаев А. З. Образ России и русский язык в Монголии: от советского наследия к современности // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. № 8. С. 127–134.

Базаров В. Б. Российско-монгольские отношения в постсоветский период: углубленные сотрудничества // Власть. 2016. № 6. С. 81–85.

Базарова А. Г., Батбуян Б. Уровень жизни населения сопредельных приграничных территорий Бурятии и Монголии // География и природные ресурсы. 2013. № 2. С. 132–138.

Бойкова Е. В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX — начало XX века). М., 2014. 264 с.

Гражданская, этническая и религиозная идентичность. Вчера, сегодня. Завтра / под ред. Л. М. Дробижевой. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.

Дашковский П. К. Современные этноконфессиональные процессы в Монгольском Алтае // Религиоведение. 2012. № 1. С. 134–143.

Дашковский П. К., Цэдэв Н., Шершнева Е. А. Некоторые особенности этноконфессиональной ситуации в Баян-Ульгийском аймаке Монголии // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IV. Барнаул, 2010. С. 180–186.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Продолжение этноконфессиональных исследований в Ховдскоим аймаке Монголии // Религия в истории народов России и Центральной Азии. Барнаул, 2011. С. 230–235.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Цэдэв Н. Монгол улсын Баян-Өлгий аймаг дахь угсаатны шашны нөхцөл байдлын зарим онцлог // Эрдэм шинжилгээний бичиг. 2013. № 1 (6). С. 24–29 (на монг. яз.).

Дашковский П. К., Цэдэв Н. Этноконфессиональные процессы в монгольском аймаке // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. Т. 3: Конец XX — начало XXI в. : колл. монография / отв. ред. П. К. Дашковский. Барнаул, 2017. С. 122–135.

Михалев А. В. «Русский вопрос» в системе внешнеполитических отношений Монголии XX века // Власть. 2012. № 7. С. 161–164.

Мунхбат Д. Паломничество монголов: традиции и современность // Народы и религии Евразии. 2018. № 2 (15). С. 79–84.

Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Приграничная зона: актуальные проблемы повседневности (на примере приграничных районов Бурятии) // Власть. 2012. № 3. С. 165–168.

Ойдуп Т. М., Кылгыдай А. Ч. Особенности межэтнических связей населения тувинско-монгольского приграничья // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 136–140.

Родионов В. А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ, 2009. 228 с.

Цогзолмаа Н. Распространение новых религиозных течений и их влияние на систему образования Монголии // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 117–124.

Цэдэв Х. Наваанзоч. Некоторые проблемы изучения этноконфессиональной ситуации в Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 3–4 (12–13). С. 128–134.

Dashkovskiy P. Ethnic and Religious Processes in Western Mongolia (based on social research) // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. № 185: 109–116.

Dashkovskiy P. K., Shersheva E. A., Cedav N. Perception of ethnic and religious processes by Mongolia population (a sociological study) // Народы и религии Евразии. 2017. Вып. 1–2 (10–11). С. 115–128.

REFERENCES

Badmaev A. Z. Obraz Rossii i russkii iazyk v Mongolii: ot sovetskogo nasledia k sovremennosti [The image of Russia and the Russian language in Mongolia: from the Soviet heritage to the present]. *Vestnik buriatskogo gosuniversiteta* [Bulletin of Buryat state university]. 2011. № 8. S. 127–134 (in Russian).

Bazarov V. B. Rossiisko-mongol'skie otnosheniia v postsovetskii period: uglublenie sotrudnichestva [Russian-Mongolian relations in the post-Soviet period: deepening cooperation]. *Vlast'* [Power]. 2016. № 6. S. 81–85 (in Russian).

Bazarova A. G., Batbuian B. Uroven' zhizni naseleniia sopredel'nykh prigranichnykh territorii Buriatii i Mongolii [The Standard of living of the population of the adjacent border areas of Buryatia and Mongolia]. *Geografiia i prirodnye resursy* [Geography and natural resources]. 2013. № 2. S. 132–138 (in Russian).

Boikova E. V. Rossiiskie voennye issledovateli Mongolii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka) [Russian military researchers of Mongolia (second half of XIX — beginning of XX century)]. M., 2014. 264 s. (in Russian).

Grazhdanskaya, etnicheskaya i religioznaya identichnost'. Vchera, segodnya. Zavtra [Civil, ethnic and religious identity. Yesterday Today. Tomorrow]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya, 2013. 485 s. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. Sovremennye etnokonfessional'nye protsessy v Mongol'skom Altae [Modern ethno-confessional processes in the Mongolian Altai]. *Religiovedenie* [Religious studies]. 2012. № 1. S. 134–143. (in Russian). Dashkovskiy P. Ethnic and Religious Processes in Western Mongolia (based on social research). *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2015. № 185. P. 109–116. (in English)

Dashkovskiy P. K., Tsedev N., Shershneva E. A. Nekotorye osobennosti etnokonfessional'noi situatsii v Bayan-Ul'giiskom aimake Mongolii [Some of the features of ethno-confessional situation in Bayan ul'gi aimag of Mongolia]. *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of South Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul, 2010. Vypusk IV. S. 180–186 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. Prodolzhenie etnokonfessional'nykh issledovaniy v Khovdskoim aimake Mongolii [Continued ethno-religious research in Chudskom aimag of Mongolia]. *Religiia v istorii narodov Rossii i Tsentral'noi Azii*. [Religion in the history of the peoples of Russia and Central Asia] Barnaul, 2011. S. 230–235 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Mongol ulsyn Baian-Ölgii aimag dakh' ugsaatny shashny nӨkhtsӨl baidlyn zarim ontslog [Mongolian Olsen Bayan-Lgii aimag Dahpsaty chasny nhcl baglin of sarim ontslog]. *Erdem shinzhilgeenii bichig* [Erdem Shinigami of bicig]. 2013. № 1 (6). S. 24–29 (in Mongolian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Perception of ethnic and religious processes by Mongolia population (a sociological study). *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017. № 1–2 (10–11). S. 115–128 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Tsedev N. Etnokonfessional'nye issledovaniia v Mongolii v 2016 g. [Ethno-religious research in Mongolia in 2016]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017. V. 1–2 (10–11). S. 115–128 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Tsedev N. Etnokonfessional'nye protsessy v Mongol'skom Altae [Ethnoconfessional processes in the Mongolian Altai]. Religiozniy landshaft Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov Tsentral'noi Azii: kol. monografiya pod red. P.K. Dashkovskogo [The religious landscape of Western Siberia and adjacent regions of Central Asia: count the monograph under the editorship of P. K. Dashkovskiy]. Barnaul, 2017. T. III. S. 122–135 (in Russian).

Mikhalev A. V. "Russkii vopros" v sisteme vneshnepoliticheskikh otnoshenii Mongolii XX veka ["Russian question" in the system of foreign policy relations of Mongolia of the XX century]. *Vlast'* [Power]. 2012. №7. S. 161–164 (in Russian).

Munkhbat D. Palomnichestvo mongolov: traditsii i sovremennost' [Pilgrimage of the Mongols: traditions and modernity]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018. № 2 (15). S. 79–84 (in Russian).

Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Prigranichnaia zona: aktual'nye problemy povsednevnosti (na primere prigranichnykh raionov Buriatii) [Stromilova Border zone: actual problems of everyday life (for example in border areas of Buryatia)]. *Vlast'* [Power]. 2012. № 3. S. 165–168 (in Russian).

Oidup T. M., Kылgyдай A. Ch. Osobennosti mezhetnicheskikh svyazei naseleniia tuvinsko-mongol'skogo prigranich'ia. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [allidai Features of inter-ethnic relations the population of the Tuva-Mongolian borderland studies]. 2012. №6. S. 136–140 (in Russian).

Rodionov V. A. Rossiia i Mongolii: novaia model' otnoshenii v nachale XXI veka [Russia and Mongolia: a new model of relations at the beginning of the XXI century]. Ulan-Ude, 2009. 228 s. (in Russian).

Tsogzolmaa N. Rasprostranenie novykh religioznykh techenii i ikh vliianie na sistemu obrazovaniia Mongolii [The spread of new religious movements and their impact on the education system of Mongolia]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018. № 1 (14). S. 117–124 (in Russian).

Tsedev Navaanzoch. Nekotorye problemy izucheniia etnokonfessional'noi situatsii v Mongolii [Some problems of studying ethno-religious situation in Mongolia]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017. Вып. 3–4 (12–13). S. 128–134 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 20.12.2021.

Принята к публикации 20.05.2022.

Дата публикации 30.06.2022.

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 902 (575.114)

DOI: 10.14258/nreur(2022)2-08

С. Ш. Кубаев

*Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент
(Узбекистан)*

О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ХРАМОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Исследования, проведенные на памятнике Кыркхуджра, расположенного в Наманганской области, а также на памятнике Хантепе в Кашкадарьинской области Республики Узбекистан в последние годы, дали новую информацию о строительной культуре религиозных сооружений Средней Азии. Изучение данных культовых сооружений выявило новые материалы по истории строительства храмов. В частности, исследования показали, что ряд элементов, наблюдаемых в храмах Кыркджура и Хантепа, частично повторяются в некоторых религиозных архитектурных комплексах Средней Азии. Одно из них — высокие платформы, прослеживающиеся в городских храмах Пенджикента, Еркургана, Пайкенда, Джартепе, Рабинджана, а также храмах Джартепе, Актепе Чиланзарском, Хантепе, расположенных за пределами крупных городов. Если платформа древнего храма Еркургана построена из сырцового кирпича, то платформы храмов Хантепе, Пайкенда и Пенджикента сделаны из пахсы — битой глины. Следующая важная деталь храмов — хранилище для золы, также было открыто во многих храмах Средней Азии. В частности, в храмах Еркургана, Пайкенда, Пенджикента и Хантепа. Если золохранилище храма Кыркхуджра позволило наблюдать самые древние формы таких сооружений, то золохранилища храма Хантепа показало их прогресс.

Ключевые слова: Кыркхуджра, Хантепа, Еркурган, золохранилище, зиккурат, алтарь, платформа, цитадель, шахристан, храм, «пахса», «святилище», бойницы, башня, зола.

Цитирование статьи:

Кубаев С. Ш. О некоторых элементах храмов Средней Азии // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 136–146. DOI: 10.14258/nreur(2022)2-08.

S. Sh. Kubaev

National center of archeology, Academy of Sciences Republic of Uzbekistan, Tashkent (Uzbekistan)

ABOUT SOME ELEMENTS OF THE TEMPLES OF CENTRAL ASIA

Studies conducted at the Kyrkhujra archeological site located in the Namangan region, as well as at the Hantepe site in the Kashkadarya region of the Republic of Uzbekistan in recent years have provided new information about the construction culture of religious buildings in Central Asia. The study of these religious buildings has given new materials on the history of the construction of temples. In particular, studies have shown that a number of elements observed in the temples of Kyrkjura and Hantepe were partially repeated in some religious architectural complexes of Central Asia. One of them is the high platforms that can be traced in the city temples of Penjikent, Yerkurgan, Paykend, Jartepe, Rabinjan and the temples of Jartepe, Aktepe Chilanzar, Hantepe, located outside the major cities. If the platform of the ancient Yerkurgan temple is built of mudbricks, then the platforms of the temples of Hantepe, Paykend and Penjikent are made of pakhsa — beaten (pressed) clay. The next important detail of the temples is the storage for ash, which was also opened in many temples of Central Asia. In particular, in the temples of Yerkurgan, Paykend, Penjikent and Hantepe. If the ash storage facilities of the Kirkhujra temple allowed us to observe the most ancient forms of such structures, then the ash storage facilities of the Hantepe temple showed their development.

Keywords: Kirkhujra, Hantepe, Yerkurgan, ash storage, ziggurat, altar, platform, citadel, shahristan, temple, pakhsa, sanctuary, loopholes, tower, ash.

For citation:

Kubaev S. Sh. About some elements of the temples of Central Asia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 2. P. 136–146. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–08.

Кубаев Суръат Шавкатович, доктор философии, младший научный сотрудник Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент (Узбекистан). **Адрес для контактов:** kubaev.surat@gmail.com.

Kubaev Surat Shavkatovich, Ph.D, junior researcher, National center of archeology, Academy of Sciences Republic of Uzbekistan, Tashkent (Uzbekistan). **Contact address:** kubaev.surat@gmail.com.

Введение

Возникновение и эволюция строительства религиозных монументальных сооружений Центральной Азии всегда были в центре внимания. Открытие нескольких типов религиозной архитектуры, начиная с 1940-х гг., усилило дебаты по этому вопросу.

Исследования, проведенные у памятника Кыркхуджа, расположенного в Наманганской области, а также на памятнике Хантепе в Кашкадарьинской области Республики Узбекистан в 2013–2017 гг., дали новую информацию о строительной культуре религиозных сооружений Средней Азии.

Памятник Кыркхуджа, расположенный у места впадения Олмосая в реку Сырдарья, на котором самые ранние слои памятника датированы VI–IV вв. до н. э. [Анарбаев, Баратов, Саидов, Кубаев, Насритдинов, 2016]. В ходе начавшихся в 2013 г. археологических раскопок у памятника был обнаружен один из старейших городских центров Ферганской долины, изучены его уникальные оборонительные, религиозные и монументальные сооружения. Город состоит из трех частей — цитадели и двух шахристанов. Холм, на котором выявлено монументальное сооружение, находится во втором шахристане города.

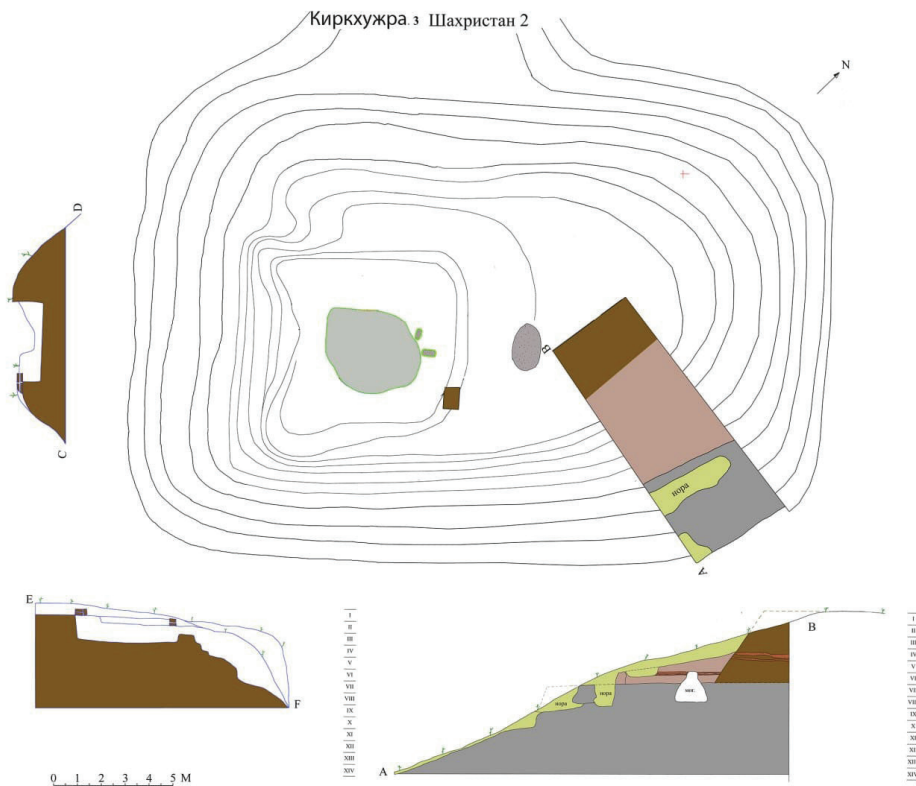

Рис. 1. План храма памятника Кыркхуджа [Анарбаев и др., 2017]
 Fig. 1. Plan of the temple of the Kyrkhujra monument [Anarbaev et al., 2017]

Визуальное наблюдение показало, что большая часть территории второго шахристана весной размывается паводками реки Олмосая, но центральная часть, где обнаружено монументальное сооружение, хорошо сохранилась [Анарбаев, Максудов, Куба-

ев, Насритдинов, 2018]. В этой центральной части находится высокий холм размером у основания 32x28 м. Северная, восточная и западная стороны холма крутые, и только с восточной стороны на холм относительно легко подняться. Во время археологических раскопок выявлено, что вершина холма была выровнена до плоскости и подготовлена высокая платформа из битой глины — пахсы (рис. 1).

На сохранившейся площади в средней части холма на глубине 20 см от современной поверхности был выявлен плохо сохранившийся комковатый уровень пола серого цвета. На уровне пола были расчищены 4 «алтаря» необычной овальной, «ваннообразной» формы [Анарбаев, Баратов, Саидов, Кубаев, Насритдинов, 2016]. Алтари углублены в пол на 16 см. Размеры «алтарей»: 44x25 см и 54x26 (см). Их стены были обмазаны глиной и обожжены до красного цвета без следов копоти. На дне «алтарей» находилась чистая белая зола без угольков. В 150 см к западу от группы «алтарей» расчищена прямоугольная в плане вымостка с размерами 100 x 100 (см), сооруженная в один слой из небольших серых галек [Анарбаев, Баратов, Саидов, Кубаев, Насритдинов, 2016]. На поверхности вымостки располагался слой (10 см) чистой белой золы.

В восточной части холма, которая предположительно является выходом, были замечены остатки пандуса-лестницы из пахсы — битой глины. Сооружения, обнаруженные на толстой соломенной поверхности конструкции, менялись в течение двух строительных периодов. На первом этапе строительства здесь было два «алтаря» размером 44x25 см (рис. 2).

Рис. 2. Алтари храма Кыркхужра [Анарбаев и др., 2017]
Fig. 2. Altars of the Kyrkhujra temple [Anarbaev et al. et al., 2017]

К западу от «алтаря» находится специальная яма размером 2,40х2,30, глубиной 1,30 м, внутри которой обнаружена чистая зола и различные отходы. Мы интерпретировали яму как специальное место для хранения золы от священного огня — золохранилище, или зольник. В яме для золы также были собраны фрагменты керамики, кости животных и рога оленей, которые использовались в некоторых видах деятельности. Основная часть керамических изделий выполнена вручную, также есть следы ткани на внутренней стороне. Рога оленя имеют длину 25 см, диаметр 5 см, верхняя и нижняя части обрезаны и сплющены с помощью оружия с острыми краями.

Во время второго периода строительства алтари закрыли, а верхнюю часть выровняли и оштукатурили. Часть золохранилища была закопана, а с северной стороны была сделана отмеченная выше вымостка из мелких серых галек. Во время второго периода строительства также построено два «алтаря» размерами 54х26 см, которые также имели прямоугольную форму. В конце второго строительного периода алтари и золохранилища были засыпаны.

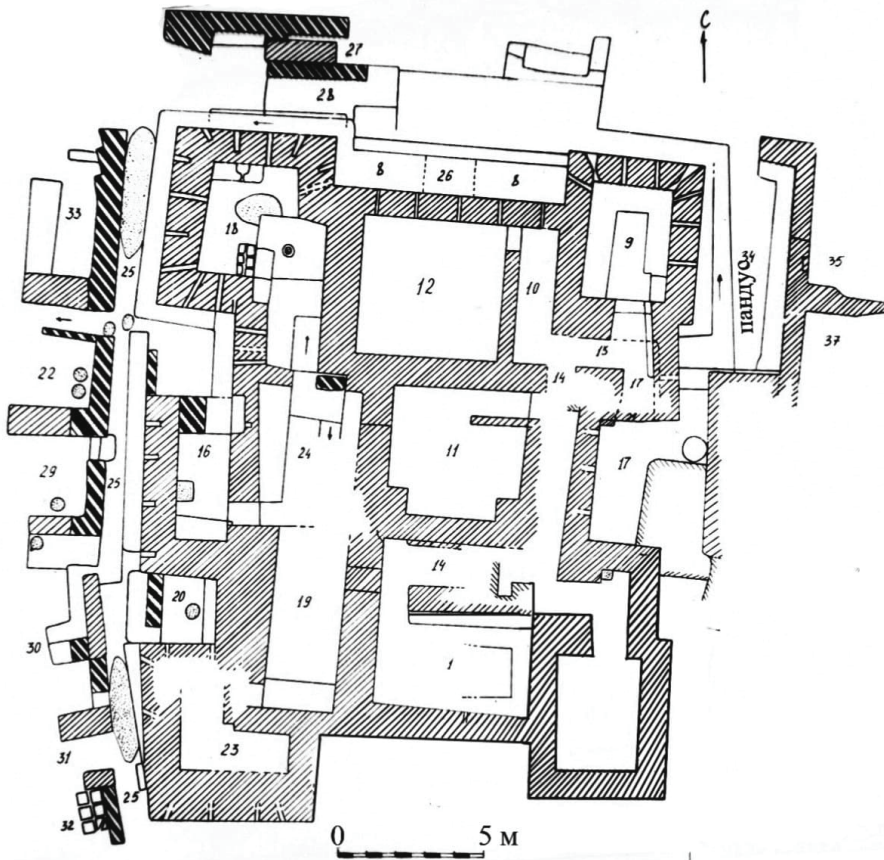

Рис. 3. План памятника Хантепе

Fig. 3. Plan of the Khantepe site

Второй объект исследования — памятник Хантепа — относится к раннесредневековому периоду и датируется V–VI вв. н.э. Памятник Хантепа расположен недалеко от монумена Еркурган, крупнейшего города Южного Согда. Было обнаружено, что первое здание на территории памятника было построено в III в. н.э. Храм, открытый на памятнике, построен на паховой платформе толщиной 80 см. Вход в храм, как и в храмах Кирхуджры, Пенджикента и Пайкенда, расположен с восточной стороны. К первому строительному периоду относится центральная часть основного здания. Центральное здание памятника ориентировано по сторонам света. Общие его размеры 18,7х23,20 м. по углам здания располагаются прямоугольные башни с двумя ярусами бойниц (рис. 3). Три из них расчищены полностью. Остатки четвертой юго-восточной башни найдены в 2016 г. В башнях и фасадах стен были сделаны бойницы или двухрядные продухи в шахматном порядке. Основное сооружение было двухэтажным. Остатки второго этажа зафиксированы в северной и восточной частях здания. Вход в основное здание памятника располагался в восточной стороне. Все подходы простреливались из бойниц, а вход позже был огорожен своеобразными ловушками.

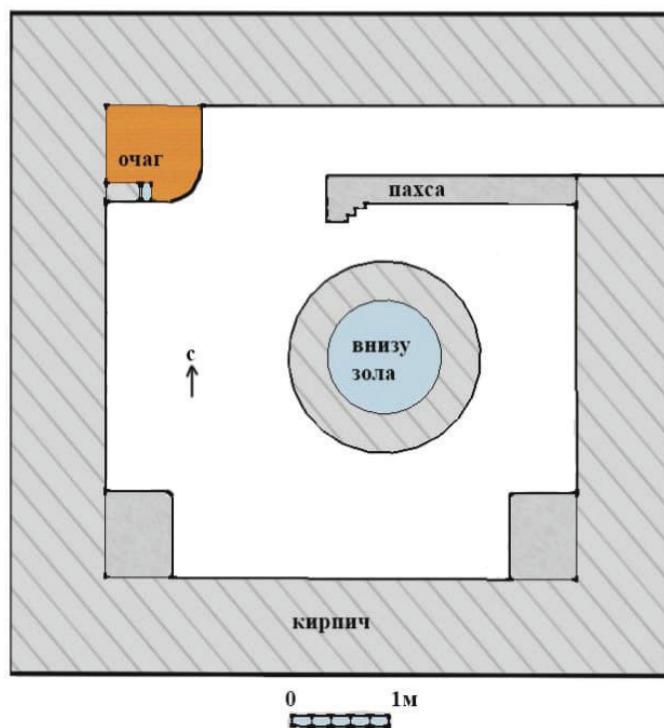

Рис. 4. План помещения 11 памятника Хантепа

Fig. 4. Floor plan 11 of the Khantepa site

Центральное место в здании занимало помещение 11, которое интерпретируется как «святилище». Оно имела квадратную в плане форму (рис. 4), размерами 4,5х4,5 м.

В южной стене святилища расчищена широкая и глубокая ниша (3,10x0,90 м). Ниша расчищена только в восточной части помещения 11. Вход в него, шириной 0,80 м, отделен от остальной части помещения тонкой тамбурной стенкой длиной 2 м и шириной 0,30 м, располагавшейся параллельно северной стене и находящейся в северо-восточном углу. Стены святилища многократно оштукатуривались саманной глиной. Не исключено, что на каком-то этапе функционирования стены покрывались росписью, так как небольшие ее фрагменты были выявлены в южной части ниши. На фрагментах росписи отмечены отдельные прямые красные мазки, оконтуренные узкими черными линиями, к сожалению, сохранность их очень плохая.

Рис. 5. Золохранилище памятника Хантепа
Fig. 5. The ash storage at the Khantepa site

В северной части здания располагались два помещения — 12 и 10. В центре одного из двух помещений находится золохранилище в форме круглого колодца (рис. 5). Диаметр колодца 1,10 м, а глубина 1,5 м. Край колодца на 0,8 м поднимается от пола помещения. Стены края с толщиной 0,50 м сложены из сырцового кирпича размерами 47x26x10 см на высоте 80 см от пола помещения. Внутренняя часть «колодца» толщиной 40 см заполнена чистой золой. Еще одно сооружение, связанное с огнем, найдено в помещении 11. Это алтарь, расположенный в северо-западном углу. Размер алтаря — 110x90 см, внутри алтарь очищен от золы [Кубаев, 2018].

Последующие строительные периоды отмечаются подъемом значения памятника и расширением его территории с возведением новых помещений. В частности, в северной, западной и южной сторонах основного здания были построены новые поме-

щения. А в восточной стороне здания было возведено новое привратное сооружение (см. рис. 3). В итоге башни центрального здания потеряли свои функции и остались внутри комплекса.

Методика и результаты исследования

Ряд аспектов, наблюдаемый в храмах Кыркхуджра и Хантепа, были частично повторены в некоторых религиозных архитектурных комплексах Средней Азии. Это высокие платформы, прослеживающиеся в городских храмах Пенджикента, Еркургана, Пайкенда, Рабинджана, а также храмах Джартепа, Актепе Чиланзарском, Хантепа, расположенных за пределами крупных городов. Если платформа древнего храма Еркургана построена из сырцового кирпича, то платформы храмов Хантепа, Пайкенда и Пенджикента сделаны из пахсы — битой глины.

Планировка храмов также напоминает некоторые культовые сооружения Средней Азии. В классификациях исследователей Г. Пугаченковой и Р.Х. Сулейманова ранее известных исходных типов святилищ Античности и раннего Средневековья Средней Азии имеются памятники, близкие памятнику Хантепа [Сулейманов, 2000].

Исследователи выделяют ещё несколько типов, сочетающих в себе особенности конструкций двух или трех рассмотренных типов. Для нашего памятника восьмой тип наиболее характерен, так как несет в себе сочетаемость в планировке элементов всех трех традиций храмового зодчества: среднеазиатской, месопотамской и средиземноморской (греческой). Памятник Хантепе также сочетает в себе несколько особенностей этих типов. Он построен как башенные культовые сооружения, но по обе стороны целлы сооружены помещения, целла может быть разделена на три части. В таком случае близкую аналогию мы видим в храме Джартепа в Самаркандском Согде и Актепе Чиланзарском в Ташкентском оазисе.

Религиозные сооружения, возведенные на открытой возвышенности, как храм Кыркхуджра, также были изучены в Средней Азии. В частности, в Северной Бактрии на памятниках Пшактепа, Пачмактепа, в Хорезмском оазисе — памятнике Кузаликир были обнаружены культовые сооружения на открытой возвышенности [Аскарров, 1982: 30–40]. Трехступенчатая постройка храма Кыркхуджра похожа на зиккуратные храмы Древнего Востока. Основы таких храмов, построенные в виде зиккурата, восходят к древней Месопотамии, и некоторые авторы отмечают, что эта традиция восходит к периоду Убайд (6–4 тыс. лет до н. э.) [Crawford, 1993: 85–88].

Храмы в форме зиккуратов имеют разное строение, и их всех объединяет высокое ступенчатое основание. Внешний вид зиккурата в Киш имеет площадь 84 квадратных метра, с четырьмя ступенями, в то время как зиккурат, построенный во времена третьей династии Ура (100 г. до н. э.), достигает высоты 20 м [Potts, 2006: 1–2; Sauvage, 1998: 45–48]. Отличительной чертой зиккурата Ур является умелое использование сырых кирпичей при его строительстве [Sauvage, 2015: 45–48]. Некоторые исследователи сосредоточились на астрологических свойствах этих зиккуратов в дополнение к их использованию в религиозных целях [Tiede, 2018]. Таким образом, храм памятника Кыркхуджра является ещё одним культовым сооружением в виде зиккурата.

Следующая важная деталь храмов — хранилище для золы, также было открыто во многих храмах Средней Азии. В частности, в храмах Еркургана, Пайкенда, Пенджи-

кента и Хантепа. Подобное сооружение в храме Кыркхуджра позволило добавить недостающий элемент в истории развития золоохранилища. На основе конструкции золоохранилища памятника Кыркхуджры можно сделать заключение, что первые сооружения для хранения золы были в виде простых глубоких ям под открытым небом. В последующие периоды оно (хранилище для золы) встречается в разных обликах. Например, в храме Еркургана (античный период) зола из священного алтаря, а также предметы, использованные в процессе богослужения, были захоронены в специальном месте к западу от храма, а поверхность оштукатурена [Сулейманов, 2000: 47–48]. На этом своеобразном этапе развития подобных сооружений для золы золоохранилище храма Хантепа можно отнести к их более развитым формам.

Таким образом, следует отметить, что методы строительства храмов Кыркхуджра и Хантепе можно считать недостающими элементами, которые дополняют особенности культово-мемориальной архитектуры Средней Азии, воплощают традиции зороастрийской религиозной монументальной архитектуры, упомянутой в источниках. В частности, знаток зороастризма Мэри Бойс отмечала, что первые религиозные обряды зороастрийцы проводили на высоких холмах, на открытых местах или в открытых сооружениях [Бойс, 1987: 75].

Ещё в древности Геродот, рассуждая об обрядах зороастрийцев, писал, что «... они не строят храмов, статуй и очагов» [Геродот, 1972]. Это означает, что в ранний период зороастризма не было специальных помещений для религиозных мероприятий. Согласно источникам, храм, построенный в Зеле Киром, правителем династии Ахеменидов, имел форму открытого искусственно возвышенного места, окруженного стеной [Бойс, 1987: 75]. Лишь Страбон, живший в первом веке нашей эры, дает информацию о процессах поклонения в зороастрийских храмах [Страбон, 1964]. Это свидетельствует о том, что к тому времени было принято строить храмы, в алтарях которых горел священный огонь. Мэри Бойс также в своих исследованиях писала, что в ахеменидских и более поздних храмах было два основных типа огня [Бойс, 1987: 80]. «Огонь Адурана» — так называемый «Огонь пламени». Это относительно небольшой огонь, который разжигается от очагов различных социальных категорий. «Пламя Победы» — огонь под названием «Аташи-Варахрон» или «Аташи Бахром» — зажигался в больших храмах. Еще одним важным аспектом этого процесса является то, что не только сам алтарь, но зола из него также считалась священной, служители собирали ее в специальное сооружение или в место, а затем хоронили в отдельных чистых местах [Дорошенко, 1982: 32–33].

Выводы

Известно, что памятник Кыркхуджра датируется VI–IV вв. до н. э., а культово-мемориальный центр Хантепе относится V–VI вв. н. э. Изучение материалов этих памятников выявило, что в течение тысячелетия многие особенности храмов изменились из-за местных условий, культурных взаимосвязей и этнополитических положений в разных частях Центральной Азии, но наиболее важные элементы архитектурной традиции были сохранены и развиты. В частности, основания храмов, алтари и золоохранилища были элементами, которые за долгий период не потеряли своего основного назначения, а развивались и совершенствовались.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анарбаев А., Максудов Ф., Кубаев С. Ш. Чильхуджра (Кыркхуджра) — руины древнего города Северо-Западной Ферганы // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 39. Самарканд : Институт археологии АН РУз., 2017. С. 89–113.

Анарбаев А. А., Баратов С. Р., Саидов М., Кубаев С., Насриддинов Ш. Археологические исследования городища Чильхуджра в 2013 году // Археологические исследования в Узбекистане 2013–2014 года. Самарканд : Институт археологии АН РУз. 2016. Вып. 10. С. 23–36.

Аскарров А. А., Раскопки Пшактепе на юге Узбекистана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 17. Ташкент : Фан, 1982. С. 30–40.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. : Наука, 1987. 304 с.

Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л. : Наука, 1972. 600 с.

Дорошенко А. Р. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). М. : Наука, 1982. 233 с.

Кубаев С. Ш. Трипод из памятника Хантепа // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2 (41) 2018. Тюмень : ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. С. 81–85.

Страбон. География в 17 книгах / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л. : Наука, 1964. 957 с.

Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб. Ташкент : Фан, 2000. 443 с;

Шкода В. Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII века). СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 280 с.;

Harriet Crawford, *Sumer and the Sumerians*, Cambridge: Cambridge University Press, 1991. (New York 1993). 234 p. (in English)

Martin Sauvage, La construction des ziggurats sous la troisième dynastie d'Ur // IRAQ. The British Institute for the Study of Iraq. Volume 60. 1998. P.45–63 (in French).

Martin Sauvage, La gestion de la construction publique sous la Troisième dynastie d'Ur // dans C. Michel (éd.), De la maison à la ville dans l'Orient ancien: bâtiments publics et lieux de pouvoir, Nanterre, MAE, 2015 (Thème VIII, Cahiers des thèmes transversaux d'ArScAn, vol. XII, 2013–2014). P. 103–115 (in French).

Vance Tiede. Ziggurats: An Astro-Archaeological Analysis // Harmony and Symmetry: Celestial regularities shaping human culture, Proceedings of the SEAC 2018. Conference in Graz (in English).

REFERENCES

Anarbaev A., Maksudov F., Kubaev S. Sh. Chil'khudzhra (Kyrkkhudzhra) — ruiny drevnego goroda Severo-Zapadnoi Fergany. [Chilkhujra (Kirkkhujra) — the ruins of the ancient city of North-West Fergana]. *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana*. [History of the material culture of Uzbekistan]. Samarqand: Institut arkheologii AN RUz. 2017, no. 39. S.89–113 (in Russian).

Anarbaev A. A., Baratov S. R., Saidov M., Kubaev S., Nasriddinov Sh. Arkheologicheskie issledovaniia gorodishcha Chil'khudzhra v 2013 godu. [Arkheologicheskie issledovaniia gorodishcha Chil'khudzhra v 2013 godu]. *Arkheologicheskie issledovaniia v Uzbekistane*

2013–2014 goda. [Archaeological research in Uzbekistan 2013–2014]. Samarkand: Institut arkheologii AN RUz. 2016, no. 10. S. 23–36 (in Russian).

Askarov A. A. Raskopki Pshaktepe na iuge Uzbekistana [Pshaktepe excavations in the south of Uzbekistan]. *Istoriia material'noi kul'tury Uzbekistana* [History of the material culture of Uzbekistan]. Tashkent: Fan. 1982, no. 17. S. 30–40 (in Russian).

Bois M. *Zoroastriitsy. Verovaniia i obychai*. [Zoroastrians. Beliefs and customs]. M.: Nauka, 1987. 304 s. (in Russian).

Gerodot. *Istoriia v devyati knigakh* [A story in nine books]. (Russ. ed: G. A. Stratanovskogo.) L.: Nauka, 1972, 600 s. (in Russian).

Doroshenko A. R. *Zoroastriitsy v Irane (Istoriko-etnograficheskii ocherk)* [Zoroastrians in Iran (Historical and Ethnographic Essay)]. M.: Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury izdatel'stva "Nauka", 1982, 233 s. (in Russian).

Kubaev S. Sh. Tripod iz pamiatnika Hantepa [Tripod from the Khantepa monument]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography]. No. 2 (41) 2018. Tiumen: FITs TiumNTs SO RAN, 2018. S.81–85 (in Russian).

Strabon. *Geografiia v 17 knigakh* [Geography in 17 books]. (Russ. ed: G. A. Stratanovskogo.) L.: Nauka, 1964, 957 s. (in Russian).

Suleimanov R. Kh. *Drevnii Nakhshab* [Ancient Nakhshab]. Tashkent: Fan, 2000. 443 s. (in Russian).

Shkoda V. G. *Pendzhikentskie khramy i problemy religii Sogda (V–VIII veka)* [Panjakent temples and problems of the religion of Sogd (V–VII century)]. SPb.: Izd-vo Gos. Ermitazha, 2009. 280 s. (in Russian).

Harriet Crawford, *Sumer and the Sumerians*, Cambridge: Cambridge University Press, 1991, (New York 1993). 234 p. (in English).

Martin Sauvage, La construction des ziggurats sous la troisième dynastie d'Ur [The construction of ziggurats under the third dynasty of Ur]. *IRAQ. The British Institute for the Study of Iraq*. Volume 60. 1998. P. 45–63 (in French).

Martin Sauvage, La gestion de la construction publique sous la Troisième dynastie d'Ur [The management of public construction under the Third Dynasty of Ur]. *De la maison à la ville dans l'Orient ancien: bâtiments publics et lieux de pouvoir* [From home to city in the ancient East: public buildings and places of power]. Nanterre, MAE, 2015, [Thème VIII, Cahiers des thèmes transversaux d'ArScAn, vol. XII, 2013–2014]. P. 103–115 (in French).

Vance Tiede. Ziggurats: An Astro-Archaeological Analysis. *Harmony and Symmetry: Celestial regularities shaping human culture*, [Proceedings of the SEAC 2018. Conference in Graz.] (in English).

Статья поступила в редакцию: 16.08.2021.

Принята к публикации 15.03.2022.

Дата публикации 30.06.2022.

УДК 2

DOI: 10.14258/nreur(2022)2–09

П. К. Дашковский*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)***Н. С. Дворянчикова***Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье исследована социальная, благотворительная и культурно-просветительская деятельность религиозных общин Новосибирской области в 1992–2000-е гг. Данное исследование построено на анализе архивных материалов из фондов Государственного архива Новосибирской области, интернет-ресурсов религиозных организаций России, а также нормативно-правовых документов постсоветского периода истории. Исследуемый период характеризуется гармонизацией в государственно-конфессиональных отношениях, утверждением свободы совести, развитием системы религиозного образования, социального служения конфессий. Прослеживается увеличение численности разных религиозных организаций, возрождаются и появляются новые религиозные центры в регионах. Кроме того, существенно возросло количество проводимых обрядов, увеличилось число священнослужителей, а также активизировался процесс возврата религиозного имущества. Религиозные организации Западной Сибири, помимо богослужебной деятельности, инициативно включились в осуществление социального служения, духовно-нравственного воспитания молодого поколения, благотворительной и культурно-просветительской деятельности. Масштабную социальную деятельность развернули религиозные организации во всех регионах России, в том числе на юге Западной Сибири. На территории Новосибирской области религиозные общины проводили благотворительную работу в исправительных учреждениях, детских домах, больничных учреждениях, домах престарелых, наркологических диспансерах. К 2000 г. в Новосибирской области действовали 32 благотворительные организации, крупнейшими из которых являлись православное общество «Милосердие», католическая организация «Каритас», международное Библейское общество, протестантская миссия «Геденовы братья», христианская миссия «Библейская лига в Сибири» и др.

Ключевые слова: социальное служение, Западная Сибирь, благотворительность, государственно-конфессиональные отношения, религиозные общины

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Социальная и культурно-просветительская деятельность религиозных организаций в Западной Сибири в конце XX в. (по материалам Новосибирской области) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 147–165. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–09.

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

N. S. Dvoryanchikova

Altai State University, Barnaul (Russia)

SOCIAL AND CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN WESTERN SIBERIA AT THE END OF THE XX CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE NOVOSIBIRSK REGION)

The article examines the social, charitable, cultural and educational activities of religious communities of the Novosibirsk region in the 1992–2000s. This study is based on the analysis of archival materials from the collections of the State Archive of the Novosibirsk region, Internet resources of religious organizations in Russia, as well as regulatory documents of the post-Soviet period of history. The period under study is characterized by harmonization in state-confessional relations, the assertion of freedom of conscience, the development of the system of religious education, social service of confessions. There is an increase in the number of different religious organizations, new religious centers are being revived and emerging in the regions. In addition, the number of rites performed has increased significantly, the number of priests has increased, and the process of returning religious property has also intensified. Religious organizations in Western Siberia, in addition to their liturgical activities, have taken the initiative to engage in social service, spiritual and moral education of the younger generation, charitable and cultural and educational activities. Large-scale social activities have been launched by religious organizations in all regions of Russia, including in the south of Western Siberia. On the territory of the Novosibirsk Region, religious communities carried out charitable work in correctional institutions, orphanages, hospitals, nursing homes, drug treatment dispensaries. By 2000 There were 32 charitable organizations in the Novosibirsk region, the largest of which were the Orthodox society “Mercy”, the Catholic organization “Caritas”, the International Bible Society, the Protestant mission “Gedeon Brothers”, the Christian mission “Bible League in Siberia”, etc.

Keywords: social service, Western Siberia, charity, state-confessional relations, religious communities

For citation:

Dashkovskiy P. K., Dvoryanchikova N. S. Social and cultural and educational activities of religious organizations in Western Siberia at the end of the XX century (based on the materials of the Novosibirsk region). *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Vol. 27, No. 2. P. 147–165. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–09.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: dashkovskiy@fpn.asu.ru

Дворянчикова Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: natali.dvoryanchikova@mail.ru

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). Contact address: dashkovskiy@fpn.asu.ru. Orcid.org/0000–0002–4933–8809

Dvoryanchikova Natalia Sergeevna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the Department of regional studies of Russia, national and state-confessional relations of Altai State University, Barnaul (Russia). Contact address: natali.dvoryanchikova@mail.ru

Введение

Изучение различных процессов, протекавших в России в 1990-е гг., все больше внимание привлекает современных исследователей. Не является исключением в этом отношении и рассмотрение различных аспектов взаимодействия государственных институтов власти и религиозных объединений. При этом отметим, что характеристика и особенности социальной деятельности религиозных общин в России в первое десятилетие после распада СССР в определенной степени освещены в современной исторической науке в трудах Е. В. Нечипоровой [2009], О. П. Федирко, С. М. Дударёнок [Федирко, Дударёнок, 2020], В. А. Тулянова [2020], Т. К. Никольской [2018] и других исследователей. Однако при этом остается слабо изученной региональная специфика не только государственно-конфессиональных отношений, но и социально-культурной деятельности религиозных общин. Наиболее объективно проанализировать социальную деятельность религиозных общин Новосибирской области в 1992–2000-е гг. позволяют архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области (Новосибирск). Архивные источники представлены деловыми переписками комитета по связям с религиозными, национальными и благотворительными организациями администрации Новосибирской области с религиозными объединениями, распоря-

жениями, статистическими данными, законодательными нормативно-правовыми актами государственных органов и т. д.

В начале 1990-х гг. происходит формирование правовых основ государственной конфессиональной политики, которые способствовали активизации деятельности, социального служения религиозных объединений. Принятая в декабре 1993 г. Конституция РФ, закреплявшая равенство всех религий, стала результатом демократических перемен. Разработка и принятие 26 сентября 1997 г. Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» конкретизировал основные принципы взаимодействия государственных органов власти и религиозных институтов.

В изучаемый период существенно возросло общее число религиозных объединений, а также связанных с ними благотворительных, миссионерских, просветительских центров. Следует отметить, что сфера деятельности религиозных объединений стала более широкой и многогранной, особенно в миссионерской, социальной, благотворительной, культурно-просветительской деятельности. Многие религиозные объединения установили международные связи с зарубежными религиозными центрами по обмену делегациями, паломничеству, а также создавали СМИ и активно занимались социальным служением. Так, например, ещё в 1991 г. Русская православная церковь организовала Отдел по церковной благотворительности и социальному служению, который занимался социальным взаимодействием церкви с верующими [<http://www.diaconia.ru/ob-otdele>]. В процесс социального служения в 1990-е гг. постепенно активно включались и другие религиозные объединения, которые развернули свою деятельность в разных регионах России, в т. ч. и в Западной Сибири.

Доктринальные основы социального служения религиозных объединений

Одно из примечательных явлений религиозной жизни России в завершающемся десятилетии XX в. — принятие крупнейшими централизованными религиозными объединениями доктринальных документов, где сформулированы их позиции в отношении к наиболее важным проблемам жизни современного общества и человека, их видение собственных возможностей в решении этих проблем [Зуев, 2010: 35–45].

Необходимо отметить, что в 2000 г. были приняты Основы социальной концепции Русской православной церкви [<http://www.patriarchia.ru/db/text/419128>], хотя многие ее принципы реализовывались как раз в 1990-е гг. Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий в докладе на юбилейном Архиерейском Соборе 2000 г. особо отметил необходимость планомерного расширения и активизации благотворительности и социального служения Церкви, установления контактов с властями. Основы социальной концепции Русской православной церкви, принятые на том же Соборе, указывают, что дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ являются одной из областей соработничества церкви и государства [Кудрина, 2002: 4].

Помимо РПЦ, к разработке аналогичных доктринальных документов приступили и другие религиозные организации. Уже через год Совет муфтиев России (СМР) выступил с Основными положениями социальной программы российских мусульман [<https://muslim.ru/articles/280/8471/>]. В течение 2002–2003 гг. свои социальные концепции опубликовали Российский объединенный союз христиан веры евангельской

(«Основы социальной концепции РПЦ» [https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1448133], Евро-Азиатское отделение Церкви христиан адвентистов седьмого дня («Основы социального учения Церкви христиан АСД России») [Основы социального учения Церкви христиан адвентистов седьмого дня России, 2009: 288]. Этими религиозными организациями, с участием Российского союза Евангельских христиан-баптистов и Союза христиан веры евангельской пятидесятников в России, был выработан совместный документ — Социальная позиция Протестантских Церквей России [Зуев, 2010: 35]. При этом указанные документы фактически обобщили те направления социальной работы, которые реализовывали религиозные объединения в предшествующий период.

В российском законодательстве под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки (Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/891985ee83f1494ecbb7542502a3f5d0d07d325e/].

Основой регулирования благотворительной деятельности религиозных организаций являлся ФЗ № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях» (1997 г.). Так, согласно ст. 18 религиозные организации вправе осуществлять благотворительную деятельность как непосредственно, так и путем учреждения благотворительных организаций. Далее говорится, что для реализации своих уставных целей и задач религиозные организации в порядке, определенном законодательством Российской Федерации, имеют право создавать культурно-просветительские, образовательные и другие организации, а также учреждать средства массовой информации (О свободе совести и о религиозных объединениях: ФЗ от 26.09.1997 N 125) [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/346e734e25630178ac9172429abf0c422fa02ee1/].

Появление религиозных социальных доктрин обусловлено теми процессами, которые проходили в российском обществе в 1990-х и начале 2000-х гг. и характеризовались изменением отношения общества к религии и религиозным объединениям. Многообразное воздействие религиозных институтов на разные сферы личной и общественной жизни, на поведенческие нормативы людей привело к необходимости официального декларирования основных принципов этих отношений, а со стороны государства — к формулированию политики (основ) государственно-конфессиональных отношений [https://www.dissercat.com/content/osobnosti-konfessionalnogo-ponimaniya-rol-i-sotsialnoi-deyatelnosti-religioznykh-organizats].

Благотворительная и социальная деятельность религиозных общин в регионе

Активную благотворительную деятельность в исследуемый период вела Русская православная церковь. Так, еще в 1991 г. в РПЦ был создан Отдел по церковной благотворительности и социальному служению, в функции которого вменялась организация культурно-просветительской и благотворительной деятельности церкви, а также работа с населением в чрезвычайных ситуациях. В этот период между церковью и органами исполнительной власти федерального и регионального уровней заключались

соглашения (договоры) о сотрудничестве. Соответствующие соглашения были заключены между РПЦ и Министерством обороны, Министерством внутренних дел, Министерством по чрезвычайной ситуации, Министерством труда и социальной защиты, Министерством здравоохранения и медицинской промышленности, Министерством юстиции, Министерством образования и др. Особо успешно развивалось сотрудничество между РПЦ и силовыми ведомствами, армией. На основе заключенных соглашений были разработаны и приняты соответствующие программы, например, программа совместных действий ракетных войск и Русской православной церкви, программа взаимодействия Федеральной пограничной службы России с Русской православной церковью. Для поддержания контактов с силовыми структурами на высшем уровне было образовано Синодальное учреждение РПЦ — отдел по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями. В рамках реализации заключенных соглашений к 2000 г. в воинских гарнизонах насчитывалось 117 храмов. Священнослужители отдела по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями несли послушание в Сербии, Чечне, Таджикистане. Принцип адресности социальной деятельности РПЦ соблюдался и при заключении соглашений с региональными органами исполнительной власти во всех федеральных округах. Сформировался комплекс договоров и соглашений регионального значения, заключенных с РПЦ. С середины 1990-х гг. в социальной деятельности РПЦ выявилось отдельное направление, связанное с решением проблем в сфере образования детей и молодежи. Данное направление курировали Учебный комитет РПЦ и Отдел религиозного образования и катехизации [Симонова, 2014: 157–158].

Следует отметить, что помимо РПЦ миссионерской деятельностью занимались и другие христианские объединения. Так, например, одним из наиболее значимых направлений деятельности адвентистов седьмого дня в Приморском крае, наряду с деятельностью по духовно-назидательному воспитанию членов церкви, являлась благотворительная и милосердная деятельность. Верующие большинства приморских общин АСД с помощью своих зарубежных единоверцев оказывали благотворительную помощь самым незащищенным слоям населения: детям, больным, инвалидам и пенсионерам [Дударёнок, 2019: 73].

Показательным является деятельность религиозных организаций Приморского края, в котором первенство в сфере благотворительности принадлежало протестантским деноминациям. Особое место в социальном служении протестантских деноминаций занимала работа с детьми и детскими учреждениями [Поправко, 2012: 63–68].

Достаточно масштабную социально ориентированную деятельность развернули религиозные организации во всех регионах России, в том числе на юге Западной Сибири. В частности, в Новосибирской области РПЦ в исследуемый период активно занималась социальной и благотворительной деятельностью. Так, Группа милосердия Александро-Невского собора помогала детскому дому № 1, школе-интернату № 152 для детей, больных церебральным параличом [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 2]. Нуждающимся предоставлялась определенная материальная помощь. Кроме того, проводились встречи детей со священником, организовывались посещения детьми храма [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 3].

В других регионах Сибири РПЦ также развернула благотворительную деятельность. Так, социальную работу Кемеровская епархия начала проводить с первого года своего основания. Уже в 1993 г. (в год основания епархии) начали свою работу шесть благотворительных трапезных, и к 1996 г. подобные столовые были открыты при всех храмах. В вопросах реализации социальной работы Кемеровская епархия всегда активно взаимодействовала с местными органами власти. В 1994 г. в Кемерове была проведена конференция по проблемам возрождения православных традиций, в которой самое активное участие приняли руководители направлений социальной защиты области. Итогом конференции стало заключение соглашения о сотрудничестве между администрацией области и Кемеровской епархией в сфере образования, культуры и здравоохранения. В 2000 г. при администрации Кемерова был создан Межведомственный координационный совет для решения различных социальных вопросов [Ардашкина, 2017: 8].

В Новосибирской области благотворительная работа РПЦ проводилась также в исправительных учреждениях. Так, в 10 исправительно-трудовых колониях (из 14) Новосибирской области были созданы храмы и молитвенные помещения, обустроенные руками осужденных. В них проводились богослужения, исполнялись требы, проводились беседы с заключенными, концерты духовной музыки. В результате с 1991 по 1996 г. в исправительно-трудовых учреждениях Новосибирской области приняли крещение 4300 человек. Кроме того, обвенчалась 41 пара с участием заключенных. Совместными усилиями с УВД Новосибирской области и Новосибирского епархиального управления в 1994 г. для помощи осужденным был создан областной благотворительный фонд во имя Святителя Николая. Таким образом, поддерживалась постоянная связь с освободившимися осужденными, им оказывалась материальная помощь и духовная поддержка, велось активное сотрудничество с существующими государственными воспитательными реабилитационными учреждениями [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 3].

В Новосибирской области Русской православной церковью Московского патриархата также были созданы общепатриархальный благотворительный фонд при Вознесенском кафедральном соборе, Православный центр милосердия, Православное сестричество (зарегистрированы в управлении юстиции Новосибирской области) [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 3].

Важным направлением государственно-конфессиональной политики в данный период стало заключение соглашений (договоров) о взаимодействии между государственными органами властью и РПЦ. Так, Постановлением № 227 от 14 июня 1994 г. администрация Новосибирской области поддержала Программу церковно-социальной работы Новосибирского епархиального управления. Программа предусматривала участие церкви в решении отдельных задач в области здравоохранения, образования, летней воспитательной работы и отдыха детей. В рамках этого православным приходом были переданы несколько бывших пионерских лагерей, в которых провели летний отдых в 1995 г. более 700 учащихся гимназий и детских домов [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 333. Л. 1–2].

Следует подчеркнуть, что православные организации области взяли под свое попечительство более 30 больниц, детских домов и домов престарелых, наркологические диспансеры. Сотрудничество осуществлялось также в сфере оказания медикосоциаль-

ной помощи, в первую очередь инвалидам и иным социально уязвимым группам населения. Важное внимание уделялось Русской православной церковью в регионе в сфере ухода за больными на дому и в стационарных учреждениях, подготовке сестер милосердия, проведению богослужений и других религиозных обрядов. Так, например, в р. п. Кольвань Новосибирской области на базе интерната был оборудован профилакторий для детей-инвалидов с церебральным параличом, в котором обслуживание вели сестры Кольванского монастыря. Кроме того, Русской православной церковью разворачивается широкая религиозная деятельность в исправительных учреждениях и местах заключения. Показательно, что в исправительных учреждениях Новосибирской области было открыто пять храмов и пять молельных комнат православной церкви на 240 мест [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 6–7].

Кроме различных центров, приход также мог сам заниматься благотворительностью, пользуясь помощью прихожан, поручая определённые участки деятельности штатным работникам прихода, устанавливая контакты с органами местного самоуправления, общественными организациями и др. [Стародубцева, 2017: 189–198].

К 2000 г. в Новосибирской области при религиозных объединениях действовали уже 32 благотворительные организации, крупнейшими из которых являлись православное общество «Милосердие», католическая организация «Каритас», международное Библейское общество, протестантская миссия «Гедеоновы братья», христианская миссия «Библейская лига в Сибири», фонд «Эвен-Эйзер», региональный центр «Сахаджа йога» и др. [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 399. Л. 1–2].

Следует подчеркнуть, что кроме РПЦ благотворительной деятельностью занимались и другие конфессии. Так, на юге Западной Сибири действовали две католические благотворительные организации «Каритас». В 1991 г. здесь была создана организация «Каритас» Преображенской епархии с центром в Новосибирске. Чтобы помочь людям справиться с тяжелой ситуацией, были созданы следующие программы:

1. Социальная служба помощи бездомным и остро нуждающимся людям (с 1991 г.).
2. Приют св. Николая — негосударственный детский дом для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (с 1996 по 2015 г.).
3. Материнские обители и центры помощи семье (с 1996 г.) [<https://sibcaritas.ru/ru/about/>].

В 1996 г. «Каритас» начала свою деятельность также в Алтайском крае Организация располагалась в районе Железнодорожного вокзала и в частном секторе Барнаула. В районе вокзала всегда скоплялись бездомные люди, поэтому первым проектом «Каритас» стал проект «Социально-медицинская помощь бездомным» [<https://sibcaritas.ru/ru/karitas-v-regionakh/>].

В 1992 г. начали активную социальную работу религиозные организации баптистов. Так, например, общиной евангельских христиан — баптистов Новосибирска была оказана помощь дому-интернату, дому престарелых, дому инвалидов. Безвозмездно во многие детские больницы города от общины баптистов были завезены противовоспалительные препараты [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 309. Л. 26].

Примечательным является тот факт, что протестантские организации активно занимались социальным служением по предотвращению алкогольной и наркозависимости

по всей России. Так, в начале 1990-х гг. в Норильске была основана одна из первых харизматических организаций — «Церковь Христиан Веры Евангельской «Прославление» г. Норильск» Российского объединенного союза христиан веры евангельской. За годы своей деятельности Церковь Прославления (количество прихожан около 100 человек) провела в масштабах города множество мероприятий, направленных на решение актуальных проблем жителей Норильского региона. Одним из них была серия антинаркотических ток-шоу в высших и среднеспециальных учебных заведениях Норильска и Дудинки в рамках антинаркотической акции «Позитивный вирус». В общей сложности этой акцией было охвачено 4500 человек [Онищенко, 2015: 358].

Необходимо также указать на активную издательскую деятельность православных религиозных организаций. Так, например, Православная гимназия преподобного Сергия Радонежского Новосибирской области выпускала следующие издания: «Свет Христов провещает всех!», «Серафимово благословение», журнал «Филолог». Новосибирской епархией также издавалась газета «Новосибирский епархиальный вестник» [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 397. Л. 13].

В Алтайском крае РПЦ также публиковала издания, среди которых можно отметить такие, как «Алтайская миссия» (учреждена 12 января 1996 г.), «Лампада» (зарегистрирована 26 февраля 1996 г., издается с 20 декабря 1995 г.) [<http://www.altai-eparhia.ru/eparhia/ourpressa/?id=18236>].

Одним из направлений по социальной работе с населением являлось взаимодействие в сфере образования. Правда, нужно отметить, что по Конституции РФ 1993 г. религиозные организации отделены от государства, которое провозглашалось сугубо светским. Соответственно, и образование в стране должно носить светский характер. В то же время представители религиозных организаций, прежде всего Русской православной церкви, неоднократно предпринимали попытки реализовать свои определенные задачи в образовательной системе, в том числе и в учебных заведениях Западной Сибири. Так, священнослужители Русской православной церкви вели духовно-просветительскую работу в государственных средних и высших учебных заведениях. В соответствии с соглашениями епархии с администрацией Новосибирской области и Управлением образования мэрии Новосибирска велось преподавание (факультативное) более чем в 60 классах 25 общеобразовательных школ, в 20 группах училищ, техникумов, вузов.

К 2000 г. при 40 приходах Русской православной церкви Новосибирской епархии действовали уже 40 воскресных школ, а также работал Новосибирский православный богословский институт, в котором обучалось 169 студентов на очном отделении и 52 на заочном. В 1999 г. было открыто двухгодичное Паломническое отделение для подготовки руководителей клироса и малых хоров. В 2000 г. действовало шесть православных детских лагерей [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 397. Л. 7].

Кроме того, Новосибирская епархия занималась собственной издательской деятельностью. Разрабатывались и издавались учебные программы, пособия, учебники, духовные книги и т. д. [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 1]. Примечательным является издательская деятельность Православной гимназии во имя преподобного Сергия Радонежского Новосибирской области. Гимназия занималась изданием программ учеб-

ных курсов, учебников, научных трудов по истории православия и богословию, а также методических материалов. Изданные гимназией учебные пособия в определенной мере отражают процесс становления православного образования в российской средней школе. Так, первыми были подготовлены и изданы в 1995 г. три учебника для 5–6 классов (Горелова Н. Г., Пивоваров Б. И. Родная история: начальный курс: учебник для учащихся 5 класса; Горелова Н. Г., Пивоваров Б. И. Родная история: начальный курс: учебник для учащихся 5–6 классов (Новосибирск: ЭКОР); Пивоваров Б. И. Евангелие в нашей жизни: учебное пособие для учащихся разных классов) [Чернышова, 2016: 99–105].

Важно подчеркнуть, что религиозное образование и просветительская деятельность Новосибирской епархии были тесно связаны с социальным служением. В 1994 г. епархиальным управлением Новосибирской области была разработана Программа просветительской деятельности в сочетании с социальным служением, которая была согласована с администрацией области. В рамках социального служения епархия опекала 34 медицинских учреждения (больницы, реабилитационные центры и др.), 22 детских учреждения (интернаты, дома малюток и др.), 11 учреждений для престарелых. Так, «Группа милосердия» при Вознесенском кафедральном соборе Новосибирска оказывала благотворительную помощь детским интернатам, многодетным семьям, нищим, престарелым (около 3000 человек) [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 3].

Совместно с органами культуры ежегодно проводились Дни славянской письменности и культуры, Пасхальные вечера, крестные ходы, духовно-исторические чтения, выставки, фольклорные фестивали. Широкую миссионерскую работу вела Православная миссия во имя святого Иоанна Русского. Сотрудниками миссии являлись около 20 студентов и преподавателей. Они работали в области духовного просвещения, христианского воспитания, благотворительности и милосердия. Деятельность миссии охватывала около 20 учебных и воспитательных учреждений [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 2].

Стоит отметить, что Новосибирская епархия организовывала, помимо региональных, и международные конференции. Так, в 1999 г. была проведена научно-практическая конференция в Белокурихе, организованная по инициативе Информационно-консультативного центра священномученика Иринея, епископа Лионского при издательстве Московской патриархии (Москва) и Информационно-консультативный центр по проблемам сектантства при Александро-Невском соборе (Новосибирск). В конференции приняли участие 72 человека, в их числе священнослужители из нескольких епархий Сибирского региона (Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская и Томская области), представители информационно-консультативных центров (Москва, Новосибирск). Кроме того, следует упомянуть зарубежных экспертов: пастор Томас Гандоу — уполномоченный по делам сект и молодежных религий Берлинско-Бранденбургской Евангелической Лютеранской Церкви (Германия), Иоганнес Огорд — профессор, доктор богословия, президент Международного института по изучению тоталитарных сект (Дания). На конференции были представлены доклады экспертов, характеризующие деятельность новых религиозных движений, которые все большее распространение получали в России. Была дана подробная информация об истории возникновения новых религиозных организаций (Свидетели Иеговы, Семья, Церковь Христа,

Церковь Завета, Церковь Христа святых последних дней, Церковь Объединения, Сахаджа-йога, Тантра-йога, Хатха-йога).

Примечательным является доклад доктора богословия отца Андрея (Республика Алтай). В докладе отмечались тенденции появления новых религиозных движений на территории Республики Алтай. Горный Алтай имел особое значение для различных групп мистиков, которые направлялись на Белуху (среди них большое количество последователей Рериховского движения). Так, например, Оле Нидал — буддийский лама (из Дании) создал ашрам под Чемалом. Кроме того, зарождались оккультные секты «Анастасия» (с центром в Новосибирске), движение «К Богодержавию» и др. [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 376. Л. 8–9].

Одной из новых форм социального служения, реализуемой РПЦ совместно с администрацией Новосибирской области, являлась Мобильная группа оказания социальной помощи [<http://social.diaconia.ru/service/2163>]. В мобильную группу входили теплоход «Андрей Первозванный» и поезд «За духовное возрождение России». Цель миссии — исполнение духовных нужд православного населения в отдалённых сельских районах Новосибирской области. Так, при поддержке администрации области в Новосибирской епархии в июле-августе 1996 г. состоялся первый рейс миссионерского теплохода «Святой апостол Андрей Первозванный» по отдалённым посёлкам, расположенным, по берегам Оби. Мероприятия прошли в 41 населённом пункте. Было крещено более 2300 человек, обвенчано 8 пар новобрачных. Многие сотни православных людей исповедались и причастились. Всего в мероприятиях участвовали более 11 тысяч человек [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 2].

В 1998 г. в соответствии с распоряжением Главы администрации Новосибирской области в рамках программы проведения Дней славянской письменности и культуры в сельские районы был направлен поезд «За духовное возрождение России». Во всех районах проводились богослужения, духовные беседы, различные православные обряды, в том числе крещения (2209), отпевания (135), причастия (35), освящение зданий и других объектов (32). Кроме того, священнослужители посещали школы, детские сады, больницы, дома престарелых, исправительно-трудовую колонию, где проводились духовные беседы. Значительную практическую помощь жителям оказали работники социальной сферы. Группа врачей в составе 8 специалистов проконсультировали 1114 больных, из них 20 были направлены на более глубокое обследование. Была также оказана гуманитарная помощь на сумму 132 тыс. рублей [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 364. Л. 22–23].

Сотрудничество между РПЦ и работниками медицинских учреждений прослеживается и в других регионах Сибири, и в Российской Федерации в целом. Например, при Христорожественском соборе Хабаровска были открыты пятидневные курсы по уходу за больными на дому, занятия проводили опытные врачи и медсестры из числа прихожан. В Биробиджане при содействии местных властей удалось получить в пользование здание бывшего детского сада под приходскую больницу. Там была создана и зарегистрирована община во имя великомученика целителя Пантелеймона. Больница начала работать с 1992 г. и постепенно была преобразована в Центр православной медицины. Персонал больницы оказывал реальную медицинскую помощь жителям города и близлежащих населённых пунктов, где имела острая нехватка медицинских

кадров. Помощь могли получить, в том числе бездомные, малоимущие, беженцы [Селезнев, 2017: 292].

В 1990-е гг. получило развитие сотрудничество между РПЦ, армией и силовыми структурами. На федеральном уровне были приняты соответствующие программы. Например, программа взаимодействия РПЦ и Федеральной пограничной службы России [Совместное заявление патриарха, 2000: 236–267]. Заинтересованность сторон заключалась в духовно-нравственном воспитании военнослужащих, помощи семьям погибших военнослужащих, патриотическом воспитании.

Важным направлением социального служения была работа РПЦ с заключенными. Ответственным за тюремное служение в Новосибирской области был отец Николай (Соколов). В 1997 г. в Новосибирске открыли три часовни в местах лишения свободы. В результате такого взаимодействия почти во всех исправительно-трудовых учреждениях Новосибирской области действовали православные храмы» часовни, молитвенные комнаты. Все исправительно-трудовые учреждения регулярно посещали новосибирские священники. Заключенные имели возможность исповедоваться, причаститься, получить наставление пастыря. Кроме того, было осуществлено издание уникальной в своем роде книги для заключенных и людей, обретающих свободу, «Путь к свету». Опыт совместной работы администрации исправительных учреждений и общины Русской православной церкви обобщен на коллегии Министерства внутренних дел и в патриархии Русской православной церкви [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 350. Л. 4].

В других регионах России Русская православная церковь также активно занималась тюремным служением. Так, в Рязанской области первая часовня была построена, освящена и открыта Рязанской епархией в 1995 г. в исправительной колонии 5 (ИК-5). Летом 1999 г. на территории ИК-6 начал строиться храм Божьей Матери в честь ее Иконы «Взыскание Погибших». 13 июля 2003 г. был окончательно построен и освящен по благословию митрополита Рязанского и Касимовского Симона епископом Шацким Иосифом, викарием Рязанской епархии [Ерзылева, https://www.online-science.ru/m/products/law_science/gid1010/pg125/].

Кроме того, одним из направлений социального служения стало сестричество. Активную работу вело сестричество во имя св. Жен Мироносиц при соборе Александра Невского Новосибирска, которая действовала с 1993 г. [social.diaconia.ru/service/2157]. Так, 20 сестер трудились в ожоговом центре Новосибирской областной больницы, осуществляли уход за больными, проводили духовные беседы, готовили больных к приятию таинств [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 350. Л. 14].

Сестричество при приходе «Всех русских святых» (Академгородок, Новосибирская область) опекали отделение кардиологии ЦКБ СО РАН, НИИ патологии кровообращения, Институт общей патологии и экологии человека, медсанчасть № 25. Велась патронажная служба на дому, проводился уход за больными в качестве сиделок и т. д. [ГАНО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340. Л. 2].

Не менее активную работу по помощи детям-сиротам вел мужской монастырь во имя святого мученика Евгения в Новосибирске. На попечении монастыря состояло 27 детских учреждений. В ноябре 2000 г. приходом в честь Рождества Иоанна Предтечи Куйбышева совместно с городским отделом молодежи была проведена благотвори-

тельная акция «Посылка на войну». Были собраны и отправлены воинам в Чечню теплые вещи, предметы гигиены и продукты питания [ГАНУ. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 397. Л. 12].

Заключение

Таким образом, можно отметить, что благотворительная и культурно-просветительская деятельность религиозных организаций юга Западной Сибири была направлена на развитие социальной сферы. Религиозные организации активно вели социальное служение, духовно-нравственное воспитание, благотворительную и культурно-просветительскую виды деятельности. Кроме того, они развернули социальную работу в местах лишения свободы, домах-интернатах, армейских подразделениях. Для решения социальных проблем религиозные организации взаимодействовали с местными государственными структурами.

Приведенные данные свидетельствуют об активной социальной работе, проводимой Русской православной церковью и другими религиозными организациями. Одними из форм социального служения являлись организация благотворительных фондов, православные сестричества, тюремное служение, сотрудничество органов исполнительной власти с епархией в сфере образования, мобильные группы оказания социальной помощи. Необходимо указать на взаимодействие приходов Русской православной церкви с армией и силовыми структурами. Для постсоветского периода характерно проведение конференций, круглых столов, встреч, способствующих установлению социального партнерства как модели взаимодействия исполнительных органов власти и религиозных объединений.

С конца XX в. происходит процесс принятия религиозными объединениями доктринальных документов, в которых были сформулированы позиции по социальному служению. В 2000 г. Русской православной церковью были приняты Основы социальной концепции. В начале 2000-х гг. свои социальные концепции опубликовали мусульмане, Российский объединенный союз христиан веры евангельской, Евро-Азиатское отделение Церкви христиан адвентистов седьмого дня и другие организации. Принятию указанных документов способствовал накопленный опыт социального служения разных религиозных общин в регионах. России, в том числе в Западной Сибири.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения гранта РНФ по теме «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алтайская митрополия Русской православной церкви. URL: <http://www.altai-eparhia.ru/eparhia/ourpressa/?id=18236> (дата обращения: 18.11.2019).

Ананьев Э. В. Особенности конфессионального понимания роли социальной деятельности религиозных организаций : дис. ... канд. филос. наук. М., 2011 // Научная электронная библиотека disserCat. URL: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-konfessionalnogo-ponimaniya-rol-i-sotsialnoi-deyatelnosti-religioznykh-organizats> (дата обращения: 13.11.2019).

Ардашкина М. А. Реализация социальной политики Русской православной церкви в Кузбасской митрополии // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2017. № 1. С. 6–11.

База данных по социальному служению РПЦ // Сестричество во имя св. Жен Мироносиц при соборе св. бл. кн. Александра Невского г. Новосибирск. URL: social.diaconia.ru/service/2157 (дата обращения: 21.10.2019).

База данных по социальному служению Русской православной церкви // Мобильная группа оказания социальной помощи г. Новосибирск. URL: <http://social.diaconia.ru/service/2163> (дата обращения: 12.11.2019).

Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 1418. Оп. 1. Д. 309.

ГАО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 333.

ГАО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 340.

ГАО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 350.

ГАО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 363.

ГАО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 364.

ГАО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 376.

ГАО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 397.

ГАО. Ф. 1418. Оп. 1. Д. 399.

Дударёнок С. М. Церковь христиан адвентистов седьмого дня на российском Дальнем Востоке в 1990-е — 2000-е годы // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы IX Международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2019. С. 67–86.

Ерзылева И. А. Деятельность Русской православной церкви в духовно-нравственном воспитании осужденных в постсоветский период (на примере Рязанской области) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 1. URL: https://www.online-science.ru/m/products/law_science/gid1010/pg125/ (дата обращения: 11.11.2019).

Зуев Ю. П. Социальные концепции религиозных объединений России: первый опыт самоопределения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28. № 4. С. 35–45.

Кудрина Т. А. Благотворительность и социальное служение в структуре отношений государства и религиозных объединений: история и современность // Приход. Православный экономический вестник. 2002. № 6. С. 4–8.

Нечипорова Е. В. Основные идеи и практики милосердно-благотворительной деятельности христианских церквей: компаративный анализ : дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 181 с.

Никольская Т. К. Социальное служение русских протестантов в Ленинградской области (исторический обзор) // XXII Царскосельские чтения : материалы Международной научной конференции. СПб., 2018. С. 103–106

О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : Федеральный закон от 11.08.1995 N 135-ФЗ // КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/891985ee83f1494ecbb7542502a3fd0d07d325e/ (дата обращения: 13.11.2019).

О свободе совести и о религиозных объединениях : ФЗ от 26.09.1997 N 125. Статья 18. Благотворительная и культурно-просветительская деятельность религиозных организаций // КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/346e734e25630178ac9172429abf0c422fa02ee1/ (дата обращения: 13.11.2019).

Онищенко А. Г. Социальная работа харизматических евангельских церквей по духовно- нравственному развитию современного российского общества (на примере г. Норильска) // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 357–363.

Основы социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня России. М., 2009. 288 с.

Официальный сайт Московского патриархата Русской православной церкви // Основы социальной концепции Русской православной церкви. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (дата обращения: 05.12.2019).

Официальный сайт Совета муфтиев России // Основные положения социальной программы российских мусульман. URL: <https://muslim.ru/articles/280/8471/> (дата обращения: 05.12.2019).

Поправко Е. А., Ермакова Э. В. Трансформация форм социального служения протестантских церквей в Приморском крае в постсоветский период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (17). С. 63–68.

Религиозная организация Католический центр «Каритас Преображенской епархии в Новосибирске». URL: <https://sibcaritas.ru/ru/about/> (дата обращения: 18.11.2019).

Селезнев О. В. Возрождение церковных структур Русской православной церкви в Приамурье в 1988–2005 гг. // Преподаватель XXI век. 2017. № 3–2. С. 288–297.

Симонова М. А. Социальная деятельность Русской православной церкви в 1990–2000-е гг.: концептуальные основания и опыт реализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 4. С. 157–164.

Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению Русской православной церкви // Отдел по благотворительности и социальному служению. URL: <http://www.diaconia.ru/ob-otdele> (дата обращения: 06.12.2019).

Совместное заявление патриарха Московского и всея Руси Алексия II и директора ФПС России от 16 марта 1995 г. // Религия, свобода совести и пограничная служба : справочное пособие. М., 2000. С. 236–267.

Стародубцева К. А. Правовые основы благотворительной и культурно-просветительской деятельности религиозных организаций // Забайкальские рождественские образовательные чтения 1917–2017. Уроки Столетия в судьбах Забайкалья : сборник статей VI научно-практической конференции, региональный этап Международных Рождественских образовательных чтений. Чита, 2017. С. 189–198.

Тулянов В. А. Духовно-просветительская и благотворительная деятельность Русской православной церкви (1990-е — 2000-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2020. 255 с.

Федирко, О. П., Дударёнок С. М. Социальное служение неправославных христианских религиозных организаций Дальнего Востока в 1990-е гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2020. Т. 12, № 6. С. 61–71.

Централизованная религиозная организация Российский объединенный Союз христиан веры евангельской (пятидесятников) // Основы социальной концепции

РОСХВЕ. URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1448133> (дата обращения: 07.12.2019).

Чернышова Н. К. Православная гимназия во имя преподобного Сергия Радонежского (Новосибирская епархия Русской православной церкви): Издательская деятельность. 1995–2014 гг. // Библиосфера. 2016. № 4. С. 99–105.

REFERENCES

Altajskaya mitropoliya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Altai Metropolia of the Russian Orthodox Church]. URL: <http://www.altai-eparhia.ru/eparhia/ourpressa/?id=18236> (accessed on October 18, 2019) (in Russian).

Anan'ev E. V. *Osobennosti konfessional'nogo ponimaniya roli social'noj deyatel'nosti religioznykh organizacij. Avtoref. dis. kand. filos. nauk.* [Features of the confessional understanding of the role of social activity of religious organizations. Ph.D. Abstract of the Thesis in Philosophy]. M., 2011. URL: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-konfessionalnogo-ponimaniya-rol-i-sotsialnoi-deyatelnosti-religioznykh-organizats> (accessed on October 21, 2019) (in Russian).

Ardashkina M. A. *Realizaciya social'noj politiki Russkoj pravoslavnoj cerkvi v Kuzbasskoj mitropolii* [Implementation of the social policy of the Russian Orthodox Church in the Kuzbass Metropolia]. *Vestnik Kemerovskogo gos. un-ta* [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2017, no. 1. S. 6–11 (in Russian).

Sestrichestvo vo imya sv. ZHen Mironosic pri sobore sv. bl. kn. Aleksandra Nevskogo g. Novosibirsk [Sisterhood in the name of the Holy Myrrh-Bearing Women at the Cathedral of St. Alexander Nevsky, Novosibirsk.] URL: social.diaconia.ru/service/2157 (accessed on October 21, 2019) (in Russian).

Mobil'naya gruppy okazaniya social'noj pomoshchi g. Novosibirsk [Mobile group of social assistance in Novosibirsk]. URL: <http://social.diaconia.ru/service/2163> (accessed on November 12, 2019) (in Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Novosibirskoj oblasti [State Archive of the Novosibirsk region] (GANO). Fund. 1418. Inventory. 1. File. 309 (in Russian).

GANO. Fund. 1418. Inventory. 1. File. 340 (in Russian).

GANO. Fund. 1418. Inventory. 1. File. 350 (in Russian).

GANO. Fund. 1418. Inventory. 1. File. 363 (in Russian).

GANO. Fund. 1418. Inventory. 1. File. 364 (in Russian).

GANO. Fund. 1418. Inventory. 1. File. 397 (in Russian).

GANO. Fund. 1418. Inventory. 1. File. 399 (in Russian).

GANO. Fund. 1418. Inventory. 1. File. 333 (in Russian).

GANO. Fund. 1418. Inventory. 1. File. 376 (in Russian).

Dudaryonok S. M. *Cerkov' xristian adventistov sed'mogo dnya na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1990-e — 2000-e gody* [The Seventh-day Adventist Christian Church in the Russian Far East in the 1990s — 2000s]. *Rossiya i Kitaj: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The Seventh-day Adventist Christian Church in the Russian Far East in the 1990s — 2000s. Russia and China: History and prospects

of cooperation: proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2019. S. 67–86 (in Russian).

Erzyleva I. A. Deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v duxovno- npravstvennom vospitanii osuzhdenny'x v postsovetskij period (na primere Ryazanskoj oblasti) [The activity of the Russian Orthodox Church in the spiritual and moral education of convicts in the post-Soviet period (on the example of the Ryazan region)]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences.]. no. 1, 2014. URL: https://www.online-science.ru/m/products/law_science/gid1010/pg125/ (accessed on November 11, 2019) (in Russian).

Zuev YU. P. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. 2010, vol. 28, no. 4. S. 35–45 (in Russian).

Konsul'tantPlyus [Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/891985ee83f1494ecbb7542502a3f5d0d07d325e/ (accessed on November 13, 2019) (in Russian).

Konsul'tantPlyus [Consultant Plus]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/346e734e25630178ac9172429abf0c422fa02ee1/ (accessed on November 13, 2019) (in Russian).

Kudrina T. A. Blagotvoritel'nost' i social'noe sluzhenie v strukture otnoshenij gosudarstva i religiozny'x ob'edinenij: istoriya i sovremennost' [Charity and Social Service in the structure of Relations between the state and Religious Associations: History and modernity]. *Prihod. Pravoslavnyj ekonomicheskij vestnik* [Coming. Orthodox Economic Bulletin.]. 2002, no. 6. S. 4–8 (in Russian).

Nechiporova E. V. *Osnovnye idei i praktiki miloserdno-blagotvoritel'noj deyatel'nosti hristianskih cerkvej: komparativnyj analiz. Diss. kand. filos. nauk* [The main ideas and practices of charitable and charitable activities of Christian churches: comparative analysis. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Rostov-na-Donu: YUzh. feder. un-t Publ., 2009, 181 s. (in Russian).

Nikol'skaya T. K. Social'noe sluzhenie russkix protestantov v Leningradskoj oblasti (istoricheskij obzor) [Social Service of Russian Protestants in the Leningrad Region (historical review)]. *XXII Carskosel'skie chteniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [XXII Tsarskoye Selo readings. Materials of the international scientific conference]. Sankt- Peterburg, 2018. S.103–106 (in Russian).

Onishchenko A. G. Social'naya rabota xarizmaticheskix evangel'skix cerkvej po duxovno-npravstvennomu razvitiyu sovremennogo rossijskogo obshhestva (na primere g. Noril'ska) [Social work of charismatic evangelical churches on the spiritual and moral development of modern Russian society (on the example of Noril'sk)]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2015, no.12, S. 357–363 (in Russian).

Osnovy social'nogo ucheniya Cerkvi Hristian Adventistov Sed'mogo Dnya Rossii [Fundamentals of the Social Teaching of the Seventh-Day Adventist Christian Church of Russia]. M., 2009, 288 s. (in Russian).

Oficial'nyj sayt Moskovskogo Patriarhata Russkoj pravoslavnoj cerkvi [Official website of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128> (accessed on December 5, 2019) (in Russian).

Oficial'nyj sajt Soveta muftiev Rossii [Official website of the Council of Muftis of Russia]. URL: <https://muslim.ru/articles/280/8471/> (accessed on December 5, 2019) (in Russian).

Popravko E. A., Ermakova E. V. Transformaciya form social'nogo sluzheniya protestantskix cerkvej v Primorskom krae v postsovetskij period [Transformation of forms of social ministry of Protestant churches in Primorsky Krai in the post-Soviet period]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East]. 2012, no.1 (17). S. 63–68 (in Russian).

Religioznaya organizaciya Katolicheskij centr "Karitas Preobrazhenskoj eparhii v Novosibirsk" [Religious organization Catholic Center "Caritas of the Transfiguration Diocese in Novosibirsk"]. URL: <https://sibcaritas.ru/ru/about/> (accessed on November 18, 2019) (in Russian).

Seleznev O. V. Vozrozhdenie cerkovny'x struktur Russkoj pravoslavnoj cerkvi v Priamur'e v 1988–2005 gg. [The revival of the church structures of the Russian Orthodox Church in the Amur region in 1988–2005]. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the XXI century]. 2017, no. 3–2. S. 288–297 (in Russian).

Simonova M. A. Social'naya deyatel'nost' Russkoj pravoslavnoj cerkvi v 1990–2000-e gg.: konceptual'ny'e osnovaniya i opyt realizacii [Social activity of the Russian Orthodox Church in the 1990s — 2000s: conceptual foundations and implementation experience]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: history of Russia]. 2014, 4, S. 157–164 (in Russian).

Sinodal'nyj otdel po cerkovnoj blagotvoritel'nosti i social'nomu sluzheniyu Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Synodal Department for Church Charity and Social Service of the Russian Orthodox Church]. URL: <http://www.diaconia.ru/ob-otdele> (accessed on December 6, 2019) (in Russian).

Religiya, svoboda sovesti i pogranichnaya sluzhba: spravocnoe posobie [Religion, freedom of conscience and the Border service: a reference guide]. M., 2000, S. 236–267 (in Russian).

Starodubceva K. A. Pravovy'e osnovy' blagotvoritel'noj i kul'turno-prosvetitel'skoj deyatel'nosti religiozny'x organizacij [Legal foundations of charitable and cultural and educational activities of religious organizations]. *Zabajkal'skie rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya 1917–2017: Uroki Stoletiya v sud'bah Zabajkalya. Sbornik statej VI nauchno-prakticheskoy konferencii, regional'nyj etap Mezhdunarodnyh Rozhdestvenskih obrazovatel'nyh chtenij* [Trans-Baikal Christmas educational readings 1917–2017: Lessons of the Century in the fate of Transbaikalia. Collection of articles of the VI Scientific and practical conference, the regional stage of the International Christmas Educational Readings]. Chita, 2017. S. 189–198 (in Russian).

Tulyanov V. A. *Duhovno-prosvetitel'skaya i blagotvoritel'naya deyatel'nost' Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (1990-e — 2000-e gg.)*. Diss. kand. istor. nauk [Spiritual, educational and charitable activities of the Russian Orthodox Church (1990s — 2000s). Ph. D. Thesis in History]. Moscow: MGOU, 2020, 255 s. (in Russian).

Fedirko O. P., Dudaryonok S. M. Social'noe sluzhenie nepravoslavny'x xristianskix religiozny'x organizacij Dal'nego Vostoka v 1990-e gg. [Social service of non-Orthodox Christian religious organizations of the Far East in the 1990s.]. *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2020, vol.12, no. 6, S.61–71 (in Russian).

Centralizovannaya religioznaya organizaciya Rossijskij ob'edinennyj Soyuz hristian very evangel'skoj (pyatidesyatnikov) [Centralized religious organization Russian United Union of Evangelical Christians (Pentecostals)]. URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1448133> (accessed on December 7, 2019) (in Russian).

Chernyshova N. K. Pravoslavnaya gimnaziya vo imya prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo (Novosibirskaya eparxiya Russkoj pravoslavnoj cerkvi) [Orthodox gymnasium in the name of St. Sergius of Radonezh (Novosibirsk diocese of the Russian Orthodox Church): Publishing, 1995–2014]. *Bibliosfera* [Bibliosphere]. 2016, no. 4, S. 99–105 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 06.04.2022.

Принята к публикации 15.06.2022.

Дата публикации 30.06.2022.

УДК 34.06

DOI: 10.14258/nreur(2022)2–10

Т. Г. Недзельюк

*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);**Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск (Россия)*

«ПОЛКОВЫЕ СВЯЩЕННИКИ» НЕПРАВОСЛАВНЫХ ИСПОВЕДАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНА)

Исследование посвящено изучению традиционного российского опыта окормления военнослужащих неправославных исповеданий в русской армии.

Хронологические рамки работы включают XIX столетие и первые пятнадцать лет XX в., когда формировалась нормативно-правовая база института «полковых священников» инославных и иноверческих исповеданий, а сами священнослужители принимали активное участие в комплектовании войсковых штатов. Выявлены причины и побудительные мотивы активного внедрения в армии как самого института военных духовных лиц, так и «полковых священников» неправославных вероисповеданий. Проанализированы нюансы отношения к действительной военной службе священнослужителей.

Источниковую базу исследования составили материалы архивного хранения из фондов Российского государственного исторического архива, а именно Департамента духовных дел инославных исповеданий Министерства внутренних дел Российской империи. Методика исследования включает социокультурный подход в совокупности с методами контент-анализа, синтеза, обобщения.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, Западная Сибирь, Российский государственный исторический архив, государственно-конфессиональные отношения, материалы архивного хранения, отношение к действительной военной службе священнослужителей

Цитирование статьи:

Недзельюк Т. Г. «Полковые священники» неправославных исповеданий в Российской империи (на примере Сибирского региона) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 2. С. 166–176. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–10.

T. G. Nedzelyuk

Altai State University, Barnaul (Russia);

Siberian Institute of Management — Branch of RANEPА, Novosibirsk (Russia)

“REGIMENTAL PRIESTS” OF NON-ORTHODOX CONFESSIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF THE SIBERIAN REGION)

The study is devoted to the study of the traditional Russian experience of the care of non-Orthodox military confessions in the Russian army.

The chronological framework of the work includes the nineteenth century and the first fifteen years of the twentieth century, when the regulatory framework of the institute of “regimental priests” of non-Orthodox and non-religious confessions was formed, and the clergy themselves took an active part in recruiting military staff.

The reasons and motivations for the active introduction of both the institution of military clergy and “regimental priests” of non-Orthodox faiths in the army are revealed. The nuances of the attitude to the active military service of the clergy are analyzed.

The source base of the research was made up of archival storage materials from the funds of the Russian State Historical Archive, namely, the Department of Spiritual Affairs of Non-Orthodox Confessions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire. The research methodology includes a socio-cultural approach in combination with methods of content analysis, synthesis, generalization.

Keywords: The Russian Empire, Siberia, Western Siberia, the Russian State Historical Archive, state-confessional relations, archival storage materials, attitude to the active military service of the clergy

For citation:

Nedzelyuk T. G. “Regimental priests” of non-orthodox confessions in the Russian empire (on the example of the siberian region). Nations and religions of Eurasia. 2022. Vol. 27, No. 2. P. 166–176. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–10

Недзельюк Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** tatned@mail.ru

Nedzelyuk Tatyana Gennadyevna, Doctor of History, Leading Researcher, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations, Altai State University, Barnaul (Russia); Professor, Department of Theory and History of State and Law, Siberian

Institute of Management — Branch of RANEPА, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** tatned@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-8374-9348>

Введение

Тема «священник и армия» вновь становится актуальной: как показал опыт военных кампаний советского и постсоветского периодов отечественной истории, «в окопах атеистов нет» [Овчаров, 2021: 92–96; Язынина, 2014: 95–103]. Проблема формирования штата «идеологических работников» все острее дискутируется в исследовательском поле военной истории [Карпов, 2015: 8–14].

В армиях многих стран мира штатным расписанием предусмотрена должность капеллана. Духовный наставник, психолог, идеолог и воспитатель в лице священнослужителя призван осуществлять непосредственную работу с личным составом. В дореволюционной России таких специалистов именовали «полковыми священниками» [Буркин, 2010: 68–77].

На регулярной основе духовные лица в русской армии появились в первой четверти XVIII столетия, когда указом Петра Первого от 30 марта 1716 г. был издан Воинский устав, предусматривавший и регламентирующий обязанности полковых священников. Порядок назначения священнослужителей в воинские подразделения был закреплен через шесть лет новым указом Петра Святейшему Синоду Русской православной церкви от 1723 г. По общему правилу, именно Священный Синод должен был назначать клириков на должности полковых священников. Указ предусматривал и иную возможность: обязанность укомплектования штата воинской части священнослужителями возлагалась на правящих епископов тех епархий, где воинские соединения были актуально расквартированы [Свод военных постановлений, 1907: 10–12].

Население Российской империи в целом, а также и ее армия, отличались поликонфессиональностью. Следовательно, и «полковые священники» для удовлетворения нужд военнослужащих требовались разных конфессий. После вступления в силу закона о всеобщей воинской повинности 1874 г. на смену рекрутам, являвшимся практически «пожизненными профессиональными военнослужащими», пришло огромное количество молодых людей различных вероисповеданий. Исследователь А. П. Беляков указывает, что в 1901 г. «в Сибирском военном округе под ружьем находилось 19282 человека. Из них 17077 православных, 157 католиков, 75 протестантов, 1 армяно-григорианин, 1330 мусульман, 100 иудеев, 449 старообрядцев и 91 идолопоклонник» [Беляков, 2012: 77].

Соответственно, возросли потребности командования в идеологических работниках [Стволыгин, 2020: 101–105]. Не только Священный Синод РПЦ получил обязанность укомплектования воинских частей и соединений военными священниками, но также и на Департамент духовных дел инославных (иностранных) исповеданий Министерства внутренних дел были возложены аналогичные полномочия [Устав о воинских повинностях, 1911: 1715–1850].

Особенности корпуса источников

В Российском государственном историческом архиве (РГИА) находятся на вечном хранении материалы фонда 821, в том числе «О назначении военных мулл» [РГИА.

Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091], «Дело об упразднении и учреждении вновь штатных должностей магометанского духовенства в войсках. 29.04.1877–31.12.1908» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1064], «Дело об установлении категорий магометанского духовенства в связи с пересмотром рекрутского устава и намерениями правительства предоставлять льготы по рекрутской повинности лишь высшему магометанскому духовенству. 16.03.1865–07.07.1867» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1026], «Дело о назначении магометанских мулл на штатные должности в войсках. 01.01.1909–16.08.1910» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091], «Дело о выплате жалованья, пенсий и пособий духовным лицам магометанского исповедания и их семьям. 08.02.1893–31.12.1903» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1081], «Дело по вопросу о праве духовных лиц магометанского исповедания, командированных по делам службы в воинские части, на квартирное довольствие. 19.09.1870–13.01.1871» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1048], «Дело 1-го отделения ДДД ИИ МВД «Воинская повинность. Льготы для римо-католических духовных лиц» 06.03.1914–08.01.1915» [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 1367] и «Дело о назначении магометанских мулл на штатные должности в войсках. 01.01.1909–16.08.1910» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091].

Особенностью указанного перечня источников является их делопроизводственная компиляция, когда секретарь департамента Духовных дел инославных исповеданий МВД стремился объединить по тематическому признаку несколько содержательно близких кадровых справок, формируя тем самым «дело в деле».

Контент-анализ документов, дошедших до наших дней благодаря архивной коллекции Российского государственного исторического архива, позволил нам выявить основные направления государственно-конфессиональной политики в сфере урегулирования конфликтов в армии. Интересной находкой стали реляции сибирских духовных лиц.

Результаты исследования

Термины «неправославные исповедания», «иноверие» и «инославие» появились в русском языке синодального периода Русской православной церкви. Первый русский толковый словарь, а именно «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный» [Словарь академии, 1809: 1150] упоминает «иноверие», а универсальная энциклопедия Брокгауза и Ефрона — «инославие» [Энциклопедический словарь, 1809: 1150]. «Иноверцами» именовались те, кто исповедовал неправославные религии, а «инославными» — неправославные христианского исповедания.

Свод военных постановлений 1869 г. предусмотрел текст воинской присяги на пяти языках, предназначенных для военнотружущих мусульманского вероисповедания, а именно: «на арабском, персидском, турецком языках, а также на джагатайско-татарском и азербиджанско-тюркском наречиях». Более того, каждый из названных текстов приводился еще в трех вариантах: на национальном языке в аутентичном варианте письменности, русскими буквами (кириллицей) на национальном языке, перевод текста присяги на русский язык [Свод военных постановлений, 1907: 55–74].

О том, как исполнялись предписания Свода военных постановлений, мы можем судить по материалам, переданным в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДД ИИ) МВД командованием 31-го Сибирского стрелкового полка, а затем отложившимся в РГИА.

В рапорте от 13 марта 1912 г. на имя командира полка подпоручик Томашевич сообщает: «Седьмого сего марта, согласно приказа по полку за № 75 от 5 марта, я пошел исповедоваться в Красноярский римско-католический костел...» [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 938. Л. 36]. Из текста объяснительной записки настоятеля Красноярского костела ксендза Льва Святополк-Мирского от 14 апреля 1912 г. на имя командира 31-го Сибирского стрелкового полка явствует следующее: «Подпоручик 31-го Сибирского стрелкового полка Томашевский в текущем году обряд говения исполнял, относительно же принятия им Св. Причастия (поручик пожаловался, что причастие ему не дали. — Т. Н.), ввиду того, что Св. Причастие раздавалось и мною, и викарным костела, я за этим не следил и не мог следить будучи занят исповедью говеющих нижних чинов». Далее священник с недоумением восклицает: «Тем более, что до сего времени полк в течение нескольких предыдущих лет от меня таких удостоверений не требовал, впрочем для исповедника это трудно сказать без нарушения тайны исповеди» [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 938. Л. 37–37об.].

История об оставлении поручика Томашевского без причастия дошла до начальника штаба Иркутского военного округа: сам генерал-лейтенант Марков поставил под личный контроль такой факт вопиющего беззакония [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 938. Л. 45]. Далее дело было передано под надзор окружного дежурного генерала [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 938. Л. 45–46].

Упомянутый казус заставляет более пристально посмотреть на процедуру подготовки к пасхальным празднествам в 31-м Сибирском стрелковом полку. За неделю до Пасхи, 2 марта 1912 г. настоятель католического прихода в городе Красноярске, где был расквартирован стрелковый полк, направил командиру полка докладную записку следующего содержания. «По сношению со Штабом дивизии сим извещаю полк, что исполнение обряда пасхального говения нижними чинами римско-католического вероисповедания 31-го Сибирского стрелкового полка мною назначено на 8, 9, 10 и 11 марта сего года, ввиду чего честь имею просить управление выслать мне список нижних чинов римско-католического вероисповедания 31-го полка и освободить католиков в означенные дни в костеле ежедневно с 7 часов утра до 12 и с 3-х часов по полудни до 7–8 вечера» [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 938. Л. 56].

Командование полка предоставило настоятелю список из 242 имен военнослужащих, среди которых: Пиус Пастернак, Франц Томашевский, Викентий Бируля, Адам Леончик, Зиновий Лысенко, Дидак Малышко, Иосиф Комар, Викентий Литовар и другие [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 938. Л. 57]. Франц Томашевский к исповеди явился, но не был допущен к причастию, о чем и подал жалобу командованию части. Священник, принимавший исповедь, подтвердил факт, но отказался пояснять причину отказа в причасти, ссылаясь на тайну исповеди. В соответствии с нормами канонического права отказ в причасти может наступить только в случаях «непреодолимых канонических препятствий». Подпоручик рассудил следующим образом: если был издан приказ по полку, то и причастие раздавать обязаны всем, в соответствии с приказом, вне зависимости от наличия обстоятельств, препятствовавших таинствам.

Для командования полка факт неисполнения приказа выступил основанием для рекомендации МВД к вынесению дисциплинарного взыскания в адрес священнослужителя.

Порядок комплектования штатов воинских подразделений духовными лицами «неправославных исповеданий»

Безусловно, потребность в массовом притоке полковых священников все время увеличивалась, так как российский законодатель предусмотрел уменьшение срока несения воинской обязанности с шести лет (для неграмотных призывников) до шести месяцев (для тех, кто имел оконченное высшее образование), до полутора лет (для тех, у кого имелось среднее образование) и до четырех лет — для окончивших начальные училища [Стволыгин, 2020: 101]. Эта потребность закрывалась также с помощью призывников: выпускники духовных семинарий призывались в армию и должны были исполнять свои профессиональные обязанности в период несения службы по призыву [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 1367]. Например, в описи документов Николая Михасенка, окончившего полный курс обучения в семинарии, указаны «удостоверение о приписке к призывному участку № 1194» и «свидетельство о воинской повинности № 1102» [РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1978. Л. 8].

По окончании каждого из учебных заведений потенциальный призывник получал новую, предусмотренную законом, льготу. Рассмотрим динамику изменения отношения к воинской обязанности в зависимости от полученного образования.

Свидетельство от 7 июня 1901 г. сообщает, что крестьянин Витебской губернии Николай Иванович Михасенок, родившийся 20 июля 1888 г., выбыл из третьего класса пятого отделения Режицкого городского трехклассного училища, а потому «... имеет право, на основании Высочайшего повеления 29 мая 1876 года, воспользоваться при отбывании воинской повинности льготой по пункту 3 ст. 56 устава о воинской повинности» [РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1978. Л. 12]. Свидетельство выдано 31 августа 1899 г., т. е. ребенку на момент его получения исполнилось 11 лет!

Документ на гербовой бумаге с названием «аттестат» сообщает, что «...предъявитель сего, Михасенок Николай Иванович, обучался с 1902 по 1905 год в четырехклассном мужском училище при римско-католической церкви Святой Екатерины в Санкт-Петербурге предметам, преподаваемым по программам гимназий Министерства народного просвещения, и окончил в сем заведении полный курс учения», а посему «... на основании Высочайше утвержденного в 18 день февраля 1903 года мнения Государственного Совета, по отбыванию воинской повинности, пользуется правами, предоставленными для учебных заведений второго разряда» [РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1978. Л. 11].

Родители мальчика желали дать ему не только начальное образование, но для поступления в семинарию требовалась «метрическая выпись», содержащая в числе прочих сведения о датах рождения и предполагаемого призыва в армию. Розентовское волостное правление Режицкого уезда Витебской губернии 20 июня 1905 г. подготовило «удостоверение» о том, что «предъявитель сего есть действительно крестьянин сей волости деревни Лисовские Николай Иванович Михасенок, 17 лет, и подлежит призыву к исполнению воинской повинности в 1909 году, и что со стороны волостного правления к поступлению Михасенка в духовную семинарию препятствий нет» [РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1978. Л. 16]. По окончании обучения в семинарии Николаю Ивановичу Михасенку было выдано свидетельство, теперь в круг его профессиональных обязанностей входило, в числе прочих, и духовное окормление военнослужащих, каковые мо-

гут оказаться среди его прихожан. Профессиональным военным священником Михасенок не стал, но с началом Первой мировой войны пакет его личных документов пополнился еще одним удостоверением. На листе бумаги формата А5, с угловым штампом митрополита католической церкви в Петрограде, 28 октября 1922 г. было отпечатано Удостоверение № 2488, сообщавшее следующее: «Предъявитель сего, р. — католический священник Николай Михасенок, есть действительно капеллан Белостоцкого, Ломовицкого и Маличевского поселков и Заведывающий Томским приходом... Поэтому прошу соответствующие Власти оказывать названному выше свящ. Михасенку, при поездках его к месту службы и при исполнении возложенных на него обязанностей всяческое содействие» [РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1978. Л. 54].

Престиж профессии

Служба в регулярной армии являлась для священнослужителя не только делом престижа, но и источником финансового благосостояния, так как, в отличие от своих «гражданских» коллег, получавших ежемесячное содержание от прихожан в качестве так называемого тарелочного / кружечного сбора, полковой священник состоял в штате воинской части, получал регулярное жалованье и мог рассчитывать на ежегодный отпуск, а в случае выслуги лет — на пенсионное пособие [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1081]. Известен пример настоящего конкурса на замещение вакантной должности «полкового муллы» со стороны минусинского «указного муллы, имам-хатыпа и мугаллима» Мир-Сагида Мухаметзакирова, хабаровского мещанина Габдуллы Мирзенкова и крестьянина Тамбовской губернии Ахмета Зияктдина Тохветуллима [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091]. В циркуляре Главного Штаба от 20 января 1909 г. за № 5328 «начальникам штабов Виленского, Варшавского, Киевского, Московского, Приамурского военных округов» содержалось предписание: «Ввиду учреждения штатного магометанского духовенства в войсках приказом по военному ведомству 1908 г. № 319, Главный штаб ... признал необходимым установить тот же порядок при назначении магометанских мулл на штатную должность при освобождении в каком-либо округе вакансии, какой установлен для назначения на вакантные должности военных капелланов и евангелическо-лютеранских пасторов» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091].

24 сентября 1908 г. в Главный штаб поступило прошение от помощника «военно-морского ахуна Балтийского флота» Али-Акбар Алтонбаева, суть которого — в следующем. «Имея страстное желание послужить в Военном ведомстве в должности *имам*, т. е. священника (курсив оригинала. — Т. Н.), а посему покорнейше прошу Главный Штаб о зачислении меня на службу в один из военных округов, где окажется положенная по штату свободная вакансия имама. При этом доношу, что я имею аттестат на звание *имама-хатыпа* и *мугаллима*, т. е. имеющего право быть священником и учителем, и Русское свидетельство об окончании курса 4-классного Земского училища» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091. Л. 22].

Просьба ахуна Алтонбаева застала руководство Главного штата в явном замешательстве. Подробности «упразднения и учреждения вновь штатных должностей магометанского духовенства в войсках» должны стать предметом самостоятельного исторического исследования, так как материалы дела с таким названием отложились в фон-

дах РГИА «Дело об упразднении и учреждении вновь штатных должностей магометанского духовенства в войсках. 29.04.1877–31.12.1908» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1064].

Главный штаб обратился за разъяснениями к руководству Департамента духовных дел инославных исповеданий и 13 января 1909 г. получил ответ следующего содержания от его директора, гофмейстера высочайшего двора А. Харузина за подписью начальника отделения и секретаря И. Платоникова: «ДДД ИИ уведомляет Главный Штаб, что к установлению правила о назначении магометанских мулл на штатные должности в военных округах в порядке, определенном циркулярным распоряжением Штаба от 19 февраля 1898 г., за № 7544, для духовных лиц христианских инославных исповеданий, со стороны сего Департамента препятствий не встречается» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091. Л. 2].

Реакция Генерального штаба была оперативной, уже через неделю, 20 января, во все военные округа империи была разослана директива № 5328: «Ввиду учреждения штатного магометанского духовенства в войсках приказом по военному ведомству 1908 г. № 319 Главный Штаб ... признал необходимым установить тот же порядок при назначении магометанских мулл на штатные должности при освобождении в каком-либо округе вакансии, каковой установлен для назначения на вакантные должности военных капелланов и евангелическо-лютеранских пасторов» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091. Л. 7].

Порядок замещения вакантных должностей военных священнослужителей в армии был разработан в приложении: «...о поступившем представлении Главный Штаб сообщает ДДД ИИ, который и делает все распоряжения по замещению вакантной должности и окончательно утверждает назначенное лицо, о чем сообщает Главному Штабу» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091. Л. 7об]. Таким, в соответствии с директивой Главного штаба, должен был быть порядок замещения вакансий для инославных христианских (лютеранских и католических) клириков. «Этот же порядок должен соблюдаться и при перемещении магометанских мулл с одной должности на другую, в случае возбуждения об этом ходатайства подлежащим воинским начальством» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091. Л. 7об].

Заключение

Итогом проведенного исследования в фондах Российского государственного исторического архива стал вывод о многолетней и планомерной государственно-конфессиональной политике относительно окормления военнослужащих разных вероисповеданий. Престиж профессии военных священников подкреплялся социальными гарантиями, что создавало конкурс на замещение вакантных должностей и позволяло вести отбор претендентов. Активное участие руководства Главного штаба армии в сфере религиозно-идеологической работы свидетельствовало о важности социальной функции, реализуемой институтом военных священников в армии.

Благодарности

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ по теме: «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беляков А. П. Воспитание веротерпимости в вооруженных силах дореволюционной России // Труды Перервинской православной духовной семинарии. 2012. № 6. С. 75–101.
- Буркин А. И. Полковые священники России: духовная природа воинского служения // Военная мысль. 2010. № 4. С. 68–77.
- Карпов Н. Н. К вопросу о создании института военных священников в войсках Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2015. № 4. С. 8–14.
- Макаревич О. Л. К вопросу о всеобщей воинской обязанности и военной службе в России (ретроспективный анализ) // Военно-исторический журнал. 2021. № 1. С. 76–79.
- Овчаров О. А. К проблеме организационно-правовых основ определения структуры военного духовенства в современной России // Право в Вооруженных силах: Военно-правовое обозрение. 2021. № 8 (289). С. 92–96.
- Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 1026.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1048.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1064.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1081.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 1091.
- РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 938.
- РГИА. Ф. 826. Оп. 1. Д. 1978.
- Свод военных постановлений. Ч. 2: Устав о службе по военному ведомству вообще. Изд. 2. СПб., 1907. Приложение IX. С. 10–12.
- Свод военных постановлений за 1869 г. Кн. 6: Комплектование войск и управлений, заведений и учреждений военного ведомства. Изд. 2. СПб., 1907. Приложение. С. 55–74.
- Словарь академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб. : Императорская академия наук, 1809. Т. 2. 1178 с.
- Ствольгин К. В. Положение и задачи полкового священника после вступления в силу закона о всеобщей повинности 1874 г. // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № 1 (72). С. 101–105.
- Устав о воинских повинностях. Ст. 42 // Полный свод законов Российской империи / под ред. А. А. Добровольского. Кн. 1. СПб. : Законоведение, 1911. С. 1715–1850.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 13. СПб. : Тип. Акционерного общества Брокгауз-Ефрон, 1894. 480 с.
- Язынина Т. Ю. Сотрудничество православной церкви и армии в исторической панораме // Культурология и исторические науки. 2014. № 4. С. 95–103.
- Kubicki P. *Bojownicy kapłani za sprawę kościoła i ojczyzny w latach 1861–1915*. Sandomierz, 1933–1940. Т. 1–4 (in Polish).

REFERENCES

- Beliakov A. P. *Vospitanie veroterpimosti v vooruzhennykh silakh dorevoliutsionnoi Rossii* [Education of religious tolerance in the armed forces of pre-revolutionary Russia]. *Trudy Perervinskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*. [Proceedings of the Perervinsk Orthodox Theological Seminary]. 2012, no. 6. S. 75–101 (in Russian).

Burkin A. I. Polkovoye sviashchenniki Rossii: dukhovnaia priroda voinskogo sluzheniia [Regimental Priests of Russia: the spiritual nature of military Service]. *Voennaia mysl'* [Military thought]. 2010, no. 4. S. 68–77 (in Russian).

Karpov, N. N. K voprosu o sozdanii instituta voennykh sviashchennikov v voiskakh Rossiiskoi Federatsii [On the issue of the establishment of the Institute of military priests in the troops of the Russian Federation]. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii* [Bulletin of the Russian Legal Academy]. 2015, no. 4. S. 8–14 (in Russian).

Makarevich, O. L. K voprosu o vseobshchei voinskoj obiazannosti i voennoi sluzhbe v Rossii (retrospektivnyi analiz) [On the question of universal military duty and military service in Russia (retrospective analysis)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military Historical Journal]. 2021, no. 1. S. 76–79 (in Russian).

Ovcharov, O. A. K probleme organizatsionno-pravovykh osnov opredeleniia struktury voennogo dukhovenstva v sovremennoi Rossii [On the problem of organizational and legal bases for determining the structure of the military clergy in modern Russia]. *Pravo v Vooruzhennykh silakh: Voенно-pravovoe obozrenie* [Law in the Armed Forces: Military-legal review]. 2021, no. 8 (289). S. 92–96 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi Istoricheskii arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive]. Fund. 821. Inventory 8. File 1026 (in Russian).

RGIA. [Russian State Historical Archive]. Fund. 821. Inventory 8. File 1048 (in Russian).

RGIA. [Russian State Historical Archive]. Fund. 821. Inventory 8. File 1064 (in Russian).

RGIA. [Russian State Historical Archive]. Fund. 821. Inventory 8. File 1081 (in Russian).

RGIA. [Russian State Historical Archive]. Fund. 821. Inventory 8. File 1091 (in Russian).

RGIA. [Russian State Historical Archive]. Fund. 821. Inventory 128. File 938 (in Russian).

RGIA. [Russian State Historical Archive]. Fund. 826. Inventory 1. File 1978 (in Russian).

Slovar' akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poriadku raspolozhennyi [Dictionary of the Russian Academy, arranged in alphabetical order]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaia akademiia nauk, 1809, t. 2, 1178 s.

Svod voennykh postanovlenii. Ch. 2: Ustav o sluzhbe po voennomu vedomstvu voobshche [The Code of military regulations. Part 2: The Statute of service in the military department in general]. Izd. 2. SPb., 1907, prilozhenie IX. S. 10–12 (in Russian).

Svod voennykh postanovlenii za 1869 g. Kn. 6: Komplektovanie voisk i upravlenii, zavedenii i uchrezhdenii voennogo vedomstva [The Code of Military Regulations for 1869, Book 6: Recruitment of troops and departments, institutions and institutions of the military department]. Izd. 2. SPb., 1907, prilozhenie. S. 55–74 (in Russian).

Stvolygina, K. V. Polozhenie i zadachi polkovogo sviashchennika posle vstupleniia v silu zakona o vseobshchei povinnosti 1874 g. [The position and tasks of the regimental priest after the entry into force of the law on universal conscription of 1874]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences]. 2020, no. 1 (72). S. 101–105 (in Russian).

Ustav o voinskikh povinnostiakh. St. 42 [The Statute of military service. Article 42]. *Polnyi svod zakonov Rossiiskoi imperii* [The complete code of Laws of the Russian Empire], kn. 1. SPb., 1911. S. 1715–1850 (in Russian).

Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Т. 13. Sankt-Peterburg, 1894. 480 p.

Iazynina, T. Iu. Sotrudnichestvo pravoslavnoi tserkvi i armii v istoricheskoi panorame [Cooperation of the Orthodox Church and the army in the historical panorama]. *Kul'turologiia i istoricheskie nauki* [Culturology and Historical Sciences]. 2014, no 4. S. 95–103 (in Russian).

Kubicki, P. *Bojownicy kapłani za sprawę kościoła i ojczyzny w latach 1861–1915* [Militant priests for the cause of the church and the Fatherland in the years 1861–1915]. Sandomierz, 1933–1940, tt. 1–4 (in Polish).

Статья поступила в редакцию: 09.04.2022.

Принята к публикации 15.06.2022.

Дата публикации 30.06.2022.

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения южной Сибири и центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ.

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательно рецензирование и проверку на плагиат.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- ERIN PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история;
- Этнология и национальная политика;
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения;
- Рецензии на книги;
- Информация о конференциях;
- Персоналии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Статьи принимаются на русском и английском языках. Для публикации статьи в журнале необходимо ее прислать в электронном варианте, а также указать сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, e-mail). Статья может включать текст до 40 тыс. знаков с пробелами (14 кегль, одинарный интервал, в формате Word: поля: верхнее — 2 см, нижнее — 2 см, левое — 2 см, правое — 2 см) и иллюстрации. Стандартный объем статьи — 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков). Рисунки (фотографии) предоставлять отдельными файлами. К статье обязательно прикладывается полный список использованных работ.

Статья должна содержать ключевые слова (до 15 слов) и аннотацию на русском и английском языках (не менее 1000 знаков без пробелов). Статья должна делиться на тематические блоки. Примерная структура статьи: введение, тематические блоки (от одного до пяти блоков), заключение.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК)
Индекс DOI (цифровой индикатор объекта) проставляется редколлегией
Инициалы и фамилия автора на русском языке
Место работы автора, город и страна
Название статьи на русском языке
Аннотация (на русском языке, не менее 1000 знаков без пробелов)
Ключевые слова (на русском языке до 15 слов)
Инициалы и фамилия автора на английском языке
Место работы автора, город и страна на английском языке
Название статьи на английском языке
Аннотация (на английском языке не менее 1000 знаков без пробелов)
Ключевые слова (на английском языке до 15 слов)
Подробные сведения об авторе на русском английском языках (фамилия, имя и отчество, ученая степень, звание, место работы, город и страна)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

DOI: 10.14258/nreur(2022)1–0

И. И. Иванов

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятия природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывает-

ся на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

Цитирование статьи:

Иванов И. И. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 000–000. DOI: 10.14258/nreur(2022)2–10

I. I. Ivanov

Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia)

**MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN
PEOPLES OF SOUTH SIBERIA**

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space

in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

For citation:

Ivanov I. I. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. Т. 27, № 1. P. 000–000. DOI: 10.14258/nneur(2022)2–10

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия). Адрес для контактов: i.iivanov@mail.ru

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). Contact address: i.iivanov@mail.ru. Orcid.org/0000–0002–4933–8809

Введение

Текст статьи на русском языке: Текст

Тематические разделы (от 1 до 5)

Текст Текст

Заключение.

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Благодарности

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07–01–00842а)

Библиографический список

References

Библиографический список

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов,

1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References такая же, как в списке литературы.

Образец оформления литературы:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: [http:// bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/](http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/) (дата обращения:: 19.10.2016).

7. Издания на иностранном языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. P. 429–439 (in English).

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке : материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

References

Список “References” (латинизированный список) содержит все публикации библиографического списка, но в латинизированной форме и расположенные по англ. алфавиту. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ", ы — y, ь — ', э — e, ю — yu, я — ya. Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод работы на английский язык.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) *Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте “Convert Cyrillic”:* www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. В левом столбике (*CONVERT FROM*) выберите тот вариант, напротив которого Вы видите правильно отображенную фразу «Русский язык» — скорее всего, это будет: **Unicode [Русский язык]**. В правом столбике (*CONVERT TO*) выберите *второй* вариант: **ALA-LC (Library of Congress) Romanization without Diacritics [Russkii iazyk]**. Скопируйте весь список «Научной литературы» из Вашей статьи в окно левого столбика. Нажмите кнопку **Convert** посередине. В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Скопируйте его из окна в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiia, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoy traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. Available at: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filoz. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph.D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664, fol. 33 (in Russian).

8. Иностраный источник (не на английском языке):

Horyna B. Introduction to the Study of Religion [Úvod do religionistiky]. Praha: Oikomene, 1994, 131 p. (in Czech).

Li Fengmao. *Wonderland and Travel: The Imagination of the Immortal World*. Beijing: Zhonghua shuju, 2010, 468 p. (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи. Подписи к рисункам предоставляются на русском и английском языках.

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу*.

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2022. Том 27, № 2

Редактор Л. И. Базина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог АО «Почта России».
Подписной индекс ПР446. Цена свободная.

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 27.06.2022.

Выход в свет 30.06.2022.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 15,0. Тираж 300 экз. Заказ 329.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66